

ISSN 0130 1640

www.znanie-sila.ru

ЗНАНИЕ-СИЛА®

«Knowledge itself is power» (F. Bacon)

8/2017

Русский бунт **беспощаден**.
Но так ли он **бессмыслен**?

6+

Море наступает на сушу, отнимая у человека обжитое пространство. Почему бы нам не расселиться в «плавучих городах», построенных прямо в море?

Стр. **4**

Наводнения бывают на Балтике, бури — да, штормы — может быть. А разве на Балтике бывают цунами?

Стр. **60**

Исполняется 100 лет со дня рождения Никиты Николаевича Моисеева. О некоторых мыслях, делах, прогнозах этого удивительного человека стоит почаще вспоминать

Стр. **69**

Площадь, занятая дождевыми тропическими лесами в Индонезии, стремительно сокращается. Можно ли спасти эти удивительные леса?

Стр. **95**

ЗНАНИЕ – СИЛА 8/2017

Ежемесячный научно-популярный
и научно-художественный журнал
Член Российского исторического общества

№ 8 (1082)
Издается с 1926 года

Свидетельство о регистрации:
СМИ ПИ № 77-13958 от 18 ноября 2002 г.
Выдано Министерством РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

Для читателей старше 6 лет

Учредитель Т. А. Алексеева

Научный совет журнала:
Торкунов А. В. – академик РАН – председатель
Галимов Э. М. – академик РАН
Гусейнов А. А. – академик РАН
Зеленый Л. М. – академик РАН
Нигматулин Р. И. – академик РАН
Пивовар Е. И. – член-корр. РАН
Рубаков В. А. – академик РАН
Симония Н. А. – академик РАН
Тишков В. А. – академик РАН
Чубарьян А. О. – академик РАН
Шустов Б. М. – член-корр. РАН

Генеральный директор
АНО «Редакция журнала «Знание – сила»
И. А. Харичев

Главный редактор И. Г. Вирко

Редакция:
Л. А. Ашкинази
О. А. Балла
И. М. Бейненсон (ответственный секретарь)
Г. П. Бельская
А. В. Волков
О. М. Корнеева
А. А. Леонович
И. В. Прусс

Заведующая редакцией Н. Н. Шатина
Художественное редактирование и верстка
М. М. Лускатов

Интернет- и мультимедиа проекты Н. В. Алексеева

Оформление Ю. Н. Сарафанов

Корректор Н. Е. Рожкова

Подписано к печати 07.07.2017. Формат 70 x 100 1/16.
Офсетная печать. Печ. л. 8,25. Усл. печ. л. 10,4.
Уч.-изд. л. 11,93. Усл. кр.-отт. 31,95. Тираж 5000 экз.

Адрес редакции:
115114, Москва, Кожевническая ул., 19, строение 6,
тел. (499) 235-89-35, факс (499) 235-02-52
тел. коммерческой службы (499) 235-72-64
e-mail: zn-sila@ropnet.ru

Отпечатано в АО «Орден Октябрьской Революции,
Ордена Трудового Красного Знамени
«Первая Образцовая типография»,
филиал «Фабрика офсетной печати № 2»
Адрес: 141800, город Дмитров МО,
улица Московская, дом 3.
Телефон: (495) 993-93-33
Факс: (495) 993-73-43
Сайт: for2.ru
Электронная почта: ofset@bk.ru
Заказ №

© «Знание – сила», 2017 г.

«ЗНАНИЕ – СИЛА»

**Журнал,
который умные люди
читают уже 92-й год!**

**Сегодня подписка,
а завтра**

- научные сенсации и открытия;
- лица современной науки;
- человек и его возможности;
 - прошлое в зеркале современности;
 - будущее стремительно меняющегося мира.

Интернет-версия –
www.znanie-sila.ru

На сайте:

- **лучшие публикации за все годы;**
 - **о редакции;**
- **стаффажи Виктора Бреля;**
 - **новости научной жизни;**
 - **архив номеров;**
 - **подписка;**
- **электронная версия архива и мультимедийная продукция.**

В течение 2017 года выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

Сельские школы
Белгородской области получают журнал
благодаря финансовой поддержке
фонда «Поколение».

49 библиотек Ярославской области
подписаны инициативной группой
Ирины Чистовой.

Цена свободная

**Вышедшие ранее номера журнала
«Знание – сила»
можно приобрести в редакции**

Подписка с любого номера

Подписные индексы в каталоге «Роспечать»:
70332 (индивидуальные подписчики)
73010 (предприятия и организации)

**Подписка в Сети <http://pressa.ru>
Продажа электронной версии: litres.ru**

8 / 2017 В НОМЕРЕ

4 ЗАМЕТКИ ОБОЗРЕВАТЕЛЯ

Александр Волков
**Систейдинг, или
Плавучие усадьбы XXI
века**

Плавучие дома и поселки уже входят в нашу повседневную жизнь. В «плавучих городах», городах, построенных в море, могли бы проживать многие тысячи людей...

14 НОВОСТИ НАУКИ

16 В ФОКУСЕ ОТКРЫТИЙ

Рафаил Нудельман
**Жестокий профессор
Мюллер**

17 ГЛАВНАЯ ТЕМА

**Музей – как лицо
эпохи**

Как повлияла усадебная культура на русскую жизнь в XVIII—XX веках? В чем кроются смыслы этой культуры? Попробуем увидеть феномен русской усадьбы в целом

17 *Мария Нащокина* **«Усадьба – в основе всей русской культуры»**

25 *Александр Каменский* **Время медленной новизны**

35 *Алла Филиппова* **«Именьем, брат, не управляй оплошно...»**

43 *Елена Генерозова* **Дорожки парков заросли травой**

44 КНИЖНЫЙ НАВИГАТОР

Леонид Ашкинази
**Музеи-усадьбы: книги
и интернет**

48 ВО ВСЕМ МИРЕ

50 1917: ДО И ПОСЛЕ

Владимир Булдаков
**Революция
и солдатский бунт**

59 РАЗМЫШЛЕНИЯ К ИНФОРМАЦИИ

Борис Жуков
**Меж живым
и неживым**

60 ПЛАНЕТА БУРЬ

Андрей Никонов
**На что способна
Балтика? Узнать
и предусмотреть**

67 МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА

69 ЛЮДИ НАУКИ

Георгий Малинецкий
Создатель Будущего

77 МАЛЕНЬКИЕ ТРАГЕДИИ ВЕЛИКИХ ПОТРЯСЕНИЙ

Елена Съянова
**Самый нелепый
наследник**

8 / 2017 В НОМЕРЕ

79 ТАЙНЫ ЗАБЫТЫХ ПРЕДКОВ

Александр Голяндин
**Мир неандертальцев:
реконструкция**

Попробуем воссоздать облик и образ жизни давно исчезнувших неандертальцев. Что мы знаем о них? Как они выглядели? Где жили? Чем питались? Какие орудия труда использовали?

86 КОСМОС: РАЗГОВОРЫ С ПРОДОЛЖЕНИЕМ

Сергей Ильин
**Никю и Табби – две
новые загадки**

89 ПРОБЛЕМЫ ПЛАНЕТЫ ЗЕМЛЯ

Александр Грудинкин
Заглянуть в бездну

93 ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ВАМПИРОЛОГИЯ

94 ПУТЕШЕСТВУЯ ПО ЮГО- ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

95 ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Михаил Георгиади
Леса Калимантана

100 ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Татьяна Громова
Король Седанга

103 РЕВОЛЮЦИЯ И ЧЕЛОВЕК

Александр Волков
**Дутерте, или Куда
приводят мечты**

110 ФЕСТИВАЛИ, ТРАДИЦИИ, РИТУАЛЫ

Татьяна Соловьева
**Три любимых
праздника жителей
Юго-Восточной Азии**

113 РАЗМЫШЛЕНИЯ У КНИЖНОЙ ПОЛКИ

Александр Зайцев
Последний тигр

Еще пару столетий назад животный мир Вьетнама был необычайно разнообразен. Люди здесь жили в краю непуганых зверей и птиц. Теперь вьетнамские леса понемногу пустеют. Одних животных убивают, чтобы приготовить из них лекарство, других – чтобы продать владельцам ресторанов, где огромным спросом пользуются «экзотические блюда».

118 ВСЕ НЕ ТАК

Ал Бухбиндер
**В поисках первого
петуха**

123 КОНТРВЕРСИИ

Константин Душенко
**Великие о великих:
хвала и хула**

128 МОЗАИКА

Систейдинг, или Плавучие усадьбы XXI века

Средняя температура на планете растёт. В Арктике и Антарктике тают льды. В средней полосе и на экваторе в одночасье выпадают «месячные нормы осадков». Все чаще случаются наводнения, наблюдаются ураганы. Неуклонно повышается уровень Мирового океана (см. Главную тему июльского номера). Море наступает на сушу, отнимая у человека обжитое пространство.

Почему бы проблему не обратить в преимущество? В «плавучих городах», городах, построенных в море, могли бы проживать многие тысячи людей. Эта идея увлекает архитекторов и футурологов во всем мире. В их воображении рождаются города-государства, выросшие среди моря, как на земле обетованной.

Конечно, такие утопии — дело будущего. А вот плавучие дома уже входят в нашу повседневную жизнь. В некоторых странах, например, в Нидерландах, идея их строительства особенно популярна.

Само название «Нидерланды» переводится как «Низинные земли». Четверть территории страны лежит ниже уровня моря — почти все пространство между крупнейшими городами: Амстердамом, Роттердамом и Гаагой. Громадные дамбы защищают эту область от затопления. Они давно стали такой же привычной деталью пейзажа, как шоссе и дороги.

Недаром в стране бытует шутка: «Бог сотворил мир, а Нидерланды создали голландцы». За тысячу лет они отвоевали у моря обширную тер-

риторию. Большая часть провинции Зеландия сотворена людьми.

Даже если уровень моря к концу нынешнего столетия повысится на 1,3 метра, как явствует из некоторых прогнозов, плотины удержат море в прежних границах. Но если оно и дальше будет наступать на сушу, то придется потратить огромные суммы, чтобы нарастить дамбы. Иначе под водой могут оказаться многие поселения и городские кварталы.

Голландцы и любят море, издавна дающее им богатства, и ненавидят его, готовое отнять у них страну. Но, может быть, новой страной им станет сама стихия воды?

В последние годы сразу несколько архитектурных бюро в Нидерландах занялись проектированием плавучих домов. Некоторые проекты уже воплощаются. Ими интересуются и в других странах: в Китае и Таиланде, на Мальдивских островах и в Объединенных Арабских Эмиратах.

Тем временем на восточной окраине Амстердама, прямо у побережья, вырос новый квартал — Эйбург. Там «встали на якорь» 55 плавучих домов, имеющих форму куба. Как бы ни повышался уровень моря, эти комфортабельные дома-контейнеры всегда останутся на плаву.

Общая площадь помещений в самых маленьких домах составила 100 квадратных метров. На их крыше сооружена терраса площадью 10 квадратных метров. В самых крупных постройках общая площадь помещений составляет 156 квадратных мет-

ров. Рядом с каждым домом — место для стоянки лодки.

Плавающие дома появляются и в других районах Нидерландов — в Утрехте, в окрестности Гааги и Арнема. Образцовый тому пример — поселение Маасбоммель близ Арнема (провинция Гелдерланд). Идея родилась в 1995 году, когда реки Ваал и Маас вышли из берегов и 65 тысяч человек вынуждены были покинуть свои дома. Чтобы трагедия не повторилась, к 2004 году было построено 46 плавающих домов, и это только начало. Одни сооружены прямо в реке. Другие, если придет большая вода, плавно всплывут.

Со временем близ амстердамского аэропорта Схипхол может вырасти целый плавающий город со своими школами и супермаркетами — голландская Венеция на Эйсселе (правый рукав Рейна в Нидерландах. — *А. В.*), где будет проживать до 50 тысяч человек (планируется построить там 12 тысяч квартир).

Украшением Роттердама стал Floating Pavilion, Плавающий павильон (2010). Его площадь составляет 800 квадратных метров. Длина достигает полусотни метров, высота — 12 метров. Он состоит из трех прозрачных куполов, которые плавно перетекают один в другой, напоминая громадные шлемы водолазов. Основа куполов — металлический каркас из пяти- и шестиугольников, облицованный полимерным покрытием, что в сто раз легче стекла.

Купола располагаются в бухте, на надежно закрепленной платформе, которая так же прочна, как бетон, но ее плотность в два с лишним раза ниже, чем у воды. Для ее изготовления использовались бетон и пенополистирол (стиропор) — материал с очень низкой плотностью.

В Плавучем павильоне теперь проводятся конференции и выставки. Но, главное, видя этот застывший над водой «стеклянный» дворец, любой человек понимает, что разговоры о плавающих усадьбах, поселках, городах — все не фантастика. В скором времени крупные города начнут прирастать

реками и морем — там, среди волн, повсюду появятся внушительных размеров постройки.

Нидерланды — та страна, где, может быть, впервые в мире придется построить целый плавающий город на искусственных платформах, неподвижно закрепленных на дне моря. По прогнозу нидерландского архитектора Барта Реффена, к концу нынешнего столетия до четырех миллионов жителей Нидерландов будут проживать в плавающих домах — в поселениях и городах, возведенных прямо на воде.

Архитекторы говорят о грядущей «Blue Revolution», о том, что реки, озера, прибрежные участки моря станут полноправной частью городской территории — объектами массовой застройки. Там, где бесполезно текла вода, вырастет множество зданий. Все минувшее столетие крупные города во всем мире стремительно росли вширь, ввысь, вглубь. Теперь они двинутся... всплавь. Водная гладь станет одной огромной стройплощадкой.

Вот уже десять лет сотрудники калифорнийского Института системдинга одержимы идеей расселения людей на искусственных островах, расположенных в нейтральных водах. Само слово «систейдинг» (Seasteading) — это неологизм, который можно перевести как «морское подворье», «морская усадьба». Основателями института стали в 2008 году Уэйн Грэмлич, автор появившейся за десять лет до этого статьи-манифеста «Систейдинг — домовладение в открытом море», и футуролог Пэтри Фридман, внук знаменитого экономиста, лауреата Нобелевской премии Милтона Фридмана.

Сотрудники института проектируют гигантские платформы, на которых будут строиться многоэтажные здания, рассчитанные на сотни жителей. Плавающие платформы могут пришвартовываться друг к другу, образуя целые кварталы, а то и города, выросшие в море. Миниатюрные атомные электростанции будут снабжать поселения энергией. Эти города, возникшие на ничейной территории, вдали от традиционных государств, будут жить по своим законам.

Полгода назад стало известно, когда появится первая внеземная колония людей — если, прибегнув к каламбуру, мы назовем так искусственный остров, сооруженный вдали от суши, от земли. Фантастическая идея начала воплощаться в жизнь. В январе институт заключил договор с Французской Полинезией на разработку проекта первого поселения в море. Если он будет принят, строительство начнется уже в 2019 году.

Интерес со стороны заказчиков не случаен. Многим островам Полинезии со временем грозит затопление, если уровень Мирового океана будет расти теми же темпами, что и сейчас. Например, там, на Таити — острове, увековеченном Гогеном, — немалая часть территории лежит вровень с морем. Если климатические изменения продолжатся, то даже столица Таити, город Папеете, частично скроется под водой.

Море в окрестности островов Полинезии спокойное, глубина небольшая. Это место словно создано для строительства плавучих городов, заявляет директор Института системинга Рэндольф Хенкен. Для начала возникнет небольшое поселение — несколько десятков человек, не больше. Позднее оно разрастется, там будут проживать сотни и даже тысячи людей. В открытом море появятся пятизвездочные отели, шоппинг-моллы и гавани для яхт.

Выбор места вблизи Таити особенно удачен потому, что остров отличается ровным и здоровым климатом. Средняя температура в течение года: +26 градусов. Тропическая жара умеряется свежим морским воздухом.

В не столь отдаленном будущем жители плавучих городов будут любоваться живописными пейзажами не только на Таити. Ведь со временем и другие острова в Тихом океане начнут скрываться под водой. Трудные времена ждут Кирибати — островную страну, лежащую в нескольких метрах над уровнем моря. Маршалловы острова уже к концу нынешнего столетия утратят почти 80% своих владений. Задолго до этого начнется соору-

жение новых Маршалловых островов или новых Кирибати.

Свои «внеземные колонии» появятся и в других районах планеты. Есть два возможных сценария.

- Появление небольших поселений, рассчитанных на несколько сотен человек. Возможно, это будут поселения-предприятия. Все их жители будут заняты на одном производстве. Легче всего сооружать такие поселения близ побережья, на мелководье. Они могут появиться в территориальных водах США, у юго-западного побережья Японии, в Средиземном и Балтийском морях.

- Строительство городов, где будет проживать более 50 тысяч человек. Подобный город, занимающий территорию в несколько десятков квадратных километров, может быть построен в открытом море, например, в двухстах километрах от побережья Бразилии, на полпути между Рио-де-Жанейро и уругвайской столицей, Монтевидео.

Выгоднее всего возводить плавучие города в тех регионах, где температура морской воды круглый год колеблется в пределах от плюс 24 до 27 градусов. Тогда не нужно заботиться ни о том, как обогревать этот город, ни о том, как защищать его жителей от невыносимой жары. Этому критерию не отвечает Балтийское море. Тем не менее проект строительства в нем плавучих городов тоже очень интересен.

Плавучий город будет полностью автономным — чем-то вроде города-государства. Все необходимое для жизни горожан, в том числе электрический ток и питьевая вода, будет вырабатываться в самом городе. Энергию дадут силы природы — солнце, ветер, приливные волны. Сточные воды прямо здесь будут очищаться, а мусор — уничтожаться. Жители таких городов станут заниматься добычей полезных ископаемых в морях или морским «сельским хозяйством» — разведением рыбы и моллюсков, а также выращиванием съедобных водорослей.

По мнению экспертов из Института системинга, такие города будут строить близ подводных горных си-

стем, чьи вершины располагаются всего в сотне-другой метров от поверхности моря. Ведь платформы — фундамент плавучего города — нужно закреплять в морском грунте, а потому глубина моря там, где расположится город, должна быть не очень большой.

Города на суше редко страдают от бурь и ураганов. На море бури бывают часто. Сильный шторм может нанести серьезные повреждения инфраструктуре города. Поэтому его придется огораживать плавучей стеной, о которую будут разбиваться волны. Ученые из Технического университета Делфта (Нидерланды) подсчитали, что таким способом город можно защитить даже от волн четырехметровой высоты.

Со временем все больше людей будет задумываться о том, чтобы поселиться где-нибудь в море, а не на суше, где стоимость участка земли в крупных городах уже сейчас достигает астрономической величины.

Бельгийский архитектор Винсент Каллебо спроектировал «экополис Лилипад» — громадный морской город, в котором будет проживать не менее 50 тысяч человек, «экологических беженцев» — жителей тех островов и прибрежных территорий, что из-за повышения уровня Мирового океана постепенно уйдут под воду, пишется в сопроводительной записке.

Облик «экополиса» навеян очертаниями листа амазонской виктории — растения семейства кувшиновых. Остов этого плавучего города будет сооружен из полиэфирного волокна с титановым покрытием. Источниками энергии станут солнечные и ветряные электростанции, а также электростанции, использующие энергию приливных волн и термальную энергию.

Такие модели могут заинтересовать, в первую очередь, власти небольших, но богатых городов-государств — таких, как Монако или Сингапур, не имеющих возможности иначе расширить свою территорию. Строительство новых городских кварталов прямо в море, неподалеку от берега, — отличный выход для них. В перспективе могут появиться новые карликовые го-

сударства, которые, как полагают, могут стать полигоном, где будут опробованы новые политические технологии.

Один из идеологов систейдинга Пэтри Фридман уверен, что в любой части мира, вдали от берегов, от юрисдикции чьих-то законов, можно обустроить «плавающий Сингапур» — крупнейший деловой и финансовый центр мира. Сделать это можно лишь в море, в нейтральных водах.

Планы Фридмана и его коллег звучат, как завязка научно-фантастического романа: «В 2100 году далеко в море, омываемый отовсюду волнами, прямо из воды выросла огромный город. Он был таким же многолюдным, как Гонконг или Шанхай, но его великолепные здания, его просторные улицы, словно над бездной, висели над водой. Этот город, построенный там, где прежде лишь тяжело сновали корабли, был исполнен легкости и свободы. Нигде во всем мире люди не чувствовали себя привольнее, чем в Мореграде-на-Океане. Ветхое бремя древних законов не пригибало их, а новые правила и законы, придуманные ими самими, удивительно точно отвечали их светлому, независимому духу».

Весь наш земной шар — не что иное, как громадный рынок, который поделила между собой небольшая группа монополистов. Семь с лишком миллиардов человек населяет планету, и эти семь миллиардов «приписаны» всего к 192 странам. Создать новое государство в наши дни — через четверть века после тектонических сдвигов 1990—1991 годов — это тяжелейшая проблема. Множится — прежде всего, не территории бывшего СССР — число непризнанных государств. Их не собираются признавать ни ООН, ни другие международные институты, ни соседи по географической карте. И уже совсем невозможно представить, что появится новый Сесил Родс, который получит мандат на «колонизацию диких земель» — на создание своего царства-государства, пусть даже в Антарктиде. Чересполосица границ на всех континентах считается ныне незыблемой, нарушение границ —

преступным деянием, заслуживающим международного осуждения.

«Всюду есть инновации, — заявляет Пэтри Фридман в своем выступлении на «YouTube», — их нет только в политике, где мы всё еще используем правовые конструкции 1789 года». Национальные государства — плод политической истории последних двух столетий — не в силах справиться с общепланетарными проблемами: с ростом мирового населения, с глобальным потеплением, с мировыми финансовыми кризисами, с голодом в странах третьего мира.

Если рассматривать современные государства как коммерческие предприятия, то они ужасно неэффективны. Долги самой крупной и вроде бы сверхуспешной госкорпорации под названием «С. Ш. А.» на сегодня приближаются к 20 триллионам долларов. Любое бизнес-предприятие, ведущее такую политику, давно бы обанкротилось. Виртуальное общемировое государство — «интернет» — наоборот, процветает. Политикам провинциальных государств, какими бы крупными те ни казались, рано или поздно, придется признать свое поражение в конкурентной борьбе с той незримой силой, что сплачивает всех людей «поверх барьеров», поверх границ.

Вот и «виртуальные островные государства» будущего окажутся вовсе не такими уж беззаконными. В имеющихся сегодня законах есть лазейки для них. Например, старые корабли, которые на первых порах будут использоваться как искусственные острова, можно зарегистрировать в Панаме или на Тринидаде. Они готовы продать свой флаг любому. Почему бы энтузиастам системдинга не покупать его «ради буквы закона»? Любые экономические отношения строятся на использовании валюты? В интернете накоплен немалый опыт использования виртуальной валюты.

Но, самое главное, что большая часть земного шара никому неподвластна. Она покрыта Мировым океаном, и это — нейтральная территория, где только отсутствие почвы под ногами мешает авантюристам и энтузиастам

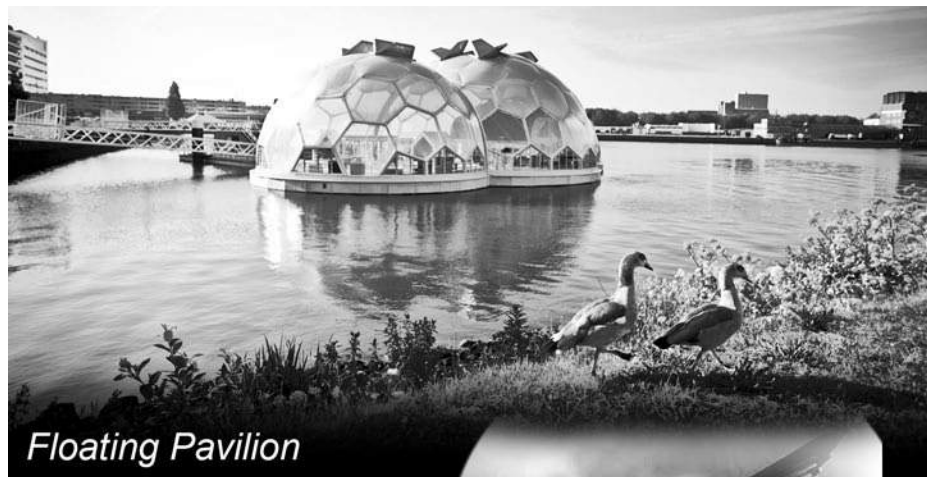
обосноваться. Когда мы научимся строить искусственные острова в океане, разгорится новое соперничество. Одна за другой на голубых просторах глобуса станут появляться крохотные цветные точки — независимые от остального мира владения: маленькие морские государства для олигархов и миллионеров. Начнется «морской передел мира».

С появлением множества независимых островков, считают теоретики системдинга, у людей появится выбор — они могут принять гражданство любого из них, ведь процедура его приема будет, как предполагается, очень упрощена. Сегодня любой человек может выбрать «свою» страховую компанию, а послезавтра — «свое» государство, а именно то, которое предложит ему лучшие условия — например, условия налогообложения.

Помимо имеющихся прав, у нас должно быть еще одно неотъемлемое право. «Каждый человек должен иметь право покинуть свою страну, если он не доволен условиями проживания в ней или если его права нарушаются», — заявил директор Института системдинга Рэндольф Хенкен.

В стенах института брезжит даже видение новой цивилизации — поистине «рожденного из пены волн» человечества. В мире, где люди готовы истреблять себя во имя обветшалых верований и исторических претензий, нам жизненно важно обрести территорию, еще никогда не принадлежавшую никому, чтобы там, с чистого листа, начать строить *наш* Новый Мир, Новый Свет. Пять столетий назад таким первозданным Раем, заселить который был приглашен «современный Адам», европейцам казалась Америка. Сегодня им станет Океан.

Строительство на просторах Океана нового счастливого мира не будет омрачено уничтожением всего «старого, отжившего», не будет обильно полито кровью, как это было с самого начала сделано в коммунистическом эксперименте в Советской России. «Большевицкая сказка», густо замешанная на людской крови, развеялась, как чад. Космическая утопия

Floating Pavilion

Систейдинг

Sealand

или же, как в нашем случае, морская утопия, по-детски мечтают футурологи, осчастливят человечество.

Вот только, если все финансисты вздумают, уходя от налогов, поселиться в «райских уголках» посреди океана, не обрушит ли это финансовую систему ведущих западных стран? Не приведет ли к хаосу в экономике? Не станут ли эти острова, по меткому выражению одного журналиста, «Ноевым ковчегом для могильщиков Уолл-стрита»?

...Мало кто знает, что ровно полвека назад, 2 сентября 1967 года, в Северном море, было основано независимое государство — княжество Силенд (Силандия). Все оно целиком поместилось на одной заброшенной платформе, сооруженной неподалеку от берегов Англии. Здесь поселился отставной майор британской армии Пэдди Бейтс, который и провозгласил себя третьестепенным монархом.

Самозванец был радиопиратом. Поначалу эта затея была нужна ему для того, чтобы поселиться близ Англии на нейтральной территории, где он был бы защищен от правосудия Ее Величества и откуда транслировал бы с помощью радиопередатчика все, что хотел. За несколько лет жизни на этом островке Бейтс увлекся начатой им игрой — придумал для своего государства почтовые марки, даровал своим сторонникам паспорта, начал выпуск силендских долларов.

Его начинания были восприняты официальными лицами как безобидная шутка, как театральная игра, перенесенная в жизнь. С княжеством Силандия никто не считался. И все-таки шутейное княжество просуществовало на законных основаниях двадцать лет, пока не изменились законы и в 1987 году ширина территориальных вод у побережья Англии не увеличилась с трех до 12 морских миль. Платформа, где процветала княжеская вольница, теперь формально стала принадлежать Великобритании (впрочем, бурная история Силенда с государственными переворотами, грандиозными аферами, катастрофическими пожа-

рами и правительством в изгнании продолжается).

Княжество Силенд покоилось на незабываемых устоях промышленной конструкции. Его нельзя было отвезти подальше от берега. Плавающие города будущего появятся в международных водах, в той части Океана, что будет неподконтрольна никому. Но станут ли они и впрямь независимы от остального мира, от его политических игр и страстей? И так ли уж они не поддаются под действие международных законов?

«Мы хотим основать целый ряд новых государств», — говорят идеологи системдинга. Но какой будет их природа? Как они уживутся друг с другом и, прежде всего, с уже существующими государствами? Не будут ли их воспринимать, как преступные пиратские республики, с которыми надо бороться, как с нарушителями международного права? Не примутся ли карать их за попытку выйти из мировой экономической и финансовой системы, за подрыв признанных идеологий, пренебрежение их ценностями? Кто защитит их суверенитет, если они сами отрицают единственный его возможный оплот — пресловутое «устаревшее право»?

Юристы уверены, что сегодняшнее «беззаконие» продлится недолго. К тому времени, когда начнется строительство подобных городов, все необходимые поправки к международным законам будут приняты. Вольница плавающих городов не воцарится в открытом море. Мечтам о том, что люди, «отринув оковы» старых законов, свободно поселятся среди «морей-окиянов», не суждено сбыться и на сей раз.

Вековое тяготение земных законов удается преодолеть, может быть, тем колонистам, что отправятся заселять другие планеты. Но это уже иная история. И она началась 60 лет назад, когда в околоземное пространство был выведен первый советский спутник. Этому событию и его последствиям для судеб цивилизации будет посвящена Главная тема нашего октябряского номера.

Вернуть воде сушу

Нидерландский архитектор Анки Стам так объяснила суть революции в строительстве, совершающейся в ее стране: «Люди поняли, что мы не можем вечно бороться с водой при помощи дамб и насосов. Нам нужно научиться ладить с ней. Мы хотим вернуть воде сушу».

Ее слова надо понимать буквально. Обширные участки западного побережья Нидерландов отвоены человеком у моря. Их ограждают дамбы, сюда регулярно просачивается вода, которую приходится выкачивать при помощи насосов. Занятие это дорогое и не всегда успешное. Здесь повторяются наводнения. А ведь это — важнейший сельскохозяйственный регион. Тут всюду расположены теплицы. Так можно ли справиться с наводнениями?

В последние годы в Нидерландах стали все чаще говорить о том, что с морем бесполезно бороться — его надо взять в союзники, действовать с ним заодно. Надо не отгораживаться от моря, а пустить его в страну «на постой». Самим же поселиться уже не на суше, а на воде — на построенных всюду плавающих платформах. Их можно соорудить не только на воде, но даже... на суше.

Пока уровень воды остается низким, постройки покоятся на фундаменте, огражденном двумя стальными опорами высотой 5,5 метров. Когда начинается наводнение, весь дом плавно, как кабина лифта, поднимается вдоль этих опор на безопасную высоту — точнее говоря, всплывает, поскольку его фундамент обладает плавучестью. Все коммуникации в доме сооружены с запасом в несколько метров, поэтому провода не оборвутся.

В городке Наалдвийк, лежащем к западу от Делфта, решили прибегнуть к этой радикальной мере. Стремясь снизить напор воды на дамбы, здесь затопили участок суши площадью 70 гектаров. Находившиеся там теплицы пришлось выкупить и снести. Однако от затопленного участка люди не отказались. Здесь прямо на воде будет построено шесть сотен домов: от роскошных апартаментов до маленьких домиков для молодоженов. Строительство началось в 2012 году и будет завершено в 2019. Так и вода вернулась на свое прежнее место — и люди не уехали из родных мест, а поселились теперь прямо в море.

Плавающие деревни Вьетнама

Во Вьетнаме с давних времен сооружают плавающие деревни на плотках. Такие деревни имелись в бухте Халонг (подробнее о ней читайте в следующем номере), а также в районе городка Тяудок на границе с Камбоджей. В самой Камбодже также

имелись плавающие деревни. В Гонконге и Макао бедняки нередко жили в лодках (джонках). Зато в Сринагаре (Кашмир, Индия), на озере Дал, в колониальные времена были обустроены плавающие гостиницы для английской и местной знати.

«Плавающий остров» Жюль Верна

В 1895 году Жюль Верн написал роман «Плавающий остров» о жителях гигантского искусственного острова Стандарт-Айленд. Оборудованный гребными винтами остров состоял из 260 тысяч стальных понтонов, общей площадью в 27 квадратных километров, при этом весь он был покрыт толстым слоем чернозема. Жили здесь одни миллиардеры — уроженцы Соединенных

Штатов Америки, и не случайно столица острова носила название Миллиард-Сити. Это был идеальный город с широкими проспектами и движущимися тротуарами, с домами, построенными из алюминия — металла будущего. Две гигантские электростанции, каждая мощностью пять миллионов лошадиных сил, вырабатывали электроэнергию с напряжением 2000

вольт. Электричество приводило в движение систему винтов, расположенных по левому и правому борту острова. Словно круизный лайнер, он курсировал по Тихому океану, посещая Маркизские

острова, Таити, Тонга, архипелаг Фиджи, пока не прибыл на Новые Гебриды, где на остров миллиардеров внезапно напали дикари. Безоблачному счастью скучающих богачей внезапно пришел конец...

Существование темной энергии поставили под сомнение

Международная группа, включающая американских и венгерских космологов, предложила новую модель Вселенной, где отсутствует темная энергия, ответственная, по современным представлениям, за ускоренное расширение Вселенной. Как отмечают члены группы, традиционные космологические модели основаны на приближенных решениях уравнений общей теории относительности Эйнштейна и, как следствие, не учитывают влияние крупномасштабной структуры Вселенной. Именно по этой причине космологам понадобилось ввести в свои модели темную энергию.

Исследователи разработали компьютерную модель, в которой Вселенная, как и в реальности, имеет ячеистую структуру. Галактические нити и темная материя располагаются на «стенках» ячеек, а внутри последних находятся войды — пустые пространства, в которых отсутствуют галактики и их скопления. Ученые проследили за симуляцией эволюции такой структуры и обнаружили, что различные области космоса расширяются с разной скоростью. Средняя скорость при этом соответствует наблюдаемым темпам расширения Вселенной. Если выводы исследования будут подтверждены, это серьезно изменит наши нынешние представления о Вселенной.

Вместе с тем, российский космолог, член-корреспондент РАН Дмитрий Горбунов высказал следующее мнение по поводу данного исследования: «Идей влияния локального распределения материи на качество описания глобальных процессов (расширение Вселенной) предлагается много, но пока не было успешного примера. В данном случае тоже есть сомнения в успешности, поскольку существуют теоремы, утверждающие, что в гравитационных уравнениях можно усреднять пространственное распределение материи. В пределе больших расстояний выживает основной эффект, и у нас он — ускоренное расширение».

Публикация в «Monthly Notices of the Royal Astronomical Society».

Создана новая форма материи

Физики из Массачусетского технологического института (США), используя лазеры, с помощью которых им удалось придать квантовой жидкости (конденсату Бозе-Эйнштейна) структуру, характерную для кристаллов, создали из атомов натрия сверхтекучее твердое тело.

Напомним, что конденсат Бозе-Эйнштейна представляет собой вещество, образованное бозонами — частицами с целым значением спина, которые могут находиться в одном и том же квантовом состоянии. Это отличает их от фермионов (например, электронов), в отношении которых действует принцип запрета Паули. Данное свойство позволяет бозонам при сверхнизких температурах демонстрировать видимые невооруженным глазом квантовые эффекты, одним из которых является сверхтекучесть, при которой квантовая жидкость может просачиваться через трещины без трения. Если квантовая жидкость образует кристаллы, то такую материю называют сверхтекучим твердым телом (supersolid).

С помощью лазерного охлаждения, при котором атомы излучают больше энергии, чем поглощают, исследователи уменьшили внутреннюю энергию атомов натрия, являющихся бозонами, до минимума. После этого у половины бозонов был изменен спин, в результате чего конденсат Бозе-Эйнштейна был преобразован в смесь из двух квантовых жидкостей. Лазером ученые изменяли спины отдельных атомов, перенося их, таким образом, из одной жидкости в другую.

В ходе экспериментов плотность конденсата Бозе-Эйнштейна спонтанно изменялась, образуя рябь или волны. Такое состояние называется фазой полосы (stripe phase), и ее наличие характерно для сверхтекучего твердого тела.

Статья вышла в журнале «Nature».

Найдена необычная галактика

Международная группа астрономов обнаружила с помощью телескопов обсер-

ватории Кек, расположенной на Гавайском архипелаге, мертвую галактику, которая по возрасту сравнима с Млечным Путем. Галактика ZF-COSMOS-20115, удаленная от Земли примерно на 12 миллиардов световых лет, образовалась через 1,65 миллиарда лет после Большого взрыва. Она имеет сравнительно небольшие размеры и крайне высокую плотность: в области пространства, диаметр которой равен расстоянию от Солнца до туманности Ориона, содержится около 300 миллиардов звезд.

Изучение необычной галактики показало, что в возрасте 700 миллионов лет темпы формирования звезд были у нее в пять тысяч раз выше привычных показателей. Такая скорость привела к тому, что галактика исчерпала «топливо» менее чем за сто миллионов лет.

Как отмечают исследователи, эволюция ZF-COSMOS-20115 не вписывается ни в одну из существующих теоретических моделей. Поэтому пока невозможно определить причины столь быстрого звездообразования.

Публикация в журнале «Nature».

Доказано истончение земной коры

Американские геофизики показали, что средняя толщина земной коры, расположенной под Мировым океаном, с течением времени уменьшается.

Океаническая кора под срединно-океаническими хребтами, сформированная около 170 миллионов лет назад, в середине юрского периода, когда завершился процесс распада суперконтинента Пангея, в настоящее время стала тоньше в среднем на 1,7 километра.

Сильнее всего, по мнению ученых, толщина коры уменьшилась под Индийским и Атлантическим океанами, и меньше — под Тихим.

К своим выводам специалисты пришли, проведя метаанализ данных о рефракции сейсмических волн, позволяющий определить толщину литосферы (земной коры).

Исследование ученых подтверждает распространенную среди геофизиков точку зрения о том, что примерно каж-

дые сто миллионов лет верхняя мантия планеты охлаждается на 15–20 градусов Цельсия, вследствие чего толщина земной коры сокращается.

В настоящее время толщина земной коры «под атмосферой» достигает 80 километров, тогда как под Мировым океаном значение этого показателя может быть в десять раз меньше.

Исследование представлено в журнале «Nature Geoscience».

Между крокодилами и птицами

Палеонтологи из Бирмингемского университета открыли новый вид доисторических ящеров, которые представляют собой переходную форму между предками птиц и крокодилов. Эти рептилии, названные *Teleocrater rhadinus*, населяли Землю 245 миллионов лет назад во времена триасового периода, до того, как появились динозавры.

Динозавры и крокодилы относятся к архозаврам (*Archosauria*) — группе рептилий, которая разделилась на отдельные эволюционные ветви в триасовом периоде. Ученые выделяют две основные линии архозавров — птицепалые (*Avenetatarsalia*) и псевдозуухии, или круротарзы (*Crurotarsi*). Хотя формирование этих линий считается одним из важнейших этапов эволюции живого мира, для создания полной картины происходящих в эту эпоху изменений не хватает окаменелостей.

Ученые обнаружили ископаемые останки не описанного ранее ящера в 1933 году в геологическом формировании манда, расположенном в Танзании (Африка). Но в полной мере описать находку тогда не удалось из-за нехватки некоторых важных частей скелета. Найденные в 2015 году, там же более полно сохранившиеся остатки такой же рептилии позволили установить родственные отношения между телеократерами и динозаврами.

Анализ окаменелостей показал, что *T. rhadinus* был четвероногим хищником, относящимся к птицепалам, но при этом больше походил на крокодила, чем другие *Avenetatarsalia* этого времени.

Статья вышла в журнале «Nature».

Жестокий профессор Мюллер

Уж сколько раз твердили миру — угомонитесь, друзья, ну невозможны эти ваши путешествия во времени, не-воз-мож-ны! А воображение все не унимается. И чудятся ему по ночам увиденные воочию чудеса будущего и ужасы прошлого (или наоборот), и представляются внутреннему взору невероятные приключения, и пишутся — пудами, господа, пудами! — соответствующие романы. (Я сам когда-то сочинил один такой, вместе с Ариадной Громовой: у нас ученый, вернувшись в прошлое, убил — ради интересов науки, разумеется, — не своего дедушку, как было обязательно в таких романах, а самого себя, более молодого! А потом всю остальную часть книги выпутывался из возникшего парадокса. Помню, Станислав Лем даже похвалил эту муть.)

Но почему ж это воображение все не унимается? Потому что хотя одни серьезные ученые раз за разом хоронят различные схемы таких путешествий, другие тут же соблазняют нас новыми. И опять сулят чудеса. Уж мы летали в будущее на сверхсветовых частицах-тахionaх, которых потом не оказалось и в помине, и проползали в него через «червячные туннели» в центрах черных дыр, каковые туннели, как оказалось, такую крупную живность, вроде нас, живьем не пропускают, только в растерзанном — до уровня элементарных частиц — виде. И мы было даже согласились отдать себя на таковое растерзание, лишь бы хоть краешком глаза заглянуть в послезавтра или, там, в позавчера. Ан нет — вновь появился на сцене спора еще один серьезный ученый и, сдаётся, в очередной раз, — если не окончательно, — похоронил все наши надежды.

Имя этому ученому Ричард Мюллер, работает он в Калифорнийском институте в Беркли, а свои выводы, выношен-

ные за 45 лет размышлений на данную тему, он изложил в вышедшей недавно книге «СЕЙЧАС, или Физика времени». Профессор Мюллер предлагает вспомнить, что времени как такового, то есть отдельно взятого, не существует, потому что, согласно теории относительности, оно неразрывно связано с пространством, образуя единое пространство-время.

Вселенная, стало быть, а также мы в ней, существует в пространстве-времени, а само это пространство-время существует не извечно, а родилось вместе с нашей Вселенной, то есть в тот момент, когда эта Вселенная родилась (ученые считают, что это было 13,7 миллиарда лет назад). И появившись, эта Вселенная с тех пор непрерывно расширяется, что, по сути, означает, что непрерывно расширяется это новорожденное пространство-время. Наглядно этот процесс, говорит профессор Мюллер, можно представить себе, как волну, несущуюся во все стороны, и тогда «сейчас» будет гребнем такой волны. Как в серфинге, мы стоим на утлой дощечке на этом гребне, изо всех силенок стараясь удержаться на нем.

А теперь главное. Модель волны, предложенная профессором Мюллером, наглядно показывает, что впереди нас (то есть в «будущем») на самом деле нет ничего, потому что пространство-время туда еще не расширилось. Чтобы совершить путешествие в это «ничего», говорит профессор, нужно его заполнить пространством—временем, — но это никому не под силу. А чтобы отправиться в прошлое, нужно это же (вселенское!) пространство—время ужать до какого-то прежнего состояния — и это тоже никому не под силу. Следовательно, путешествия во времени невозможны в принципе, что и требовалось доказать.

Вот и все. Так что спи спокойно, дорогое воображение, ищи себе иные улады...

Музей — как лицо эпохи

«Усадьба – в основе всей русской культуры»

На протяжении нескольких номеров, под рубрикой «Музей — как лицо эпохи», мы рассказывали о разных музеях-усадьбах, московских и загородных: о палатах бояр Романовых на Варварке, об усадьбе Грибоедовых в Хмелите в Смоленской области, о доме Льва Толстого в Хамовниках, о замоскворецкой усадьбе художника Василия Андреевича Тropicина, о доме Чайковского в Клину и Василия Львовича Пушкина — на Старой Басманной. Каждый из этих домов, хранящих память о своих знаменитых владельцах, открывал перед читателями время, в котором они жили — не только с большой его историей, но и с бытом, привычками, лицами, голосами.

Теперь, подводя итог этому разговору, мы постараемся увидеть феномен русской усадьбы в целом. О смыслах усадебной жизни, о ее эволюции в нашей стране, о том, какой отпечаток наложила усадебная культура на русскую жизнь вплоть до настоящего времени, наш корреспондент Ольга Балла говорит с известным специалистом по истории русской усадебной культуры — членом-корреспондентом Российской академии архитектуры и строительных наук, доктором искусствоведения, заместителем председателя Общества изучения русской усадьбы, автором многих книг и статей **Марией Владимировной Нащокиной**.

— *В какой мере различались общее устройство и быт в городских и загородных усадьбах?*

— Прежде всего, стоит обратить внимание на то, что усадьба — это ячейка традиционного русского быта. Сформировалась она значительно раньше, чем появились загородные усадьбы, с которыми у нас сейчас, как правило, и связано представление об усадьбе как таковой. В принципе, любой древнерусский город со-

стоял из таких ячеек — владельческих участков, на которых стояли дома с небольшим земельным наделом. Все русские города традиционно имели такую структуру и ее сохранили почти до сегодняшнего дня. Теперь, к сожалению, эта усадебная структура активно застраивается и нарушается, и именно ее утрата наносит основной вред облику Москвы. Но до начала XX века такая структура в Москве сохранялась. Усадьба как традиционный образ жизни русского человека прошла практически через всю историю государства.

Усадьбы городские и загородные начали различаться между собой не так давно — еще в XVII веке они мало чем отличались друг от друга. Различие между ними состояло разве что в размерах. Это стало меняться во

При реализации проекта (Музей — как лицо эпохи) используются средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации № 68-рп от 05.04.2016 и на основании конкурса, проведенного Общероссийской общественной организацией «Союз пенсионеров России».

второй половине XVIII века. В 1762 году Петр III издал указ о необходимости службы дворян, которая при Петре Великом была вменена им в обязанность. Из-за службы у них совершенно не было времени заниматься своими загородными усадьбами. Это были чисто хозяйственные образования, которые приносили доход.

Когда же появилась возможность вести свободный от государственной службы образ жизни и проводить время в загородной усадьбе — вот тогда она и начала превращаться в место отдыха.

Ее роль, конечно, к этому тогда еще не сводилась. Просто в место отдыха она стала превращаться только к концу XIX века, и то не всегда. А в XVIII столетии, как только у помещиков появилась возможность уехать в загородную усадьбу и жить там, не занимаясь государственными делами, а только своим собственным хозяйством, — и они немедленно этой возможностью воспользовались. Как скажет позже Екатерина Великая, помещик должен стать отцом крестьянам, то есть — тем самым винтиком государства, который доносит государственную политику до самых низов. И это принесло реальные плоды: таким образом, страна, действительно, сцементировалась.

Так вот, во второй половине XVIII века появилась возможность создавать загородные комплексы, которые часто были гораздо пышнее и свободнее, чем в городе, потому что в городе даже в то время место было все-таки ограничено. А за городом можно было разбивать огромные парки. Моду на парки принес в русскую культуру Петр Великий. Он первый начал заниматься садоводством: привез из европейских путешествий новые впечатления и старался их воплотить в гигантских императорских резиденциях, которые были созданы под Петербургом, или в меньших по размеру резиденциях, как его летний дворец и Летний сад. Однако возможности заниматься созданием садов в имениях для рядового дворянина появились лишь с середины XVIII века — примерно с Елизаветы, с Екатерины, когда с западными вея-

ниями приходит и возможность разбивать парки по их образцам.

Так началось расхождение городского и загородного дворца. Кстати говоря, большие усадьбы у нас часто называют дворцами, но это неточно. Некоторые усадьбы, действительно, имеют дворцовый характер, они похожи на дворцы, но раньше их никогда так не называли. Слово «дворец» до революции всегда применялось только к домам императорской фамилии и никогда не — к дворянским домам. И Кусково, и Останкино — это не дворцы, это дома.

— *То есть, дворец — это вопрос статуса, а не размера, пышности или чего-то в этом роде?*

— Совершенно верно. Естественно, когда возникла необходимость в том, чтобы строить великолепные сооружения за городом — с парком, с павильонами, с какими-то затеями и так далее, — к этому стали привлекаться архитекторы. Среди тех, кто строил эти замечательные резиденции, — например, петербургские, и не только дворцовые, но и дома богатых аристократов, — это те же самые мастера, которые строили и в городе. Мы знаем имена Кваренги, Воронихина, Камерона, Старова, создававших дворцы под Петербургом.

В Москве была своя история. Москва была, с одной стороны, усадебной столицей, она дольше, чем Петербург, сохраняла усадебный традиционный характер застройки. Петербург ведь строился поздно, с начала XVIII века, поэтому застройка там хотя и тоже была изначально усадебной, но все же ориентировалась изначально на облик западноевропейского города, а, кроме того, все наделы там были лимитированы. В Москве такого не было — она была действительно большой деревней в этом смысле, с садами, с огородами... В Москве была своя архитектурная общественность. Замечательные усадьбы здесь строил Доменико Жилярди, как в Москве, так и в пригородах. Строили здесь и другие мастера. Часто в Москве и в провинции осуществлялись проекты знаменитых столичных зодчих: владельцы усадеб

покупали проекты в виде чертежей, а осуществление поручали своим крепостным строителям, которые у них там жили на местах. Строительные материалы обычно — тоже местное производство. Это сейчас мы думаем, где бы купить кирпич, — понятно, на строительном рынке. А раньше так не делали: глина была повсюду, поэтому, когда собирались строить дом, просто заводили свой маленький кирпичный завод. Это же очень легко, по существу, сделать: найти место с хорошей глиной, наформовать ее в коробочки, высушить и строить. Все!

Мелкие кирпичные заводы — характерная особенность России. Скажем, в Новой Ладого, о которой я писала в своей книге*, — в крошечном городке — было несколько десятков кирпичных заводов со своими клеймами.

Естественно, постепенно шел процесс монополизации. К концу XIX века город стал уже резко отличаться от загорода, в городе кирпич нужно было покупать, и на рынке появились монополисты. Но в разных городах они были разные, — опять же, потому, что это — местное производство.

— *Как изменилась Москва после пожара 1812 года в смысле усадебной архитектуры? Пожар, как известно, способствовал ей много к украшению...*

— Конечно — и понятно, почему. Екатерина Великая понимала, что изменение Москвы зависит, прежде всего, от собственников, которые владеют жильем. В Москве была планировка хоть и идеальная: в ее основе лежит круг, это ренессансная планировка, по образцу итальянских городов (она заимствовала как образец регулярный, идеальный город Возрождения, то есть ренессансную идею), но в ней было очень много тупиков, непроезжих улиц и так далее, — это следствие того, что все-таки строительство шло не только по идеальной схеме, — она была положена в основу, да, но город строился во многих отношениях стихийно. Поэтому при Екатерине

Великой был создан урегулированный план Москвы, который лишил ее всех этих нестроений и делал более разумной: переулок — это, значит, то, что между улицами; улицы — это те, что идут лучами в разные стороны...

В числе таких, доживших до нашего времени, городских усадеб, которые были в Москве характерным типом застройки, можно назвать и крошечную усадьбу В. Л. Пушкина, и музей Тропинина — маленькую замоскворецкую усадьбу, и более обширное поместье Л. Н. Толстого в Хамовниках. Хамовники — это все-таки уже граница города, территории за Садовым кольцом вошли в городскую черту достаточно поздно, поэтому их застройка долгое время была неплотной и имела возможность создания усадебных комплексов с садами, — что, собственно, и привлекло Толстого: ему понравилось, что там есть сад. А с другой стороны, это же, в общем, совсем рядом с Кремлем — в пешеходной доступности.

К числу усадеб, которые рано образовались в сравнительном отдалении от столицы, относится Хмелита — провинциальное имение, с барочным дворцом, который до нас не дошел, но потом был воссоздан.

Пожар 1812 года уничтожил ветхие строения, о которых императрица, как разумная правительница, в свое время сказала: мы не можем заставить владельцев их сейчас снести — но мы не позволим их капитально ремонтировать. И после того, как все эти ветхие дома естественным образом исчезнут, должна была состояться корректировка московской планировки. Вот это стало возможным после пожара: появилось огромное количество новых зданий. Все-таки город сторел порядочно...

— *Он же деревянный был в основном, наверно?*

— Он и возобновлялся как деревянный: дерево было основным и самым дешевым строительным материалом, а после пожара именно такой и требовался, чтобы скорее восстановить застройку. Стихийно строить в Москве никому не позволялось,

* М. В. Нащокина. Московская архитектурная керамика. М., Прогресс-Традиция, 2015.

и это очень хорошо: был разработан целый ряд образцовых проектов. Владелец подбирал себе среди них подходящий, и ему это утверждали.

Таким образом, Москва превратилась в очень стильный город — в город классицизма, с обновленной застройкой, с хорошо нарисованными фасадами, разработкой которых занимались профессиональные зодчие.

— *Что можно сказать о типичных архитектурных обликах русских усадеб? В своей книге о русской усадьбе Серебряного века вы выделяете пять распространенных к тому времени вариантов: викторианский коттедж, боярские хоромы, рыцарский замок, особняк модерна и «ностальгическое «дворянское гнездо»*. Скажите, пожалуйста, несколько слов о каждом из этих типов.*

— Да, эти пять вариантов — основные, — есть и другие, но наиболее востребованы именно эти. Их жизненность показывает то, что они — вот что удивительно! — востребованы и сейчас. И сегодня у нас появляются и рыцарские замки, и английские коттеджи, и особняки модерна...

— *А новые типы появились? Или архитектурное воображение так и осталось в этих рамках?*

— Новым типом стала современная, принципиально иная архитектура из стекла и бетона, иногда — из дерева и стекла. Этот тип архитектуры, появившийся в 1910-х — 1920-х годах, тоже воспринят сейчас.

Но пять основных типов популярны до сих пор, хотя и в разной степени. Сейчас, например, во всех сферах жизни велика ориентация на англосаксонскую культуру, поэтому викторианские коттеджи больше востребованы. Замок — это все-таки дорогая и эксклюзивная вещь (поэтому Максим Галкин построил себе рыцарский замок). Боярские хоромы более редки, они нравятся людям, которые включены в русскую культуру. Иногда даже окружают дачу частоколом и строят дома с высокими кровлями, маленькими окошечками, с деревянными

крыльцами — как боярские хоромы. Особняк модерна был особенно популярен в 1990-е — 2000-е годы, а дворянское гнездо — постоянно востребованный образ, особняки с колоннами есть и продолжают строиться во множестве, в частности, в Подмоскowie.

Есть еще восточный тип — в книге я о нем не писала, потому что в Серебряном веке такие случаи были единичны. Они и сейчас единичны — но все-таки они тоже есть: такие дома строят в основном татары, цыгане...

— *Каковы были типичные черты классического усадебного быта?*

— Если говорить о чертах, прошедших испытание временем, это, конечно, прежде всего, связь с природой, которая там может легко осуществляться, и участие в хозяйственном цикле. Не стоит думать, что огородничество — шестисоточное или двенадцатисоточное — это исключительно рабский труд для пропитания. Это не так, потому что Россия — крестьянская страна, она оставалась такой еще в XIX веке, и у многих людей просто в крови — желание благоустроить землю и приложить свой труд именно к земле. Сад и огород давали и по сей день дают им такую возможность.

— *В усадебной жизни, по вашим же словам, было три компонента — дом, храм и сад. И таким образом, сад выполнял роль не только декоративную, но и более существенную...*

— У меня есть двухтомник «Русские сады», вышедший в 2007 году**, там как раз об этом говорится. Дело в том, что «садами» называлось все, что росло на территории усадьбы, включая парк. «Парк» — это же английское слово, которое пришло к нам вместе с английским пейзажным стилем. А до этого говорили «сад»: что посажено, то и сад. Это исконное русское понятие включало в себя сад и плодovitый, и декоративный...

Этот двухтомник, как и книгу о русской усадьбе Серебряного века, я хо-

* М. В. Нашокина. Русская усадьба Серебряного века. — М., Улей, 2007.

** М. В. Нашокина. Русские сады. Т. 1—2. — М., Арт-родник, 2007. — Т. 1: XVIII — первая половина XIX в.; Т. 2 — вторая половина XIX в. — начало XX в.

чу переиздать. А то у нас люди не знают, что такое русские сады, все пытаются японские насаживать. Я поняла, почему: потому что у японских садов есть внятный облик, книг по ним много, а русские сады — никто вообще не знает, что это такое! Я, кстати, активный пропагандист реставрации русских парков. Некоторые считают, что в каком виде парк до нас дошел, в том пускай и остается (яркий пример — дискуссии вокруг реставрации Летнего сада). Я же уверена, что как раз нужно их реставрировать, чтобы наши соотечественники поняли, какое разнообразие у нас было в этой сфере. А так-то что? — ну, дошли до нас какие-то старые деревья, стоят, — какой же это сад? — а вот японский сад — это да, настоящий сад. Но это же не так.

— *А до XVIII века в России тоже ведь была садоводческая культура? Какая же?*

— В Средневековье у нас были монастырские сады и рощи, были сады в царской резиденции в Измайлове... Я об этом говорю в предисловии к двухтомнику. Сейчас, кстати говоря, возрождается садоводство в монастырях, — в том числе и декоративное.

— *Что можно сказать об опыте музеефикации усадеб, начавшемся у нас вскоре после того, как их перестали жечь и громить?*

— Опыт музеефикации усадеб начался у нас, собственно, сразу после революции. Как ни странно, тому, что усадьбы стали исследовать, революционные события во многом способствовали. С одной стороны, катастрофа, а с другой — появилась возможность работы для большинства исследователей. До революции их, правда, было немного, но все-таки они были, а изучать свой предмет они часто не могли, потому что многие усадьбы были недоступны. Настоящее поле для исследования появилось после революции.

Другое дело, что это поле стремительно сокращалось — не по дням, а по часам. Усадьбы прежде всего обворовывали, а потом жгли, чтобы не было видно, потому что никто

не считал, что новые порядки надолго, — все думали, что сейчас вернется хозяева и дадут жару за воровство и грабеж. Вот один из мотивов уничтожения усадеб, и прав был Бунин, который говорил, что разрушением во время революции двигала не ненависть к старой жизни, а острая зависть к ней.

И поэтому совершенно закономерна ориентация архитектуры сталинского времени на эту архитектуру, дореволюционную: эту уничтоженную жизнь, предмет зависти, надо было воспроизвести. Строились те же самые дворцы, но уже для рабочих. Это гуманистический, в общем-то, посыл, который был во многих отношениях реализован.

— *Расскажите, пожалуйста, об истории исследования русской усадьбы. Когда у нас стали этим заниматься? Кто были первопроходцы и классики этой темы?*

— Первыми исследователями стали историки искусства предреволюционной поры. Например, барон Николай Врангель, — ему, собственно говоря, и принадлежат первые книги по усадьбам, по усадебному наследию, он этим занимался, ездил, смотрел... Есть книги по усадьбам нескольких областей Российской империи у Григория Лукомского. Вот они — первопроходцы и классики.

— *То есть, с конца XIX века стало чувствоваться, что усадьбы — не просто ценность, а нечто достойное исследования?*

— К концу XIX века усадьбы стали уходить — и, естественно, когда уходит какая-то очень значительная часть культуры, появляются люди, которые понимают, что она не должна исчезнуть бесследно, что ее нужно хотя бы изучить.

— *Но почему русская усадьба стала уходить именно в то время, еще до большевиков?*

— Потому, что после реформы Александра II — после отмены крепостного права в 1861 году — изменились товарно-денежные отношения. Реформа, с одной стороны, была максимально шадящей для земле-

владельцев, но с другой стороны, она все равно изменила очень многое.

Есть литературные произведения, где говорится о том, что появилось огромное количество обнищавших землевладельцев, которые без крестьянского труда уже не в состоянии были поддерживать свои имения. Нам легко это понять — как мы, слабые женщины, без мужчин не в состоянии поддерживать свои дачи, так и там, собственно, происходило то же самое: все-таки хозяйство — дом, службы — требует постоянного ухода. А поддерживать было уже некому. Надо было платить работникам деньги — а денег не было, потому что деньги могли заработать только те же самые крестьяне, обрабатывая землю, а владелец — продав их труд. Изменились эти отношения, и появилось огромное количество обнищавших землевладельцев. Но ведь и самим крестьянам это нанесло очень большой ущерб. Об этом есть очень интересные произведения, — например, Александр Иванович Эртель пишет о разорении, которое прошло по России после реформы. Реформу не случайно называли «несчастьем». Крестьяне так и говорили: «Это у нас после несчастья».

Так что это все очень сложно и неоднозначно.

— В чем, по-вашему, состоит важность усадебной культуры? Что значила эта культура, опыт усадебной жизни для русской культуры в целом?

— Прежде всего, она хранит традиционный характер нашей культуры. В нашей культуре очень много революционного, а усадьба — часть культуры стабильной, традиционной. Поэтому ее сохранение очень существенно, и не только в виде отдельных музефицированных комплексов, но и в целом. Сейчас делаются настойчивые попытки в полной мере привить нам англосаксонское культурное наследие, внедрить в нашу культуру протестантские ценности, а усадьба, конечно, связана с ценностями православными. Это — сохранение и преобразование земли по законам целесообразности и гармонии,

создание чего-то своими собственными руками, домашнее творчество, домашние ремесла и занятия, которые лежат в основе всей русской литературы XIX века, русского театра. Литература и театр — наши главные вклады в мировую культуру — родились в усадьбе, и в их основе — усадебные ценности.

Усадебная — коренная для России — культура лежит в основе русского характера и русской культуры в целом. Она тесно связана со всеми нашими психологическими отличиями от других народов, именно она определяет — по сей день! — наш быт, наши привычки... Все созданные ею элементы в том или ином виде живы до сих пор.

Из статьи: Мария Нащокина. Палладианство в русских усадебных интерпретациях. Конец XVIII — первая треть XIX века // Палладио и классическая традиция: Материалы международной научной конференции, посвященной 500-летию Андреа Палладио. 3—5 декабря 2008 г. — М.: Перо, 2014.

«...в мощном и всеохватном усадебном строительстве конца XVIII — первой трети XIX века, порой так близко напоминавшем великие венецианские виллы Палладио, и в его стремительном и широком возрождении в начале XX века, и в 1950-е годы, и, наконец, в его неожиданном появлении на исходе столетия, и в наши дни, всегда останется какая-то тайна, еще не открытая или не до конца понятая нами закономерность.»

«Почему именно этот стилистический феномен приобрел на русской почве почти вселенский масштаб и своеобразное бессмертие, заставляющее вновь и вновь обращаться к его архитектурным формам?»

«Ни один другой стиль Нового времени не может похвастать почти вековым возрастом классицизма, появившегося с началом царствования Екатерины Великой в 1760-е годы и, фактически, дожившего в своей поздней редакции (особенно в провинции) до Великой реформы 1861 года, а также широчайшей географией, охватившей самые отдаленные уголки империи. Применительно к усадебной теме этому весьма способствовал знаменитый указ «О вольности дворянства», реализация которого совпала с началом правления Великой Екатерины и поворотом архитектуры к классицизму. Благодаря ему строительство новых усадеб в большинстве губерний России из экстраординарного мероприятия превратилось в насущную задачу и к началу XIX века приобрело неви-

данный размах, охвативший все дворянство, буквально поименно.»

«Описывая в начале XX века русское усадебное наследие, архитектор Иван Фомин заметил: «Когда мы говорим «старинный русский барский дом» — мы говорим об Empire. С тех пор, как мы, пройдя школу Петра Великого, стали европейцами, нам сделался несколько чуждым наш русский стиль и мы, оставши от него, стали постепенно привыкать в ряду сменявших друг друга западных стилей, но ни один не ответил так складу русской природы и характеру тогдашних бар, как стиль «Empire» — простой, спокойный и величавый, лишенный вычурности и кривлянья». Перечисленные Фоминим качества точно характеризуют и нравственно-этические предпочтения русского человека. Простые, спокойные и величавые формы ампирических усадебных построек, фактически, воплотили не только эстетический, но и связанный с ним этический идеал. Это счастливое обстоятельство, а также формирование в русских усадьбах конца XVIII — первой трети XIX века образных, функциональных, архитектурно-планировочных и пространственных качеств, наиболее полно и точно отвечающих бытовым традициям и миропониманию наших соотечественников, оказали самое непосредственное влияние на широту распространения и стойкость классических форм в архитектуре русской усадьбы, но и шире, во всей русской архитектуре в целом.»

Время медленной НОВИЗНЫ

В наших «усадебных» материалах этого года мы не раз говорили о повседневной, бытовой жизни тех времен, окна в которые открывал нам каждый из музеев-усадеб. Теперь настало время задуматься о том, как вообще жили люди в России во время, когда стали возникать усадьбы как особая форма жизни. Кого же и расспрашивать об этом, как не одного из ведущих отечественных специалистов по истории нашей страны конца XVII — первой четверти XIX века и, в частности, — городской жизни XVIII столетия? С нашим корреспондентом Игорем Харичевым о жизни в эпоху зарождения усадебной культуры говорит доктор исторических наук, руководитель школы исторических наук факультета гуманитарных наук НИУ-ВШЭ **Александр Каменский**.

— *Александр Борисович, расскажите, пожалуйста, какова была повседневная жизнь разных групп населения России в XVIII веке?*

— Прежде всего, говоря о повседневной жизни, надо понять: о чем собственно речь? В русском языке есть два очень близких понятия — быт и повседневность. Принято считать, что «быт» — это, прежде всего, то, что связано с домашней жизнью внутри дома. А «повседневность» — понятие более широкое, включающее в себя практики, характерные для образа жизни соответствующего времени или региона. «Повседневные практики» — это то, что люди делают не обязательно каждый день, но с известной регулярностью.

На протяжении XVIII века, начиная с петровского времени и до конца столетия, в жизни людей происходили резкие изменения. С другой стороны, многие повседневные практики сохранялись — в силу того, что быт — устройство жилища, предметы, окружавшие людей, — менялся довольно медленно. Понятно и то, что сильно различались повседневные практики и разных социальных слоев, и людей, с одной стороны, в Москве и Петербурге, с другой — в небольших городах. А таких было большинство:

даже до середины XIX века абсолютное большинство городов в России не насчитывало и 10 000 жителей.

Еще важный фактор — среда. Вот, Петр I по западноевропейским образцам построил Петербург, а в нем — Летний сад. И возникает абсолютно новая для русских людей практика — гулять, любоваться природой. Представление о том, что природой можно любоваться, вообще приходит только в XVIII веке. Но в других русских городах, включая даже Москву, в это время не было никаких парков, садов, скверов, бульваров... Первый бульвар в Москве, Тверской, появился только в начале XIX века. Поэтому и соответствующих практик у горожан не было. Значит, они проводили время как-то иначе.

Основными точками, где люди встречались, были, конечно, питейные заведения. Кабаки в этом смысле играли совершенно особую роль, и надо заметить, это не исключительно российская особенность, так бывало повсюду. Питейные заведения были местом, где люди собирались, обсуждали новости, выясняли отношения, ссорились... Это — одна из основных практик. Правда, кабаки в основном посещали мужчины. Женщины туда не ходили — по крайней мере, сведе-

ний об этом у нас нет. Зато они часто ходили в гости — может быть, благодаря тому, что меньше мужчин были заняты деятельностью, связанной с зарабатыванием денег. По крайней мере, в гости они ходили чаще мужчин, причем, судя по документам, не только по каким-то поводам вроде дней рождения (кстати, в XVIII веке отмечали, скорее, именины), церковных праздников и так далее. И в домах очень часто собирались совершенно разные люди.

Состав такой компании зачастую разрушает наши традиционные представления о сословных перегородках. Вот в одном городском доме, принадлежавшем обычному горожанину, собираются такие же горожане, как и он, но одновременно здесь могут быть местные чиновники и военные, в том числе офицеры. То есть, компания оказывается довольно смешанной.

Женщины при этом ходят в гости как с мужьями, так и в одиночку. Понятно, что не у всех женщин есть мужья, много вдов. Одна из характерных для XVIII века категорий женского населения — солдатки, и они тоже могут быть очень разные. Как мы знаем, Петр I создал армию и гвардию. И в этой гвардии в солдатских чинах служили дворяне. Значит, солдатками могли быть и дворянки. А могли быть и жены выходцев из городских слоев населения и даже из крестьян. Но все они вместе образуют совершенно особую категорию.

По петровскому законодательству, когда крепостных крестьян брали в армию, их жены получали свободу — то есть, и сами они становились свободными, и жены. И вот эти бывшие крестьянки часто уходят в город, потому что крестьянская община и помещики не хотят их кормить. Приходят в город, ищут там работу, как правило, не находят ее — и, значит, пополняют криминальную среду. Это характерно, в первую очередь, для больших городов — для Москвы и Петербурга. Собственно, к этому времени историки вообще относят появление того, что можно назвать ор-

ганизованной преступностью. И солдаты играют в этом важную роль: они зачастую выступают связующими звеньями между отдельными воровскими шайками, сбывают краденое, содержат притоны и прочее.

Провинциальный русский город в то время — в основном деревянный. И самое страшное, что там может произойти — пожар. Власти принимают всевозможные усилия по предупреждению пожаров. А дома при этом обставлены скудно. Мебель, привычная нам: шкафы, стулья, столы... — появляется на протяжении XVIII века постепенно. Как-то мне довелось знакомиться с документами, в которых чиновник магистрата небольшого города в связи с одним конфликтным делом среди прочего упоминает, что к нему пришли в гости 2—3 горожанина и разглядывали шкаф, который у него стоял. То есть, сам шкаф, как предмет мебели, был необычен. Это — уже середина века, 1760-е.

Понятно, что в каждом доме готовится еда; в каждом доме есть печь, которая используется прежде всего для приготовления пищи. Но вот противопожарные меры предусматривают, что летом топить печи нельзя: опасность пожара возрастает. Значит, пищу готовят в основном во дворе.

Ночью ходит городская стража. Примерно до 1780-х годов это, в большинстве городов, кроме столиц — выборные люди из среды горожан, которые устанавливают так называемые рогаточные караулы: ставят рогатки, напоминающие формой противотанковые ежи, но сделанные из кольев. Одна из их функций — следить за тем, чтобы ночью никто не топил печи. Ходят по городу, смотрят, не идет ли где-то дым. Это летом, конечно, — зимой, во-первых, нельзя не топить, а во-вторых, считалось, что опасность пожара меньше.

Если пожар возник — надо тушить. В магистрате должны храниться орудия для тушения пожаров: колья, ведра... Документы свидетельствуют, что власть постоянно пытается контролировать городские власти: есть ли

у них весь запас необходимых инструментов? А его, как правило, нет, потому что нет денег, покупать не на что. Поэтому, когда происходит пожар, все, что может сгореть, как правило, сгорает.

Есть еще одна обычная практика того времени. Мы часто встречаем в документах ссылки на то, что какие-то важные бумаги во время пожара были утрачены. И если возникает конфликт, судное дело, один утверждает, что у него были необходимые документы, но утрачены при пожаре. А другой говорит: ничего подобного, и вообще никакого пожара не было.

Стоит сказать об одной характерной черте, которая, по-моему, имеет прямое отношение к повседневности. Людям XVIII века свойственна очень долгая память. Читая документы, удивляешься: они помнят, что было 20—30 лет назад! Вот возникает, опять же, какое-то конфликтное дело, предположим, между родственниками. И один из участников говорит: 25 лет назад, когда умер такой-то родственник, я из этого дома забрал такую-то икону, а другую не забрал, ее забрала такая-то родственница — и до сих пор держит эту икону у себя. Или, к примеру, мне попало такое удивительное дело: человек пожаловался в магистрат, что сосед обозвал его отца кнутобойцем. (Кнутобоец — это человек, который был бит кнутом, подвергся физическому наказанию, то есть, он уже как бы исключен из общества и с ним вообще нельзя иметь дело.) Человек жалуется: моего отца оклеветали. Соседа начинают расспрашивать, и он говорит: «Не помню точно, в каком году, но помню, что это было, когда воеводой у нас в городе был такой-то: тогда его отца судили и били кнутом. И палачом был такой-то, — называет имя, — а присутствовали при этом...» — и дальше называет примерно десяток имен. Я стал выяснять, а когда же был в городе названный воевода? Оказалось, что за 30 лет до описываемых событий. А человек называет не только воеводу, но и еще почти десяток свидетелей.

Почему он запомнил это событие?

Вряд ли оно было чрезвычайным: практика телесных наказаний была вполне обычной. Почему же тогда? Может быть, он кого-то расспрашивал. Значит те, кого он расспрашивал, — помнили.

С другой стороны, это связано еще и с тем, что темп жизни тогда был куда медленнее. Часов у людей не было. И в деревне, и в городе ориентировались по солнцу. Но в городах начинают появляться механические часы. Причем интересно, что их часто устанавливают на церковную колокольню.

И это означает, что должен появиться человек, который за этими часами следит. Как правило, это кто-то из местных. Жалованье ему платят горожане вскладчину. Точно так же они платят лекарю, если он есть. Но практика того времени такова, что лекарь есть не в каждом городе. Он может появиться в провинциальном центре, и горожане из других городов тоже должны скидываться на жалованье лекарю. Нередко они жалуются: вот, мы платим, а лекаря этого мы в глаза никогда не видели, и толку от него никакого.

Это выводит нас на тему медицины. До последней четверти XVIII века, до губернской реформы 1775 года, которая обязывает, по крайней мере, в каждом губернском и провинциальном городе иметь больницу, никакой организованной регулярной медицинской помощи люди, как правило, не получают. Лечатся народными средствами, у знахарей... Отсюда — довольно высокая смертность. Умирают, в среднем, гораздо раньше, чем в наше время.

На протяжении XVIII века постепенно возникают представления о гигиене и необходимых санитарных нормах. Правительство, опять же, пытается это регулировать, ввести какие-то нормы, следить за их соблюдением. Ну, прежде всего, мусор обычно выкидывали просто за ворота. В документах мы постоянно видим возмущенные возгласы городских чиновников: у такого-то двора целые груды очистков от лука, чеснока... Требуют, чтобы их убира-

Усадьба в Хмелите

ли. Далее, санитарные нормы распространяются на продажу припасов, на убой скота. Скотобойни начинают выводить за черту города, потому что понимают, что это может быть связано с инфекциями. Стараются за этим следить. Если вдруг где-то обнаружили мертвую корову — это чрезвычайное происшествие, начинают выяснять, чья это корова (в маленьком городе, где несколько тысяч жителей, сделать это нетрудно), почему она пала, не заразная ли она, не грозит ли это эпидемией. Совсем страшно, если нашли труп коровы с содранной шкурой. Это значит, что корова пала, может быть, потому, что была больна. Заразная. А хозяин содрал с нее шкуру, чтобы продать. То есть, он может таким образом распространить заразу. Это уже криминальное дело, которое будет расследоваться, и человек может попасть под суд.

Но, конечно, в целом санитарные нормы тогда были далеки от современных представлений. Единственный транспорт — лошадь. Улицы в большинстве городов немощеные. В документах часто встречается упоминание о том, что, особенно весной и осенью, невозможно проехать ни по одной улице: сплошные лужи, ямы... Помимо всего этого, улицы покрыты навозом: по ним проезжают на лошадях, гоняют скот на пастбище, которое, как правило, за чертой города. Можно представить себе, какой запах стоит в городе, особенно летом.

Дома освещаются свечами. Свечи недешевы, поэтому света мало, особенно зимой. И опять же, запах в доме, воздух в нем совершенно иной, чем то, к чему мы сегодня привыкли. И здесь можно перекинуть мостик к высшим слоям общества.

Представим себе придворный бал. Мы, конечно, сразу воображаем нечто роскошное, необыкновенно красивое и так далее. Но если бы кто-то из нас оказался там, то, наверное, почувствовал себя не лучшим образом. 150—200 человек собралось в зале, который освещается свечами (иногда — плошками, в которых горит масло). В зале очень жарко. Люди танцуют,

значит, все они сильно потеют. Легко себе представить, какой там стоит дух. Добавим, что канализации еще нет. Соответственно, в городском доме обычно есть приспособление, которое называется «нужник». Находится он, как правило, во дворе. Это характерно не только для городского дома, но и для небольшой, небогатой дворянской усадьбы. В богатых, аристократических домах уже пользуются ночными горшками. Когда, скажем, во дворце происходит какое-то празднество, там есть отдельная специальная комната, где приготовлены горшки. Причем, мужчины и женщины ходят в одну и ту же комнату. И это считается абсолютно нормальным.

— *А что тогда читали? Книги, газеты, журналы?*

— Как мы знаем, первая русская газета, «Санкт-Петербургские ведомости», была основана Петром I и оставалась единственной до конца XVIII века. Русские журналы появляются еще в первой половине века. Первый, «Примечания к Санкт-Петербургским ведомостям», был основан в 1728 году. Он издавался Академией наук в Петербурге до начала 1740-х, сначала по-немецки, потом по-русски. Круг читателей был очень небольшой, тираж, соответственно, тоже. Позже было очень трудно достать полный комплект этого журнала. Затем, в 1755 году, опять же Академия наук начинает издавать журнал «Ежемесячные сочинения». Он выходил в течение 10 лет. Это был уже совсем иной журнал, потому что наряду с научными сочинениями там печатались и литературные произведения, в том числе переводы. В частности, там были опубликованы первые переводы Вольтера, стихи Ломоносова. То есть, это был журнал смешанного типа.

Потом — перерыв, а в конце 1760-х — начале 1770-х появляется сразу несколько журналов. Способствовала этому сама Екатерина II, которая стала издателем и автором одного из них, «Всякой всячины» (анонимно, конечно). Журналы того времени, как правило, суще-

ствуют недолго. Некоторые издаются в течение года, потом прекращаются, появляются новые. Но постепенно происходит становление журналистики. Николай Новиков начинает издавать первые детские журналы. Появляются первые модные журналы. То есть, репертуар журналов расширяется, но круг читателей по-прежнему очень ограничен.

— *До провинциальных городов они доходили?*

— Очень мало и редко. Во-первых, для обычного горожанина купить книгу или журнал было довольно дорого, во-вторых, они издавались небольшими тиражами.

— *Небольшими — то есть какими?*

— По 100 — 200 экземпляров. На журналы существовала подписка. Список подписчиков нам обычно известен — не всегда, но часто. Это примерно десятка три человек, как правило, представители знати. Они совершенно необязательно это читали, но подписывались, спонсируя издания.

1770-е — 1780-е годы — время Державина, Фонвизина, Сумарокова. Чрезвычайно популярны были драматические произведения. Екатерина II писала пьесы, и они ставились в театрах. Романов, которые были бы написаны в это время по-русски, мы не знаем, но существуют поэзия, публицистика; появляются попытки философских, социальных трактатов. В это время Щербатов пишет свою «Историю российскую», еще ряд людей занимаются русской историей. Сама Екатерина пишет записки о русской истории.

— *А публицистика, статьи о текущей политике, о военных действиях?*

— Здесь была полная монополия государства — публиковалось исключительно то, что ему было нужно. Прежде всего, в «Санкт-Петербургских ведомостях», в официальной газете. Конечно, писались оды, панегирики, но описаний, скажем, военных действий, за исключением официальных реляций — не было. Своего рода взрыв этой проблематики происходит только с войной 1812 года.

— *То есть, о происходящем на рубежах страны, в социальной жизни люди могли узнать только из официальных государственных источников?*

— Да. Поэтому огромное значение имели слухи и разговоры.

Один из основных жанров драматургии в это время — сатира. Пьесы Фонвизина, включая знаменитого «Недоросля» — тоже сатира. Известная полемика Екатерины II с Николаем Новиковым была как раз о том, какой должна быть сатира, против чего ее жало должно быть направлено: против пороков, как считала Екатерина II, или против конкретных людей, как считал Новиков. Русская журналистика, возникшая в 1760-е — 1770-е годы по образцу английской журналистики начала века (тогда появляются журналы «Трутенъ», «Живописец»), — была в основном сатирической.

И лишь в XIX веке возникнет совершенно особое явление русской культуры — то, что мы называем толстыми журналами. Появится «Вестник Европы» — журнал, связанный с именем Николая Михайловича Карамзина, позже — «Отечественные записки». Думаю, что, начиная с «Вестника Европы», можно говорить о начале нового этапа в русской журналистике.

В XVIII же веке появляется светская литература, драматургия, поэзия, живопись, скульптура, театр. Ломоносов спорит с Сумароковым о том, как надо писать стихи. Но при этом оба ориентировались на классические античные образцы. Основной жанр поэзии этого времени — ода.

С начала века становится все больше личных библиотек. По современным меркам они довольно скромны — могут насчитывать по несколько сотен томов, но включают, как правило, много иностранной литературы на французском, на немецком. Это в основном философские, социальные, юридические произведения, мемуарная литература, которая была популярна, естественнонаучные труды, трактаты об управлении государством... К концу века репертуар библиотек расширяется: девуш-

ки начинают читать французские романы. Родители им покупают эту литературу, выписывают из-за границы. И библиотеки становятся крупнее.

На протяжении XVIII века дома знати постепенно наполняются произведениями искусства. Во второй половине века, при Екатерине, это становится — ну не то чтобы модным, но престижным. Этикет предполагает, что в доме должны быть произведения живописи. Те, у кого есть средства, могли покупать картины, заказывать семейные портреты. Зачастую богатые помещики содержат крепостных художников. Но это — в богатых домах, где мебель, посуда выписывается из-за границы, где уже в ходу столовые приборы... Для горожан, особенно в провинциальных городах, все предметы быта представляют ценность. В духовных, то есть в завещаниях (это касается, в том числе, и совсем небогатых дворян), мы часто встречаем поразительные, с нашей точки зрения, вещи — человек пишет: такое-то блюдо отдать старшему сыну, другое блюдо — младшему сыну, еще одно блюдо — младшему сыну, такие-то тарелки отдать тому-то, и так далее. То есть, все эти вещи — ценность, и становятся объектом при распределении наследства.

— *Нас особо интересует Хмелита, родовое поместье Грибоедовых. Это Вяземский район Смоленской области, примерно 270 километров от Москвы. Как могла выглядеть жизнь в большой и далекой от Москвы усадьбе? Насколько она отличалась от московской? У Грибоедовых ведь и в Москве был большой дом, они туда приезжали, но большую часть теплого времени года проводили в Хмелите. Каков был быт, повседневные практики у тех, кто жил в своих поместьях?*

— Повседневная жизнь в усадьбе зависела, во-первых, от благосостояния хозяина, от того, сколько у него было крестьян, дворовых. Во-вторых, усадьба как особое явление русской культуры появляется в основном во второй половине века, после «Манифеста о вольности дворянства». Тогда многие дворяне выходят в от-

ставку и начинают обустривать свои имения — в зависимости от того, как им позволяло средства.

Мы знаем подмосковные усадьбы самых богатых людей России того времени — Кусково и Останкино Шереметевых; Архангельское, принадлежавшее сперва Голицыным, а затем Юсуповым. Дом был наполнен дворовыми; их, как правило, было больше, чем требовалось. С одной стороны, количество дворовых свидетельствовало о достатке дома, с другой, уже к концу века начинают обсуждать вопрос о том, что вот у дворян огромное количество этих дворовых, которые землю не пахут, ничего не производят, и что с ними делать — совершенно непонятно. А дворовые ведь еще и размножаются. У них появляются дети, их становится все больше и всех их надо кормить. Ну, конечно, они выполняют разную работу. Дальше все зависит от помещика.

Есть помещики, которым ничего не надо: они просто живут себе в своем имении, получая с него доход, и следят за тем, чтобы крестьяне выполняли барщину, приносили продукты, оброк, и так далее. А есть помещики, которые начинают интересоваться агрокультурой, тем, чтобы получить больший урожай, пытаются применять новые методы. Есть и те, которые зарабатывают, в том числе, на продаже продуктов, производящихся в имении. И наконец, есть те, кто устраивают в своих имениях разного рода мастерские. Мы знаем и о крепостных театрах.

Жизнь нормального помещика — это жизнь менеджера, который должен управлять всем, что происходит в большом хозяйстве. Причем, как правило, у крупных помещиков было не одно имение, а иногда десятки в разных частях страны. Значит, они — в постоянной переписке с управляющими этих имений, следят за тем, что там делается. Проверяют счета, принимают продукты, деньги, которые им привозят эти управляющие.

В крупных личных архивах дворян — огромное количество хозяй-

ственных документов. До нас дошло много инструкций, которые помещики составляли для своих управляющих. Мы знаем инструкции, вышедшие из-под пера известных людей, как, например, историка Михаила Михайловича Щербатова, который тоже был крупным землевладельцем. Есть известная монография о помещике Текутьеве, который, конечно, был личностью куда менее значительной, чем Щербатов, и, может, вообще не остался бы в истории, если бы до нас не дошла его инструкция, свидетельствующая о том, что этот человек читал книги о рациональном хозяйствовании.

В 1765 году создается Вольное экономическое общество и начинает издавать свои труды. Там публикуются, в том числе, статьи о том, как вести сельское хозяйство. Андрей Тимофеевич Болотов — известный русский писатель, мемуарист, философ, ученый, ботаник и лесовод — печатал там свои работы, и они были популярны.

В своих воспоминаниях Болотов описывает такой эпизод. Он приезжает в Москву, чтобы решить какие-то вопросы, связанные с имением. Ему говорят: в Межевой канцелярии делами заправляет некто Князев, — если ему хорошо заплатить, он все твои дела решит. Болотов приходит в канцелярию и просит доложить Князеву о себе. Стоит, ждет — вдруг отворилась дверь, выбежал Князев, бросился к нему и говорит: «Батюшка, Андрей Тимофеевич, да вы ли тот ли самый, чьи статьи я читал?!» Когда Болотов подтвердил, что да, тот самый, — все его дела были улажены без всяких взяток. Князев был человек образованный, многим интересовался — и при этом взяточник, как, в общем, все чиновники XVIII века.

Устройство усадебной жизни мы знаем и по «Евгению Онегину», где Пушкин описывает жизнь семьи Лариных. Помните, как мать Татьяна сушила на зиму грибы? То есть, она сама занималась хозяйством. Имение было небольшое, даже чуть ниже среднего уровня — душ сто крестьянских,

наверно. Часть дворовых выполняет домашнюю работу, готовят пищу, подают на стол, убирают дом и вокруг дома, и так далее. Или у Пушкина же в конце «Капитанской дочки» о судьбе Гринёва: есть такая-то деревенька, в ней 3 помещичьих дома, и вот в одном из них живет Гринёв со своей Машей. Значит, можно представить, что у них 10–15 крепостных душ; может быть, небольшое поле рядом с деревней, где крестьяне работают; огородик, который надо возделывать... В небольших поместьях для семьи помещика не считалось зазорным часть работы делать самим — просто вынуждены были.

Иногда помещики были так бедны, что и землю сами пахали. Они просто, как дворяне, пользовались всеми дворянскими привилегиями. Было немало и беспоместных дворян. Петровская «Табель о рангах» позволяет выслужить дворянство чином, но это не значит, что, выслужив чин, ты получаешь и капитал, на который можешь приобрести имение. Гоголевский Чичиков, как мы помним, покупает мертвые души именно поэтому: у него нет денег, чтобы купить имение с живыми душами — и он скупает мертвые!

— *Дед Александра Сергеевича Грибоедова, отставной бригадир, построил усадьбу в Хмелите в 1755 году и, поселившись там, стал предводителем дворянства. Что он должен был делать? Какие полномочия у него были?*

— Вообще, должность предводителя дворянства появляется позже, когда Екатерина решает собрать Уложенную комиссию. В 1766 году издается манифест о созыве комиссии, для которой нужно провести выборы, в том числе от дворян. Вот тогда появляется должность уездного и губернского дворянских предводителей, которые организуют выборы дворянских депутатов и написание наказов этим депутатам. Затем эти должности продолжают существовать. Законную силу они обретают только с появлением в 1785 году «Жалованной грамоты дворянству», которая узаконивает уездные и гу-

бернские дворянские собрания как форму самоорганизации.

С этим связано еще и то, что десятью годами ранее, в 1775-м, была осуществлена губернская реформа. По этой реформе, ряд должностей, связанных с управлением уездами, становился выборными — из местного дворянства. Организация выборов были одной из основных функций уездного предводителя. Дворянские собрания становятся органами сословного самоуправления, хотя, как свидетельствуют документы, дворяне, как правило, не очень активно участвовали в этих органах, что довольно парадоксально. Губернская реформа 1775 года одновременно создает и систему городских выборов для городского населения, и городские жители участвовали в выборах гораздо активнее. В городах появляются даже элементы предвыборной борьбы, предвыборной агитации.

Еще одна важная функция губернских дворянских собраний, по грамоте 1785 года, — составление родословных книг местного дворянства. Эта работа лишь ненадолго прервалась при Павле I.

В первой четверти XIX века мы наблюдаем интересную картину: во многих регионах страны происходят конфликты между губернаторами, назначаемыми императором, и местными дворянскими собраниями. Большой частью на уровне губернии. Бывали конфликты и довольно серьезные, доходившие до императора. Александр I часто бывал вынужден вмешиваться. То есть, дворянское общество, возглавляемое предводителем, становится в регионе самостоятельной силой — прежде всего на губернном уровне.

С 1782 года в России создается регулярная полиция. Некоторые полицейские должности на местах тоже замещались выбранными дворянами из местных. Это был механизм интересный и своеобразный. Дворянство еще в Уложенной комиссии 1767—1768 годов добивалось, чтобы ему передали властные полномочия на местах. И власть

фактически придумывает такой механизм, по которому должности замещались выборными дворянами — чиновников-то кадровых не хватает. С одной стороны, дворяне получают власть, с другой — власть получает людей, исполняющих необходимые функции, в том числе полицейские.

— *Когда строили усадьбы, подобные Хмелите, на какие образцы при этом ориентировались? Откуда их брали?*

— Это, прежде всего, зависело от знаний хозяина: бывал ли он за границей, что там видел... Вообще, ориентировались в основном на Петербург. Хмелита построена в 1755 году, при Елизавете Петровне. Тогда строится Зимний дворец, Екатерининский дворец в Царском Селе, барочные постройки Растрелли. Это время барокко. Конечно, ориентировались на эти образцы.

Вообще, изменения шли прежде всего из Европы. Петр открыл окно, и через него все это хлынуло. Включая и образцы бытового поведения. Очень важное для XVIII века слово — «политес»: манера поведения, этикет. Появляется выражение «политичный человек». «Политичный» — значит воспитанный. Умеющий себя вести.

*Обработка текста
О. Гертман*

Дмитрий Замятин. Русская усадьба: ландшафт и образ // Дмитрий Замятин. Гунны в Париже. К метагеографии русской литературы. — СПб.: Алетейя, 2017.

«Вскормленный прежде всего образом пассивности, навсегда «уходящей природы», культурный ландшафт русской усадьбы производил, создавал фактически готовые слепки, формы, фреймы восприятия места — места на границе высокой и низкой, элитарной и массовой (народной) культур, городского и сельского ландшафтов. Ведущий образ-архетип в данном случае — это чистая, «дистиллированная» культура, обладающая идеалом чистой, незамутненной природы и пасторального пейзажа. Надо, конечно, отдавать себе отчет в том, что такой образ вполне сознательно культивировался, возвращался, обихаживался в русской культуре в течение XIX — начала XX века. Вне зависимости от того, насколько он соответствовал реальности, действительности (а ведь чаще всего реальность — образная конвенция, образное соглашение между наиболее влиятельными социокультурными группами, личностями, творческими и распределяющими в обществе наиболее «сильные» образы и символы), этот образ-архетип русской усадьбы стал корневым, возможно, онтологическим, для целого кластера интерпретаций русской усадьбы и ее ландшафтных производных.»

«Вполне очевидно, что географические образы русской усадьбы начинают фор-

мироваться в ту историческую эпоху, когда сама русская усадьба становится, в ее полных хозяйственно-культурном и идеологическом смыслах, явлением прошлого, в том числе, «прошлого» пространства. Будучи несомненными нервными окончаниями хозяйственной ткани страны до середины XIX века, усадьбы в своем большинстве не воспринимались современниками как нечто уникальное. Внутри русской культуры XVIII — первой половины XIX века эти ландшафтно-культурные комплексы были естественным выражением пространственно-временной ритмики жизни значительной части образованных и высших слоев общества, включая также и сезонную ритмику. Крестьянское и помещичье хозяйство центрировалось и организовывалось усадьбой.»

«Генезис географических образов русской усадьбы непосредственно связан со слабо освоенным, чуждым, враждебным, огромным пространством, окружающим островки культуры и творчества, причем это творчество может питаться именно страхом и преклонением одновременно перед надвигающейся неизвестностью пространств «без истории», пространств «без Европы». Однако образно-географический смысл усадьбы проявляется в постоянном переходе ее границ, взгляде на усадьбу со стороны. Творческие взрывы, озарения, судьбоносные решения приходят вне усадебного локуса, но близко к нему; сама усадьба как бы гарантирует яркость переживаемых образов природы, символизирующих историко-культурные идеи эпохи.»

Алла Филиппова

«Именьем, брат, не управляй оплошно...»

Люди, заботы и радости Хмелиты и окрестностей

Сохранившаяся переписка Алексея Федоровича Грибоедова (1769—1833), владельца смоленской Хмелиты и родного дядюшки писателя, свидетельствует о том, что, как и для большинства смоленских и вообще российских дворян, заботы о ведении хозяйства в Хмелите и сычевских имениях его второй жены Настасьи Семеновны были для него повседневным, отнимающим много времени трудом.

Из мемуарных свидетельств смолян явствует, что для всех без исключения хозяев смоленских усадеб деревенская жизнь была «приятною только при деле, и большом деле», которое всегда подразумевало управление имениями и хозяйством, строительство церквей и благоустройство усадебных парков.

Большинство владельцев усадеб при управлении делами имения вели себя по-старинному, считая год не с января, а с сентября, сообразно прихода по хозяйству. Помощниками по имению часто назначали, как свидетельствует дальняя родственница Грибоедовых, жительница Ельнинского уезда М. С. Николева, «людей смышленных, мало-мальски образованных, которых тогда ценили»* и которые позже могли стать прототипами грибоедовского

Молчалина. Этот человеческий тип мы можем представить себе по описанию Николевой, вспоминающей одного из таких управляющих: «Семинарист Осипов, красивый, ловкий, неглупый, был отличен начальством. Его, как знающего дело чиновника, послали по какому-то поручению в Петербург, где он стал вхож во многие знатные дома, влюбил в себя девицу из хорошего дома... женился на ней и, таким образом, приобрел сильную протекцию ее родных, при посредстве которых поступил на службу».

Как и во всей России, смоленские усадьбы почти полностью содержали своих хозяев. На Смоленщине важными приметами хорошего хозяина усадьбы считались добротные крестьянские дома, «сапоги на ногах своих мужиков» и собственная аптека. В Хмелите, вспоминает Николева, «все обиходные вещи, по возможности, производились домашними средствами, начиная с холста и ниток до башмаков. Сукно для прислуги ткали дома, шубы они имели из выделанных дома же овчин, свечи тоже своей выделки. Целый отдельный флигель был занят столярами и плотниками. Мебель у нас делали очень недурную, по рисункам из наклейного красного дерева, которое тогда было в большом употреблении и очень ценилось. Были и резчики,

Алла Александровна Филиппова — кандидат филологических наук, заместитель директора по научной работе музея-заповедника А. С. Грибоедова «Хмелита».

* М. С. Николева. Черты старинного дво-

рянского быта // Русский архив. — № 10. — 1893. — С. 163.

и каменщики, кузнецы и шорники, все выбранные из своих же крестьян, и если у которого-либо оказывалась способность к какому-либо мастерству, его отдавали совершенствоваться в московские магазины и мастерские.»

О грибоедовской усадьбе как о хозяйстве, способном полностью обслужить своих хозяев, говорил и старый крепостной слуга Грибоедовых Прокоп: «...мастерские были, и мебель и все, что нужно там делали»*.

Количество дворовых, обслуживавших А. Ф. Грибоедова и его родственников, насчитывало около трехсот человек. Это красноречиво говорит о том, что Хмелита существенно отличалась от многих соседних усадеб северо-восточной части Смоленщины своим богатством, роскошью, аристократизмом, желанием и умением владельца «пожить на широкую руку, без расчета».

Слуга Прокоп вспоминал Алексея Федоровича так: «Он хозяин был хороший... Много наших он в Москву да в Питер отправлял учиться ремеслам, кто зодчим, кто мебельщиком, кого картины писать, да грамоте учил. Никто в округе так за своими не смотрел». «...это был дворец, — гордился старый слуга, — мы всей округой правили. Такого как раньше никогда не будет, тогда мы ходили как павы, никто с нами не равнялся, ни Нарышкины в Богородицком, ни Волконские в Сквородкине».

Впрочем, дяде поэта не в меньшей мере присущи были и капризы вельможи, и глухота к интересам и чувствам других, и частое раздражение всем на свете и брюзжание по любому поводу — как и опытность пожилого и много повидавшего человека. Мы знаем эти черты по образу Фамусова, для которого дядюшка Алексей Федорович послужил прототипом. Черты Алексея Федоровича — Фамусова были намечены уже в комедии «Студент», в образе Звездова.

* Пунктуация оригинала. — Архив музея-заповедника А. С. Грибоедова «Хмелита». ГМЗХ КП-1770.

Исследователь творчества Грибоедова Сергей Фомичев не раз обращал внимание на то, что образы Звездова и Фамусова восходят к одному и тому же прототипу — грибоедовскому дядюшке. В «Горе от ума» нашел отражение даже дядюшкин лексикон — например, выражение «я, брат...», часто звучавшее в поучениях Алексея Федоровича, которые племяннику приходилось выслушивать постоянно. А очерк «Характер моего дяди» полностью посвящен жизни и личности этого родственника поэта.

В беседе с Чацким Фамусов среди первейших обязанностей русского дворянина упоминает управление имением и службы:

Сказал бы я, во-первых, не блажи,
Именем, брат, не управляй оплошно,
А главное, поди-тка послужи.

Скорее всего, Грибоедов не раз слышал подобное от собственного дядюшки и в Москве, и в Хмелите.

Мальчиков, будущих владельцев имений, с детских лет обязательно обучали основам управления имением, девочек — умению вести домашнее хозяйство в усадьбе. Девушки на выданье умели варить варенье «до 4-х и 5-ти пудов», ухаживать за цветами, разводить домашних птиц, «которых бывало до тысячи разного сорта», смотреть за пряжей холста в девичьих, заготавливать вместе с экономкой «разные пития». В обязанности молодых девиц, в том числе и сестер писателя, входило наблюдение «за работой горничных, которые, по обычаю времени, наполняли девичьи, вышивая по тюлю, кисее и плетя кружева по задаваемым урокам». Впрочем, у взрослых дворянок вышивание, бисерное шитье, кружевные работы тоже были типичными занятиями.

Желания многих будущих родственников невест со стороны мужа совпадали с портретом Наташи из грибоедовской комедии «Своя семья, или Замужняя невеста»:

...неприхотлива

И угодительна, ловка и бережлива.

Смолянка М. С. Николева так вспоминала о своем первом выигрыше в лото: «Составили партию, че-

любок 15-ть; позволили и мне участвовать. Тут я, выиграв, в первый раз сделалась обладательницей целого рубля, что привело меня в восторг. Я тотчас сшила приходно-расходную тетрадь и записала на приход мой первый рубль. Нам никогда не давали денег в руки: родители распоряжались нашими нуждами по своему усмотрению».

Практические и теоретические знания самого Александра Грибоедова в области ведения хозяйства не раз подтверждаются в его произведениях и в полной мере проявились в его грандиозном проекте об учреждении Российской Закавказской компании.

Разумеется, к привитию хозяйственных навыков воспитание юных дворян никак не сводилось. Между прочим, именно хорошее домашнее образование подготовило почву для дальнейшего успешного обучения самого Грибоедова. Причем занятия науками и иностранными языками не прекращались даже летом в усадьбе.

В Хмелите, в Казулине, в Погорелом молодые люди имели возможность брать уроки не только у собственных учителей (которыми часто бывали дворовые — представители крепостной интеллигенции), но и у специально приглашенных профессионалов. Например, знания по истории, живописи, архитектуры и вообще искусства можно было получить у архитектора М. М. Тархова, ученика Академии художеств. Он был вызван из Москвы в 1800 году для строительства новой Казулинской церкви, прожил в доме Лыкошиных* около двадцати лет и «был строителем многих соседних храмов».

Обязательным для дворянских детей было обучение верховой езде. В Хмелите были свои конюшни, конный завод и манеж. Впоследствии навыки, полученные там, не раз пригодились Грибоедову в пору воинской и дипломатической службы.

Система воспитания была авто-

* Владельцы бывшей усадьбы Грибоедовых Григорьевское (Михайловское, часть Хмелиты) с конца 1770-х годов.

ритарной, что вызывало протест не только у вольнолюбивого и язвительного Александра. Современник его В. И. Лыкошин, вспоминая собственную юность, тоже считал необходимость «зависеть от других» и беспрекословно подчиняться старшим большим «промахом в тогдашнем воспитании». Он писал, что «это отклоняло всякую возможность иметь собственное мнение», часто мешало свободно объясняться, «но хуже всего раздражало» в минуты, когда молодежь чувствовала свою правоту, но вынуждена была избегать «неприятных столкновений». «Хорошее воспитание, выдержка, светская любезность, — свидетельствовала и М. С. Николаева, — ценились в обществе больше, чем душевные качества.» Именно это потом высмеивал в своей комедии Александр Грибоедов.

Броские приметы усадебной жизни, запомнившиеся юному Александру, он воссоздавал потом в ярких и точных образах своих произведений. Еще в юности ему, наблюдательному и саркастичному, была противна любящая зависимость, и «более всего ненавидел он рабство духа», которое замечал у многих представителей смоленского дворянства. Той же саркастичностью и неприятием рабства он позже наделил Чацкого в комедии «Горе от ума».

К концу XVIII-началу XIX века в атмосфере вольной усадебной жизни «обеда, ужины и танцы...» были непременным атрибутом существования. «Несколько поколений дворян, — писал в своих воспоминаниях А. И. Барышников, — выросли в сознании необходимости украшать свою жизнь всем, чем можно. И даже кажущееся смешным обучение танцам и «хорошим манерам» в глубокой своей сущности было действительно необходимо для эпохи, где все в жизни было признано достойным заботы и воспитания.» Дети дворян с малых лет росли в особом мире понятий и идей, в котором, как писал в свое время известный русский искусствовед, барон Н. Н. Врангель, «ребенок

еще у мамушек и нянюшек привыкал к мысли о великой необходимости религиозно верить в красоту».

«Красивейшая Хмелита», «любимый родственный дом», привлекала к себе всю округу. В воскресные дни и праздники владельцы имений и их многочисленные гости всегда стремились собраться у соседа побогаче.

Алексей Федорович Грибоедов, знаменитый хлебосол, известный всей Москве своими балами и увеселительными затеями, перенес уклад своей зимней столичной жизни в летнюю смоленскую резиденцию.

Эпикурейские вкусы и беззаботное прожигание жизни молодого Александра Сергеевича были сформированы не только столичной и гусарской средой. Любимый племянник своего дядюшки наблюдал их в детстве и юности в Хмелите, когда Алексей Федорович поражал всю округу своими усадьбными приемами и забавами, никогда не имея на это достаточных средств.

Балы в Смоленской губернии часто называли «редутами». Как и повсюду, они проходили при съезде родственников и знакомых со всей округи. Смоляне посещали друг друга в усадьбах за 40–80 верст.

На смоленском «редуте», как и в «Горе от ума», собирались «преlestницы с толпой вздыхателей послушных», наблюдались известные уловки «матерей», чтобы избавиться от зрелых дочерей», залы наполнялись «любезниками», «которых нынче тьма». Их психологические черты были подмечены Грибоедовым в ранние годы и улавливаются еще в ранних его пьесах.

«Многолюдство» (грибоедовское слово), злословие и сплетни по пустякам были приметами этих съездов. В рукописи исследователя истории смоленского дворянства А. М. Фокина мы находим меткие характеристики представителей смоленской знати. Так, «Храповицкие отличались своей жестокостью», «Аполлон Григорьевич Оловенников был глуп необыкновенно (это фамильная черта Оловенниковых, которых по-улично-

му звали Простаковыми». «Екатерина Парфеновна Верховская фигурой и дородством — гренадер, голос имеет грубый и звонкий, одевается в за-трапезу из холста..., подвязывается платочком, говорит по-мужицки.» Рассказ о том, как одну Толстую называли графиней, и она очень обиделась, Фокин сопровождает пояснением: «Толстые (просто) гораздо сановитее графов Толстых».

Многие мемуары смоленских жителей содержат подробности обсуждения дамами новинок французских модных туалетов, продававшихся в лавках на Кузнецком мосту, и всевозможных хитростей в умении, как это назвал их знаменитый земляк, «...себя принарядить / Тафтицей, бархатцем и дымкой». Современники Грибоедова не раз описывают «дамские шинельки», «соломенные шляпки с ландышами», белые кисейные платья, «прически буклями» и «в виде небольших райских птичек», бриллианты, «бархат и соболи». О нарядах княжон Соколинских на одном из балов М. С. Николева вспоминает: «Бабушка их, Каховская, нарядила их на бал, покрыв пестрыми букетами крупных цветов в таком количестве, что они казались ходячими комнатами цветов.»

Многие столичные родственницы и соседки привозили сюда своим подругам модные туалеты из Москвы и Петербурга. Менее состоятельные дворянки довольствовались платьями собственного пошива или одеждой своей богатой родни. Местная жительница Д. И. Уварова часто «сбывала соседкам поношенные наряды, привозимые ею во множестве из зимних ее поездок в Петербург, и выменивала их на более существенные вещи: нитки, чулки, птицу и другие хозяйственные потребности.»

Большой популярностью у смолян пользовались костюмированные балы: участники наряжались как в национальные русские костюмы, так и в костюмы народов других стран. Особый интерес вызывали экзотические наряды стран Востока — Китая и Индии.

В усадьбе Энгельгардтов Овиновщине, недалеко от Погорелого Барышниковых, давали маленькие детские балы, а Лыкошины иногда ставили театральные представления, в которых участвовали и дети. Многим обитателям смоленских имений был известен танцмейстер по фамилии Жуть, переучивший танцам детей половины губернии.

Балы сопровождалась обязательными обедами «до двенадцати и более перемен», концертными выступлениями оркестра и хора крепостных, театральными представлениями и танцами. В выборе блюд к званым обедам помогали «большие кухонные книги» и повара, проходившие по обыкновению обучение кулинарному искусству в Московском Английском клубе (у богатых дворян) или ученики этих поваров (у дворян мелкопоместных).

«Грибки да кисельки, щи, кашки в ста горшках», о которых упоминается в первой редакции «Горя от ума», были обязательными блюдами в меню обедов смоленских помещиков.

После обеда переходили к развлечениям. Из настольных игр были популярны шахматы и «крепость» — род шашечной игры. Иногда и дети играли в карты. Оставшийся «в дурачках», по воспоминаниям Николевой, был вынужден носить на голове обернутую ложку с вареньем, да так, чтобы не разлить содержимое.

Одним из любимых детских занятий было рисование — красками, акварелью, черным итальянским карандашом. Сохранившийся альбом смоленского дворянина В. А. Вонлярлярского, именуемый «Картинами усадебного быта», содержит рисунки, на которых изображены многие типичные для усадебной жизни занятия: охота с борзыми, дворянское собрание, карточная игра, репетиция любительского спектакля, путешествие по соседним имениям.

В Отделе письменных источников Государственного исторического музея хранится записная книжка — скорее, альбомчик Анны Хомяковой времен ее пребывания в смоленской усадьбе Липицы. В этом альбомчи-

ке она, будучи тогда маленькой девочкой, рисовала сценки из жизни своего окружения. На более чем сорока рисунках запечатлены дворяне окрестных усадеб — Хованские, Куракины, Обресковы, Нарышкины, Соковнины, Булгаковы, Лихачевы...

Воспоминания о детских играх со сверстниками во время отдыха между занятиями или после их окончания — камешки, катание на качелях, веревочка, жмурки, прятки, упоминаемые в записях смолян, могли стать одним из источников для воспоминаний Чацкого о детстве:

Где время то? Где возраст тот невинный,
Когда, бывало, в вечер длинный
Мы с вами явимся, исчезнем тут и там,
Играем и шумим по стульям и столам.
А тут ваш батюшка с мадамой за пикетом;
Мы в темном уголке,

и кажется, что в этом!

Вы помните? Вздрогнем,

что скрипнет столик, дверь...

К любимым развлечениям дворянского общества принадлежали домашние театральные постановки в городских салонах и загородных усадьбах. Импровизированные представления, в которых участвовали как профессиональные актеры, так и владельцы и гости усадеб, часто упоминаются в мемуарах смолян.

К участию в концертах часто привлекали представителей молодого поколения владельцев имений. Они не только исполняли роли и играли на музыкальных инструментах, но бывали и дирижерами, и режиссерами. Традиция домашних спектаклей, надолго установившаяся в усадьбах смолян, объясняет, что любовь Грибоедова к театру, его сценическое дарование, талант декламатора воспитывались не только московской театральной средой, но и летними усадебными театральными затеями. Уже взрослым Александр Сергеевич не раз участвовал в любительских спектаклях. В 1824 году он писал Вяземскому: «А кабы теперь был в Москве, сыграл бы в деревне у вас роль старухи-маркизши, Вольтеровой любовницы.»

«Домашняя музыка и домашние театры были делом моды, тогда всякий

А. Филиппова «Именем, брат, не управлай оплошно...»

зажиточный помещик имел непременно оркестр и даже театр свой», — вспоминал А. И. Барышников. О домашних усадебных оркестрах он писал: «Каковы были эти домашние оркестры, разумеется само по себе, но и под эту дурную музыку танцевала тогдашняя молодежь так же весело..., ибо и сама тогдашняя молодежь была моложе и веселее, нежели теперешняя, так рано стареющая и скучающая...»

После войны с наполеоновской Францией крепостные оркестры в Смоленской губернии почти исчезнут. А пока каждый владелец усадьбы стремился завести из крепостных свой хор или хотя бы квартет скрипачей. Многие из смоленских помещиков, в частности, дворяне Глинки, серьезно увлекались музыкой, а большинство стремилось дать детям хорошее музыкальное образование. Учителями музыки у дворянских детей часто становились талантливые крепостные музыканты. Таким был, например, дворový человек из села Мархоткино, который постоянно следил за музыкальными упражнениями Марии Николевой. В своих воспоминаниях Николева перечисляет «почти все в то время принятые танцы в провинции»: русская пляска, казачок, горлинка, гротфатер, матрадур, котильон, экосез, круглый польский и вальс. В пору грибоедовского детства на Смоленщине только начинали входить в моду французские кадрили и мазурка.

Известно, что в Хмелите был собственный крепостной театр, оркестр и хор цыган. Крепостной оркестр был у Лыкошиных, у дальних грибоедовских родственников Николевых в усадьбе Покровское Ельнинского уезда. В домашних театрах того времени нередко ставились остро-сатирические пьесы, для которых был закрыт путь на профессиональную сцену — и которые очень соответствовали нраву Александра Грибоедова, известного современникам своим остроумием. В Хмелите не только Александр «изводил сестер» своими насмешками и экстравагантными выходками,

но и остальная хмелитская компания придумывала «разные шутки над приезжающими соседками и живущими в доме иностранцами», — вместе с воспитателями Лыкошиных там «собиралась порядочная колония разноплеменных субъектов». Возможно, во время домашних хмелитских спектаклей разыгрывались и отрывки известной пародии Грибоедова «Дмитрий Дрянской».

Достоверно известно, что еще во время царствования Софьи Алексеевны, которая была «первою и могучею покровительницей театра» в России, на ее придворном театре дебютировал первый владелец Хмелиты Семен Грибоедов. В новом переводе комедии Мольера под названием «Врач поневоле» он исполнил роль «Луки, прислужника Герона».

Мемуаристы свидетельствуют о том, что в усадьбах были широко распространены камерные жанры искусства: пение, литературные, музыкальные и танцевальные вечера в узком кругу. На хмелитских музыкальных вечерах особенным успехом пользовались дочь хозяйина усадьбы Элиза, игравшая на арфе, и ее кузина, родная сестра будущего драматурга Мария Грибоедова. Талантливая арфистка, ученица знаменитого Джона Филда, много лет жившего в России ирландского композитора, она была известна «всею Москве своим музыкальным талантом».

Типичным занятием в барских имениях была и усадебная поэзия. В структуре ее, как писал исследователь словесности этого времени В. А. Кошелев, «преобладали по преимуществу «домашние» жанры: послания к друзьям..., обращения к условной возлюбленной, медитативные элегии о бренности бытия и скоротечности жизни, дидактические наставления детям и внукам и так далее. Особое место занимали описания природы, что диктовалось особенностями поэтической эпохи предромантизма, когда в моде стали поиски аналогов творчеству в растительном мире... Такого рода поэзия в начале XIX века была распространенным явле-

нием и модным «домашним» занятием — и редко устаивалась печати».

Еще одним повсеместным времяпрепровождением в дворянской среде была охота. Об охотничьих приключениях владельца села Липецы, С. А. Хомякова, а еще раньше — о его отце, заядлом охотнике, в смоленском крае ходили легенды. Seriously увлекался охотой и граф Н. П. Панин из сычевской усадьбы Дугино, где он жил постоянно. Любимым занятием Панина была охота на волков и медведей, для которой он часто приезжал в свое небольшое имение Покров, находившееся недалеко от глухих лесов Бельского уезда — особенно известных мест обитания этих животных. Псовая охота была одним из любимых увлечений в семье Барышниковых.

О том, имел ли пристрастие к охоте дядюшка Грибоедова, свидетельств не сохранилось, хотя обилие птиц и животных в окрестностях грибоедовской усадьбы давало хорошую возможность для устройства в имении этого традиционного барского развлечения. Зато дядюшка Алексей Федорович, знакомый со многими высокообразованными людьми своего времени, старался создать в Хмелите библиотеку, которая удовлетворяла бы самому изысканному интеллектуальному вкусу. Она часто пополнялась новинками художественной литературы, учебниками, справочниками, трудами ученых в разных областях науки и периодическими изданиями. Трудно представить себе хмелитскую библиотеку без «Вестника Европы», основанного Н. М. Карамзиным и издававшегося в Москве в 1802–1830 годах, — лучшего журнала своего времени. Еще одним заметным журналом был тогда «Русский вестник» смолянина С. Н. Глинки. В передовых кругах общества это издание (имевшее патристическую и монархическую ориентацию) большим успехом не пользовалось, но в провинции было очень популярно, и провинциальные читатели были главными его подписчиками.

*Материал подготовила
О. Гертман*

Елена Генерозова

Дорожки парков заросли травой

«**Всё в прошлом**», Василий Максимов, 1889 г., Государственная Третьяковская галерея*.

Мифологию русской усадьбы — от которой не отделить теперь воспоминаний о ней — создавали те, для кого и становление усадебной культуры, и ее упадок были личным опытом. Среди них был и художник-передвижник Василий Максимов (1844–1911).

Над эскизами к своей знаменитой картине «Все в прошлом» Максимов начал работать еще в 1885 году, после смерти тещи, генеральши Измайловой. Жена художника, Лидия Александровна, оказалась наследницей старой усадьбы с поэтическим названием «Любаша», которая и стала прообразом той, что изображена на картине.

У маленького бревенчатого стола — две старухи: хозяйка-барыня и ее прислуга-крестьянка. Весна, цветет сирень, проклюнулась трава, молодая природа пробуждается к жизни. В контрасте с этим — лишь три старых персонажа: две старухи и древний верный пес. Барыня предается воспоминаниям. Была хороша собой, богата, блистала в свете... В ее осанке, выражении лица, повороте головы до сих пор сквозит тень спокойного превосходства. Барыня в кресле с узорным чехлом, одета в нарядное платье с бантом, тальму, подбитую мехом. На голове — белоснежный чепец, на ногах — мягкие восточные туфли. Золотые перстни украшают ее старые праздные руки.

Ее старушка-служанка когда-то, очевидно, была крепостной. Замуж

ее बारे не выдали, и теперь она коротает свой век у хозяйки. Ее темная одежда — сатиновый платок, клетчатый фартук — все для работы, для того чтобы даже на старости лет служить барам. Картина построена на контрасте: одежда, чашки (изящная фарфоровая господская и простая фаянсовая служанкина), их местоположение — кресло и ступень старого крыльца, даже руки — ленивые барские и служанкины, которые вечно в работе (вот и на отдыхе она вяжет чулок). Общее одно — старость.

Старость, бывшая так далеко от них, едва ли не дальше, чем они друг другу в социальном плане, сближает их, примиряет обеих с тем, что все в прошлом. Они знают, и художник знает, возможно, знает даже старый пес: уже совсем скоро их ждет еще одна стадия равенства — примиряющая, сглаживающая последние различия смерть.

Не пройдет и тридцати лет, как многие прекрасные усадьбы, богатые и попроще, созданные и крепостными архитекторами, и прославленными итальянскими мастерами, уйдут в небытие вместе с хозяевами.

«В 1917 году началась агония, — писал А. Н. Греч. — Опустели дома, белые колонны рухнули. Дорожки парков заросли травой... Львы на воротах облезли и рассыпались бесформенными кусками... В десять лет создан грандиозный некрополь. В нем — культура двух столетий. Здесь погребены памятники искусства и быта, мысли и образы, вдохновлявшие русскую поэзию, литературу и музыку, общественную мысль. И нет над некрополем надгробного камня».

* См. III страницу обложки.

Музеи-усадьбы: книги и интернет

Что можно узнать о музеях и об усадьбах? А это — смотря где. Например, в интернете много информации и о музеях, и об усадьбах. Одна серия из ста книг «Великие музеи мира» чего стоит! Но если мы пересечем области и спросим «музей-усадьба» или «усадьба-музей», нам вывалится примерно 470 и 50 тысяч ссылок, но независимых окажется не слишком много — 300 и 250; за полдня можно проверить все. Есть и списки музеев-усадьб, но тут надо уже быть осторожным, потому что разные авторы трактуют термин по-разному. Можно понимать его узко — как серьезный музей, располагающийся в усадьбе и связанный именно с ней через людей, которые в ней жили, и время, в которое они жили. А можно и экстремально широко — поскольку сама усадьба (или то, что от нее осталось) может быть музейным объектом. В первом случае список, например, для Москвы не дотянет и до десятка, во втором — перевалит за полсотни.

Серьезные книги по усадьбам есть, по крайней мере три из них имеются в интернете. Это книги **Н. В. Мурашовой** и **Л. П. Мыслиной** «**Дворянские усадьбы Санкт-Петербургской губернии (Всеволожский район)**» (2011) и «**Дворянские усадьбы Санкт-Петербургской губернии (Ломоносовский район)**» (1999), но собственно музейный аспект в них не затронут. Тем не менее, предисловие ко второй из них стоит процитировать — в нем сжато и полно сформулирована задача усадьбоведения.

Усадьбная тема — одна из самых многосложных. Она связана с исто-

рией, религией, эстетикой, философией, географией, топографией, ботаникой, дендрологией, гидротехникой, литературой, иконологией, музыкой, живописью, скульптурой, архитектурой, паркостроением, садоводством, генеалогией. Их неразрывность обуславливалась многофункциональным назначением усадеб, укладом жизни владельцев, стилевыми особенностями эпох, природными условиями. Д. С. Лихачев считает важными «все обстоятельства, сопутствовавшие их созданию, все отразившиеся в них веяния времени, все исторические реминисценции, всю историю создания». История владельцев — это живая история России. От их родовых корней, социального положения, благосостояния, семейных традиций, уровня культуры и связей в создании усадеб зависело все. Среди них были представители императорской фамилии и вельможи, родовитые, но обедневшие, и новые дворяне, ученые и декабристы, но больше всего людей служилых — военных и чиновников. И потому в столичной губернии были и дворцово-парковые ансамбли, предназначенные для приемов и празднеств, и сельские барские усадьбы с набором всего необходимого для длительного пребывания в деревне, и утилитарные рентабельные хозяйства, приносявшие немалый доход». Правда, широкий охват? Однако он не является максимально возможным.

Вот третья из упомянутых — книга **А. Ю. Послыхалина** «**История усадьбы Гребнево**». В ней уделено внимание, так сказать мета-усадьбоведению — перечислены краеведы, исследователи и их

опубликованные и неопубликованные (расходившиеся в списках — был и такой самиздат!) работы. Цитируем предисловие: «Возникновение усадьбы неразрывно связано с многовековой историей Гребневского поселения и близлежащих населенных пунктов, а в судьбах бывших владельцев имения отражена история России. В краеведческих работах последнего времени за подробными биографиями владельцев нередко теряются такие важные вопросы, как количество и занятость местного населения, а за общеисторическим контекстом подчас нелегко разглядеть изменения административной подчиненности конкретного населенного пункта, имеющие прямое отношение к его истории. Поэтому особое внимание в работе уделено истории административно-территориального деления местности, социальному и демографическому аспектам, а также истории многочисленных текстильных фабрик края — его былой отличительной особенностью».

Многочисленные примеры народных преданий о «цельнотканой рубашечке», подземных ходах в усадьбе, ночных собраниях масонов и их тайных ритуалах на Большом острове, создании «Барских прудов» руками пленных участников пугачевского восстания и «злодеях» Пантелеевых, уничтоживших усадьбу своим купоросным заводом, в последнее время активно тиражируются средствами массовой информации. Между тем, сохранившиеся документы ушедших эпох демонстрируют нам куда более захватывающие картины прошлого».

Вот еще две книги, но их, кажется, в интернете нет. Это альбом «Музеи. Усадьбы. Жемчужины Подмосковья» (первое издание — 2007, второе — 2011). Содержание: Большие Вяземы, Захарово, Даровое, Лопасня-Зачатьевское, Мелихово, Мураново, Шахматово, Тараканово; цветные иллюстрации почти на каждой странице. Вторая — книга **А. И. Фролова** «Усадьбы Подмосковья» (2003). Каталог содержит сведения более чем о 3500 усадьбах, показывает все былое усадебное богатство Подмосковья.

Приводится информация о владельцах и знаменитых гостях, сохранившихся и утраченных памятниках архитектуры, коллекциях и архивах.

Особый (с учетом нашего отношения к чтению) интерес представляет книга **В. И. Новикова** «Русская литературная усадьба» (есть в интернете). В ней рассмотрено влияние феномена «дворянской усадьбы» на российскую литературу. Пушкин и Михайловское, Грибоедов и Хмелита, Лермонтов и Тарханы, Лев Толстой и Ясная Поляна, Тургенев и Спасское-Лутовиново, Тютчев и Овстуг, Чехов и Мелихово, Блок и Шахматово, Северянин и Суда, Набоков и Рождествено. Некоторые усадьбы известны благодаря своим гостям: в Остафьеве жил Карамзин, в Знаменском-Губайлове собирались поэты «Серебряного века», Слепнево известно посещениями Гумилева и Ахматовой. Эта книга — путеводитель, охватывающий двадцать шесть усадеб, без которых литература выглядела бы, наверное, иначе. Основная тема книги, автор пишет: «литература — от Державина до Бунина — тесно связана с жизнью дворянской усадьбы. Великие писатели — А. С. Пушкин в Захарове, М. Ю. Лермонтов в Тарханах, Л. Н. Толстой в Ясной Поляне, А. А. Блок в Шахматове — созревали как личности в условиях усадебного быта и впоследствии всю жизнь были связаны с этим бытом. В «деревне» жили прототипы их героев. Культурное значение литературной усадьбы обусловлено тем, что каждый писатель — и великий и малый — творит свой собственный мир, материалом для которого служит его индивидуальный человеческий опыт. Вещественная атмосфера, в которой он жил, также становится литературным документом и соответственно принадлежностью национальной культуры. Дом писателя, предметы обихода, окружающий пейзаж — все это необходимые компоненты его «художественной вселенной». Материальные памятники — связующее звено между писателем и современным читателем».

Есть в интернете и книга **Е. В. Первушиной «Усадьбы и дачи петербургской интеллигенции XVIII—XX века. Владельцы. Обитатели. Гости»**. (2012). Книга посвящена загородным усадьбам и дачам, принадлежавшим петербургским интеллигентам XVIII, XIX и XX веков. Именно здесь поэты, художники, ученые и государственные деятели могли без помех общаться между собой и работать, именно здесь складывался облик русской культуры. Многие усадьбы и дачи, описанные в книге, сохранились до наших дней, во многих из них организованы музеи. Особо отметим небольшую по объему, но весьма интересную по содержанию главу первую, в которой автор дает свой ответ на вопрос, что такое интеллигенция.

Теперь обратимся именно к усадьбам-музеям. Короткие путеводители по отдельным таким музеям, изданные в разные годы, сейчас малодоступны. Например, в 1931 году была издана 66-страничная брошюра **«Музей-усадьба Останкино. Дворец-театр. Краткий путеводитель»**, в 1955 году — 96-страничная **«Музей-усадьба Л. Н. Толстого в Москве»**, а в 1958 году — 48-страничная **«Мелихово. Музей-усадьба А. П. Чехова»**. Потом — молчание, лишь в 1968 году появилась книга **Л. И. Булавиной, В. Л. Рапопорта, Н. Т. Унаниян «Архангельское. Краткий путеводитель»**, в 1976 году 162-страничная книга **А. И. Опульского «Дом в Хамовниках: Музей-усадьба Л. Н. Толстого в Москве»** и 24-страничное издание 2002 года — **Е. В. Кириллина «Музей-усадьба И. Е. Репина — Пенаты: Путеводитель»**. Кое-что из этого можно добыть у букинистов, на сайте www.alib.ru, что-то, наверное, есть в библиотеках.

«Музейность» усадеб серьезно рассмотрена в книгах серии **«Подмосковные музеи»**, изданных в 1925 году. На этом букинистическом сайте почти все они имеются (в строке поиска вводить «подмосковные музеи»). Например, это выпуск 2 — **«Архангельское. Никольское-Урюпино. Покровское-Стрешнево»**, выпуск 3 — **А. Н. Греч, Г. И. Чулков, Н. И. Тют-**

чев, М. С. Урениус «Остафьево. Мурраново. Абрамцево», выпуск 4 — **Ю. П. Анисимов, А. Н. Греч «Ольгово. Дубровицы»**. В 1927 году вышло 8 выпусков **«Сборники Общества изучения русской усадьбы»** (их тоже предлагают на этом сайте). Как сдержанно пишут в интернете, «в конце 20-х годов деятельность Общества заметно угасла в связи с изменением общественно-политической обстановки в стране и прекратилась в 1930 году». Во время Перестройки деятельность Общества и, в частности, издание сборников были возобновлены, некоторые из этих изданий можно найти на букинистических сайтах или на сайте Общества <http://oiru.archeologia.ru/biblio.htm>.

И наконец, две книги по теме усадьбы-музеи — **Ю. Г. Иванов «Русские усадьбы-музеи»** (2010), в которой предпринята попытка описать те усадьбы, которые уже в наше время превратились в музеи — все они связаны с жизнью и деятельностью великих людей и ныне носят мемориальный характер, и **«Знаменитые музеи-усадьбы России»** — сост. **И. С. Ненарокова** (2010). Михайловское, Ясная Поляна, Поленово, Пенаты и многие другие — эти места интересны всем, кому вообще интересна история России. В их стенах создавались культурные шедевры, их пейзажи запечатлены на полотнах, в поэмах и романах.

Поскольку книг по нашей сегодняшней теме немного, и добыть без хлопот и трат можно лишь часть из них, обратимся к интернету уже не за книгами, а прямо за информацией. При этом мы сразу обнаруживаем, что есть такое понятие, как «виртуальный музей», причем под этим подразумевают две совершенно разные вещи. Во-первых, это музеи, существующие только в интернете, например, **«Виртуальный музей ГУЛАГа»** или **«Виртуальный компьютерный музей»**. Во-вторых, это обычные, существующие в реальном мире, но называющие себя виртуальными, потому что они уделяют серьезное внимание представлению информации о своей экспозиции в интернете. Употребление слова «виртуальный» в данном случае сомнительно, но не это главное. На

момент написания этого обзора таких музеев в РФ имелось 187, причем 12 из них сообщают, что они располагаются в усадьбах — вот они-то нас и интересуют. Виртуальность же их состоит в выкладывании не только фотографий интерьеров, но часто и фотографий отдельных предметов, панорам

и видео. В любом случае все это надо тщательно рассмотреть на сайте музея, прежде чем идти или, тем более, ехать. Ссылки на собственные сайты этих музеев мы не приводим — чем их набирать по отдельности, проще попасть с общего сайта www.culture.ru/museums/virtual/.

**Звуки природы
помогают
расслабиться**

Британские психологи выяснили, что звуки природы влияют на вегетативную нервную систему, отвечающую за реакции борьбы, бегства и расслабления, и меняют активность мозга.

Ученые провели эксперимент, в ходе которого добровольцы слушали звуки естественной и искусственной среды. Во время исследований добровольцам делали МРТ. Активность вегетативной нервной системы оценивали, с минутным интервалом измеряя частоту сердечных сокращений.

Исследование показало, что активность мозга при пассивном режиме работы отличалась в зависимости от включенных звуков. Когда участники слушали звуки природы, их внимание было направлено вовне. Также активировался режим расслабления вегетативной нервной системы, а еще добровольцы лучше справлялись с заданием на внимание. А при воспроизведении искусственных звуков внимание смещалось внутрь. Нечто похожее наблюдается при депрессии и посттравматическом стрессовом расстройстве.

**Кофе против
облысения**

Врачи до сих пор не могут предложить стопроцентно работающее средство от облысения, однако медики не сдаются. Недавно они рассказали о новом лекарстве — кофе. Ведь кофеин способен проникать в корни волос...

Уже доказано, что кофеин противодействует эффекту тестостерона, подав-

ляющему рост волос. При этом кофеин можно наносить прямо на волосяные фолликулы. Средство наружное, иначе для достижения требуемого эффекта человеку пришлось бы выпивать в день по 40–50 чашек кофе, что токсично для организма. Зато ополаскивание волос раствором, содержащим кофеин, может остановить выпадение волос на 20%.

К сожалению, если волосы уже выпали, кофеин не спасет, ведь основания волос умерли.

**Кредит как причина
депрессии**

Если у человека долги, особенно крупные, то у него повышается давление, страдает психическое и общее здоровье. Теперь это подтверждено научными экспериментами с участием 8400 добровольцев в возрасте от 24 до 32 лет.

По данным авторов работы, 20% этих молодых людей не могли бы выплатить долг в любом случае. Это повышало их уровень стресса, депрессии. У людей с самыми большими долгами отмечалось увеличение диастолического давления на 1,3%, что провоцировало рост риска возникновения гипертонии на 17% и инсульта — на 15%.

Также ученые установили, что студенты, не бравшие кредитов, больше общались с соучениками, чем учились, по сравнению со студентами, которые влезли в долги, чтобы оплатить учебу. Последние старались хорошо учиться и потом найти работу с хорошей зарплатой.

Есть еще одна группа студентов, которая рассматривает кредит исключительно как тяжкий груз. Эти

люди не учились и не участвовали во внеклассных мероприятиях за пределами студенческого городка.

Задолженность по кредитам на учебу в Америке колеблется в пределах 1 триллиона долларов.

**Образование
не всегда полезно**

Если уровень образования человека выше, чем это требуется для работы, то он обязательно столкнется с депрессией. Британские ученые доказали это, проведя исследование с участием более 16 000 человек, 25–60 лет, из 21 европейской страны. Причина депрессии заключается в том, что подобная работа не кажется интересной для человека с очень хорошим образованием. Он просто не использует полученные навыки. В основном такая работа непрестижна.

Примечательно, что ранее ученые установили: низкий уровень образования тоже повышает риск депрессии. Выходит, что и наличие необразованных людей, и лиц с дипломами самых престижных колледжей и университетов негативно отражается на психическом здоровье общества.

Во многих странах рынок труда не успевает за растущим числом высокообразованных людей. Он просто не может предложить им адекватную работу. Поэтому необходимо соблюдать баланс людей с разным уровнем образования.

**Даже если тебя
съели...**

У тебя, как известно, есть два выхода. Подобная история произошла у победителя Нидерландов. Гол-

ландские ученые объяснили загадочную смерть двух дельфинов-гринд: млекопитающие задохнулись, когда проглоченные ими рыбы попытались сбежать и закупорили дыхало — отверстие, через которое дышат дельфины и киты.

В ходе эволюции кашалоты и дельфины разработали механизм, позволяющий проглатывать слишком крупную добычу — они могут сдвигать в сторону дыхательное горло. Однако существует вероятность того, что проглоченные рыбы попали в дыхало, когда гринды кашляли или чихали.

Произошел инцидент из-за верности дельфинов: их стая долгое время оставалась в незнакомых водах Северного моря, ухаживая за больным или умирающим товарищем. Поэтому им пришлось переключиться с привычной пищи (кальмаров) на местную...

Электронные сигареты также вредны

Ученые из Великобритании выяснили, что пары от электронных сигарет активируют в легочных тканях гены, связанные с окислительным стрессом. При этом вейпинг приносит меньше вреда дыхательным путям, чем табачный дым.

В эксперименте использовалась выращенная в лабораторных условиях эпителиальная ткань дыхательных путей. Ученые проверили, как табачный дым и пар от вейпа влияют на активность генов в клетках ткани. Оказалось, что в легочной ткани, подвергшейся влиянию дыма, через 24 и 48 часов после воздействия изменилась актив-

ность 873 и 205 генов соответственно. Однако пары от электронных сигарет вызывали более слабый эффект. Они затронули только три гена по прошествии суток и один — через два дня.

Табачный дым способствует развитию рака легких, воспалению и фиброзу. А вейпинг влияет на гены, участвующие в клеточном метаболизме и механизмах окислительного стресса. При окислительном стрессе образуются

активные формы кислорода, а также свободные радикалы. Эти соединения повреждают клетки легких и приводят их к гибели.

Тем не менее, Министерство здравоохранения Великобритании утверждает, что использование вейпов на 95 процентов безопаснее, чем курение сигарет...

Что опаснее алкоголизма?

Ученые из Техасского университета пришли к выводу, что полный отказ от спиртного опаснее алкоголизма.

В эксперименте, продолжавшемся 20 лет, приняли участие более 1800 человек в возрасте от 55 до 65 лет, которых разделили на три группы: алкоголики, умеренно пьющие и трезвенники. Итог был ошеломляющим: люди, полностью отказавшиеся от алкоголя, умирали раньше других. В среднем, 69% из них не доживали до 65 лет. Среди алкоголиков таких набралось 60%, а среди умеренно пьющих — всего лишь 41%. При этом учитывалось, что употребление алкоголя повышает риск развития болезней и несчастных случаев. Примечательно, что подобной зависимости от других факторов не прослеживается. То есть, не важно, сколько вы зарабатываете, как часто занимаетесь спортом и сколько у вас друзей.

Самое же пагубное воздействие на организм человека оказывает резкий отказ от спиртного. Если алкоголик решает завязать с пагубной привычкой, скорее всего, он отойдет в мир иной значительно раньше, чем если бы продолжал выпивать.

Революция и солдатский бунт

К вопросу о психологии «человека с ружьем» и ее последствиях

Революции вторгаются в историю в ауре порожденных ими мифов. Хотя Февральская революция обязана своим победоносным утверждением солдатскому бунту, людям в серых шинелях в отечественной историографии не очень повезло. Разумеется, о роли солдат в революции историки писали, причем немало работ вышло в «застойные» годы. Но что из себя представляла солдатская масса в предшествующий период, что подтолкнуло ее к бунтарству, каково значение насильственного утверждения «демократии» в стране с вековыми традициями авторитаризма — все это вовсе не интересовало тех, кто брался за исследование армейской жизни.

Бунт бывших крестьян, вооруженных на свою голову самодержавием (ввиду начавшейся войны), во многом определил ход и самый дух последующей советской истории. Поэтому анализ сознания и поведения самого массового, традиционалистски ориентированного «неудобного класса», оказавшегося в самой жизнеспособной своей части в положении агрессивной маргинальной прослойки, заслуживает первостепенного внимания. Революция — это насилие, соединенное с утопией. Наиболее интенсивно этот процесс протекал в солдатской среде.

Можно выделить целый набор вопросов, без ответа на которые изучение природы и последствий Февраля

рискует оказаться ущербным: отношение крестьян к военной службе и защите Отечества; их идеал взаимоотношений с армейским начальством; наиболее раздражающие факторы военной субординации и армейской жизни; впечатления от войны и контактов с населением завоеванных территорий и пленными; каналы и факторы ломки старых или усвоения новых стереотипов поведения; ход изменения отношений к урбанизированной среде и всей системе власти-подчинения. Это тот минимум вопросов, которые сегодня мы можем скорее поставить, нежели дать на них ответ. В целом это проблема поведения человека, заброшенного в иной — непонятный и пугающий — мир.

Строго говоря, для модернизирующейся авторитарно-патерналистской империи с мощными милитаристскими традициями реформирование армии приобретает первостепенное значение, ибо встает вопрос: можно ли вообще модернизировать социальный организм, в котором косность низов по-своему соответствует бюрократической замшелости верхов, а если да, то с какого конца это дело начинать? Сегодня соблазнительным кажется утверждение, что в России надо было бы прежде модернизировать отношения в армейской среде, а с этим всегда непростительно запаздывали. Понятно, что и старорежимная палочная дисциплина есть не просто садистское насилие, а всего лишь простейший, веками апробированный способ превращения степенного

Владимир Булдаков — доктор исторических наук.

и раздумчивого сельского труженика в нерассуждающее существо, механически повинующееся приказам. Но со времен милютинской военной реформы солдату уже не предстояло служить вечно: армейское состояние стало для него *временным*, поэтому его стоило постараться перенести *с выгодой* для себя.

Однако к началу XX века солдатское бытие больше напоминало полузабытую барщину или постылую систему отработок, нежели выполнение гражданского долга. Уставы, шагистика, чины и погоны вряд ли могли в глазах новобранцев, значительная часть которых была грамотной, приобрести черты *боевой* целесообразности. Солдатское недовольство армией начиналось с неприятия армейского быта; возмущение шло от непонимания практической значимости его особенностей. Понятно, что компенсаторную роль могли сыграть хорошее питание, исправное обмундирование, возможность «пожизниться» неформальным — не исключая мародерского — путем. В принципе, поначалу солдат впечатляли и харчи, и амуниция; есть свидетельства, что в Восточной Пруссии и Галиции они испытали своеобразную форму довольства, вкусив плодов европейской цивилизованности.

Но... Рыба гниет с головы, армия — с командования. Начальник, как бы высоко он ни стоял, должен был быть «своим», воплощать собой понятную солдатам, пусть жестокою целесообразность. Февральская революция дает достаточно примеров того, что особенно не нравилось нижним чинам в командирах: самодурство вместо строгости, культурная отчужденность вместо иерархически выверенной социальной дистанции. О таких вещах, как профессиональная компетентность, личная храбрость и неприменная «отеческая» забота о подчиненном и говорить не приходится — без этих качеств офицеры почти автоматически превращались во врагов солдат.

На деморализацию армии особенно повлияла социально-бытовая наркотизация. Крестьянин прежде пил

исправно, но «сезонно»; иной ритм профессиональных тягот порождал другую — более частую потребность в расслаблении. Сухой закон больно ударил по психике солдатской массы: в усмерть перепившиеся батальоны, а то и полки, захватившие винный заводик в годы Первой мировой войны — наглядное тому подтверждение. Явления такого рода не стоит огульно считать свидетельством «разложения» действующей армии. Известно, что во время летней мобилизации 1914 года новобранцы взбунтовались: переход в новое состояние не получил своеобразного ритуального закрепления в виде гульбы. И дело не в пресловутом «русском пьянстве»: на грани бунта оказались и непьющие мусульмане из-за вопиющего неуважения к профессиональным особенностям принятия пищи. Будущие воины просто требовали *понимания* своих человеческих потребностей. Ощущения этого армия и власть не давали.

Защитник Отечества должен был прочувствовать возвышенность своего статуса сравнительно с «гражданским». Февральская революция дает массу свидетельств того, как солдаты мигом и по-хамски демонстративно избавлялись от таких унижающих, как им казалось, запретов, как езда в вагоне трамвая или курение на улицах. Вызывали отвращение и погоны — знак зависимого состояния в условиях «свободы».

Конечно, в массе своей солдаты не понимали целей войны. Но такую цель они могли обрести на личностном уровне в процессе успешного наступления. Возникает поэтому вопрос: что происходило с психикой *отступающей* армии? Общеизвестно, что с германской стороны велась активнейшая пропаганда: издавались газеты на русском языке, которыми немцы делились в ходе пресловутого братания. Немцы внушали русским солдатам, что они воюют не за своего царя, а за «английские интересы». Понятно, это не могло не смущать политически неразвитые умы. Сыграло свою роль и представление о том, что противник лучше знает

о том, что происходит не только в царских штабах, но и в русских окопах. Безусловно, солдат мог любить офицеров, проявляя они «отеческую» заботу о нем. Действительно, элементы патерналистской идиллии во взаимоотношениях офицеров и солдат встречались. Но это — исключения. К началу войны реформа в армии завершена не была; есть основания полагать, что отношения офицеров и нижних чинов мало изменились со времен купринского «Поединка».

Как известно, Россия не вела планомерной обработки населения в милитаристском духе накануне войны (правда, после ее объявления страну захватил поток шовинистической литературы). В этом отношении армия не составляла исключения. Плохо обстояло дело и с морально-психологической подготовкой солдат. А с религией, верой в народных массах стало совсем неважно уже в начале XX века. Особых духовных семинарий для подготовки военных священников в России не существовало. Правда, положение компенсировалось тем, что армейские батюшки в материальном отношении обеспечивались намного лучше, чем их приходские коллеги; более того, они были приравнены к соответствующим офицерским чинам, что и обусловило приток в армию энергичных молодых выпускников семинарий. Но офицеры, как правило, не отягощенные избыточной религиозностью, обычно относились к «божьему воинству» не без иронии, что, разумеется, замечалось солдатами. А тем временем походных церквей не хватало, службы проводились формально, как казенный ритуал, проповеди были редким явлением, не говоря уже о какой-либо индивидуальной работе с паствой.

В любом случае, объяснения «высших» целей войны солдат ни от офицеров, ни от священника не получал. Иного и быть не могло. Сами священники отмечали, что вера в технику и прогресс стала заслонять веру в Бога. Хуже того, солдатам на войне пришлось уверовать во всемогущество убивающего технического прогресса.

Последствия этого явления для будущей российской истории по-настоящему всё еще не оценены.

Бывшие крестьяне могли неплохо воевать, если армия наступала, а им кое-что перепало из трофеев. Позиционной войны, то есть бесперспективного, как казалось, сидения в окопах, они не любили. Солдаты охотнее шли в атаку, узнав, что у противника полны фляжки спиртным (предпочтение отдавалось австрийскому рому, а не немецкому шнапсу). В дальнейшем стремление «защипать дрозда» (напиться до потери сознания) для многих солдат приобрело навязчиво-патологический характер.

С другой стороны, крайне негативно влияли на солдат казаки с их склонностью к мародерству и погромам еврейского населения. Если офицеры невольно прививали солдатам привычку к пьянству и безделью, то казаки — к разбою. Вопрос о негативном влиянии на солдат казаков — этой самой профессионально подготовленной части армии — заслуживает особого внимания. Военная этика казаков восходит к Средневековью, когда оборотной стороной доблести было мародерство; крестьянин, окупившись в барщинно-каторжную атмосферу армейской службы, естественно, усваивал архаичные образцы поведения, которые превращались в привычку. Вероятно, сказывалось и то, что русский крестьянин издавна привык примерять к себе только два крайних поведенческих стереотипа — холопский и казачий.

В качестве так называемых объективных показателей предреволюционного разложения армии принято называть массовые сдачи в плен, самострелы и дезертирство. Особенно это сказалось в период отступления русских армий из Галиции в 1915 году. Солдаты оказались психологически не подготовлены к оборонительным действиям против неприятеля, буквально засыпающего их крупнокалиберными снарядами. Беспомощность собственной маломощной артиллерии из-за нехватки боеприпасов они восприняли как

свидетельство «предательства» со стороны властей, бросивших их на произвол судьбы. К этому добавилось изумление перед тем, что громадные запасы недостающей им амуниции и снаряжения сжигались, а тем временем высшие командиры и интенданты ухитрялись загружать для себя составы дорогой мебелью.

Мощным деморализующим фактором становилась сама фигура императора. Как известно, тот факт, что император встал во главе терпящей поражение армии, современники оценили однозначно негативно. На уровне солдатской психологии ситуация «царь с егорием, а царица с Григорием (Распутиным)» стала символизировать апофеоз умопомрачения власти. Кому нужен государь, допускающий «непотребство» в своем собственном семействе?

Известно, что после победы Февраля восставшие солдаты устремились в Таврический дворец, дабы засвидетельствовать свою поддержку отнюдь не популярной ранее Государственной думе. Им хотелось побыстрее отыскать властную точку опоры в хаотично-непонятной действительности. Таврический дворец моментально наводнили серые шинели. Кое-кто сравнил его с солдатской казармой, что, конечно, позднее показалось символическим. В здании Думы восставшие, надо отметить, встретили не только радушный прием, но и бесплатное питание. Но, странное дело, из буфета дворца оказались раскрадены серебряные ложки. То ли привычка к вороватости в моменты неурядиц брала свое (чего жалеть «чужое?»), то ли столь своеобразно проявило себя представление о том, что новая власть первым делом должна показать свою щедрость.

Дисциплинирующим фактором для восставших солдат и матросов могло стать ощущение опасности. Характерно, что даже матросы в Кронштадте и Гельсингфорсе быстро успокоились, когда представители Временного правительства (о нем тогда ничего не знали, кроме того, что оно — «власть») вме-

сте с обновившимся командованием напомнили им о военной угрозе и шпионах. В Ревеле, третьей базе Балтийского флота, где кровавых эксцессов не наблюдалось, также возникло напряжение, но его быстро удалось снять оперативно прибывшим правительственным комиссарам. На Черноморском флоте ситуацию и вовсе удалось удержать под контролем благодаря решительности командования в лице адмирала А. В. Колчака. Бунтовали не против власти вообще, а против дурных и слабых начальников.

Роковым событием в деле разложения армии принято считать знаменитый Приказ № 1 Петроградского Совета, появившийся 1 марта 1917 года. Но известно, что его текст был в буквальном смысле продиктован солдатами. В приказе говорилось лишь о необходимости избрания «во всех ротах, батальонах, полках, батареях, эскадронах» и тому подобных особых солдатских комитетов. Говорилось о командировании солдатских представителей в Совет рабочих депутатов; о подчинении политических выступлений солдат столичному Совету. Особое значение приобретали положения о неисполнении приказов военной комиссии Государственной думы, противоречащих постановлениям Совета; о переходе всего вооружения в ведение солдатских комитетов и невыдаче его офицерам; о необязательности отдавать честь офицерам вне службы; о воспрещении офицерам «тыкать» нижним чинам.

Приказ лишь узаконил случившееся. В Москве, независимо от столицы, появилось подобие Приказа № 1. Но парадокс состоял в том, что солдаты стали выбирать не только членов своих комитетов и делегатов в Совет, но и командиров. Они, как видно, остро испытывали нужду в «своем» начальстве. Что касается демократической власти за пределами своих подразделений, то она интересовала их, главным образом, в качестве гаранта учиненной ими внутренней «демократии». Солдат волновали лишь

«хорошие», то есть понятные квазиобщинные отношения с собственным начальством, а никак не судьбы демократии в целом.

Ясно, что появившийся 5 марта Приказ № 2, разъясняющий недопустимость переизбрания офицеров, уже не спасал армейской субординации. С начальством теперь можно было поступать «по-свойски». Текст Приказа № 1 узаконил стремление солдат к перестройке армии на своего рода артельно-общинных началах. Теперь этому невозможно было противостоять. Поскольку модернизаторская реформа в армии запоздала, постольку в результате революции развернулась стихийная перестройка ее не на граждански-профессиональных, а архаично-традиционалистских началах. Практический результат этого был таков: некоторые солдатские комитеты предлагали расстрелять всех начальников с немецкими фамилиями, другие собирались перевести офицеров в казармы, а самим обедать в их столовых. Восставшие солдаты часто громили лавки, особенно винные.

В качестве показателя пробудившейся революционной «сознательности» солдат не стоит приводить тот общеизвестный факт, что они куда охотнее рабочих делегировали в Петроградский Совет своих представителей. Солдаты были связаны с любовью государственностью личной присягой, их хождение в новую власть носило вполне прагматичный характер. Словосочетание «советская власть» имело для них совсем не тот смысл, что для последователей Ленина.

В ситуации восторжествовавшего бунта громадное значение приобретает «правильность» действий новых властей. Излишне напоминать, что интеллигентские верхи и традиционалистские низы после Февраля остались во все тех же разных социокультурных измерениях. Ошибочные действия властей в этих условиях могли стать непоправимыми. Расхождение культур верхов и низов могло вызвать политическую катастрофу.

То ли в порядке профилактики про-

тив повторения кровавых эксцессов или страхов перед ними, то ли из тщеславного всепрощения и глупой самонадеянности власти поспешили объявить революцию «бескровной». Вероятно, на фоне военного кровопролития именно так и казалось. Могли сказаться и сравнения с террором Великой французской революции. Как бы то ни было, новые правители уверовали в мирный путь развития событий. Но что об этом думали солдаты? Вероятно, отмена смертной казни стала для них одновременно легитимизацией учиненного ими февральского насилия и своего рода принципиальным допущением будущего самоуправления.

Отмена смертной казни была одним из главных «просчетов» Февраля. Власть отказалась от своей исконной прерогативы «судить и миловать». Как бы ни относиться к смертной казни, нельзя не учитывать, что власть, отказавшись от нее, как наиболее понятной формы дисциплинирующего насилия, тем самым провоцирует самосуд. Дело, разумеется, не в том, что с отменой смертной казни у потенциальных убийц пропадает страх. Власть кажется слабой, а насилие снизу вроде бы негласно одобряется.

Февральских «эксцессов» исследователи, как правило, чураются. Анализ психологии палачества не привлекает. Но не пора ли отбросить предубеждение, что в «патологоанатомическом» подходе к революции есть нечто безнравственное? Если революция не делается в белых перчатках, то и исследовать ее следует без «брезгливости» и социокультурной отчужденности, порожденного условиями мирного времени.

Обратимся к фактам. Обнаружится, что трагедия потерпевших связана с несколькими моментами: убежденностью стихийных революционеров, что именно эти люди концентрируют в себе пороки старого режима; «потерей лица» бывшими сильными мира сего перед потенциальными палачами; «неуместный» облик, то есть провоцирующее выпадение случайных особей из психической ауры тол-

пы. В этот ряд жертв революционного возмездия укладываются и те, кого прикончили с садистской неторопливостью, и те, кому суждено было попасть под горячую руку.

Очевидно, именно в связи с этим можно объяснить и трупы жандармов со вспоротыми животами на февральском снегу в Петрограде, и жуткую расправу над тверским губернатором фон Бюнтингом, которую не в силах оказались предотвратить даже «революционные» вожди, и азарт дикой охоты на офицеров в Кронштадте, и самосуды в Луге и Ельце, и многие другие жестокости революции.

Как ни парадоксально, при этом офицеры полагали, что солдатские расправы инициируются «немецкими агентами», солдаты убеждали себя в том, что уничтожают «внутренних немцев». От психоментального помутнения времен революции идут современные конспирологические домыслы.

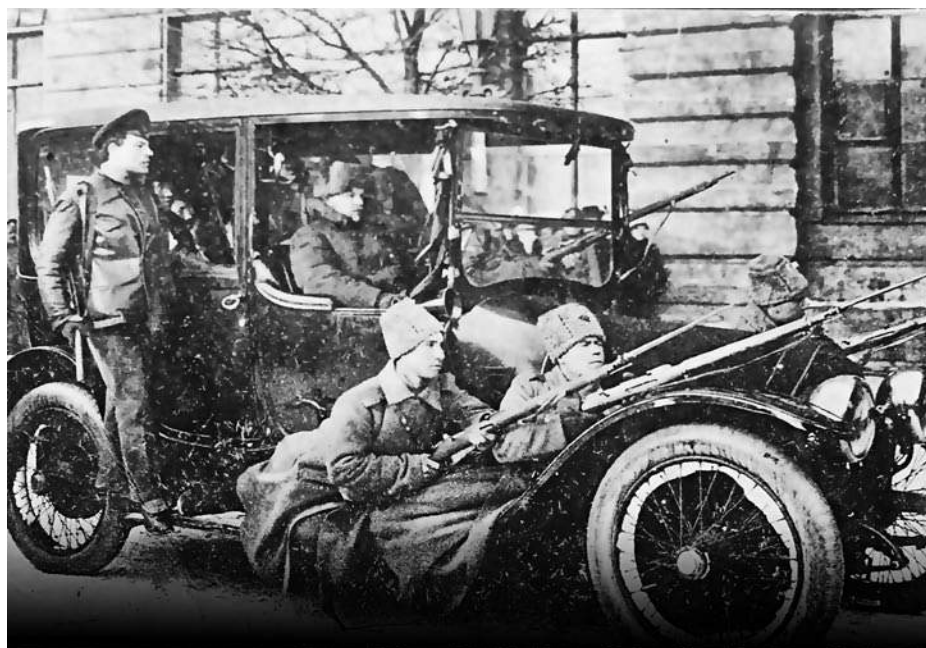
Думать о том, что сладкое слово «свобода» в момент сделала бывших крестьян «демократами», по меньшей мере, наивно. Солдат, как и основную массу населения, прельстить могла лишь «республика с хорошим царем».

Народ в лице солдат и матросов вообще воспринял свободу как торжество вседозволенности и «самоволку». В февральско-мартовские дни свидетели событий часто упоминают такие дикие явления, как половые акты, совершаемые солдатами на глазах гогочущей толпы, не говоря о других шокирующих смиренного обывателя явлениях. Здесь мы имеем дело с выплеском намеренно эпатазирующего поведения, заставляющего вспомнить то ли об органистических компонентах жизнедеятельности архаичных социумов, то ли уподобить поведение «свободного народа» буйству детей, неожиданно оказавшихся без привычного жесткого присмотра. Крушение власти было воспринято низами как отмена не только административных стеснений, но и норм поведения. Масштабность этого явления напрямую связана с числен-

ностью и консолидированностью носителей социокультурной архаики, прежде всего матросов и солдат, в чуждой для них цивилизационной среде. Пришествие «свободы» скоро обернулось образом «гуляющей девки на шальной солдатской груди». Любопытно, что анархизирующая матросня при этом увидела в падших женщинах подобие того же «угнетенного старым режимом класса», к которому она себя причисляла.

Заметные различия в поведении матросов и солдат также наводят на вопросы и гипотезы. Известно, что во флотской среде бывших мастеровых было намного больше, чем среди солдат; ясно, что вчерашнего крестьянина меньше всего мог пленить корабельный быт. Но известно и другое: в артиллерии удельный вес горожан также был выше, чем в пехоте — тем не менее, здесь куда прочнее оказалась спайка солдат с офицерами (построенная по вполне патерналистской схеме). Следовательно, можно предположить, что в последнем случае бывший крестьянин понял и оценил выгоды разделения военного труда и специализированного взаимодействия. Фактически это оказалось ближе к известному принципу артельной самоорганизации.

Получается, что бывших крестьян (на флоте и в пехоте) основательнее всего травмировало такое отчуждение от офицерского сословия, в котором они усматривали вызов собственному пониманию целесообразности. Действительно, во флотской среде взбунтовались прежде всего те экипажи крупных кораблей, которые не получили боевой спайки и тяготились стоянием на месте. Складывается символическая картина: именно матросы, объявленные Л. Д. Троцким «красой и гордостью» революции, оказались инициаторами разнузданного насилия. Это относится не только к наиболее кровавым событиям Февральской революции, но к последующему периоду, когда отряды «конных моряков» наводили страх и ужас на «буржуев» за тысячи миль от морского побережья.

Особое место при анализе бунта солдат и матросов занимает вопрос о роли непомерной концентрации маргиналов. Кровавые февральско-мартовские события в Кронштадте и Гельсингфорсе убеждают, что этот фактор мог сыграть решающую роль в подогревании мятежных настроений. Всякое восстание несет в себе мораль и идею «скорого» суда. В связи с этим особое значение приобретает проблема направленности возмездия: в какой степени оно адресовалось офицерам вообще (иному сословию), в каком — «плохим» (поведенчески-раздражающим) начальникам.

Была ли в революционном палацестве своя логика? Безусловно. Некоторые наблюдатели полагали, что в Кронштадте мятеж стал наиболее жестоким в силу того, что там квартировались исправительные батальоны армии и флота. Представляется, однако, что определяющее значение имел факт скученности людской массы, представители которой привыкли к просторам и сдерживающему давлению знакомого социального окружения. Матросы, томившиеся в бездействии в железных коробках, не случайно жестоко мстили определенного типа — «дурным» (не в меру строгим и «придирчивым») — командирам. Но известно и то, что в иных обстоятельствах как отдельные человеческие особи те же матросы могли снова превращаться в довольно добродушных людей, а не озлобленных социальных хищников. Что же пересилило: психология толпы или исторический опыт людской солидарности?

Февральская революция показала, что русский бунт действительно беспощаден. Но так ли он бессмыслен? Понимание логики солдатского мятежа в февральско-мартовские дни является, на мой взгляд, ключевым для осмысления всей революционной смуты 1917 года. Люди хотели «своей» — понятной, «справедливой» (по их критериям) власти, способной моментально откликнуться на их нужды.

Столь активное участие солдат и матросов в революции ставит ряд вопросов, оказывающихся за ее хронологическими пределами. Само по себе восстание против «плохого» царя вооруженных самодержавием бывших крестьян, составлявших некогда едва ли не монолитную массовую опору патерналистской системы, — событие более чем символичное. Ни одно правительство не сможет успешно осуществлять масштабные реформы, не учитывая мнение народа, не принимая во внимание его базовые ценностные установки. И ни одна власть не может при этом бросить уставшие от социальных неурядиц массы в огонь непонятной для них войны без риска потери своего бывшего сакрального имиджа.

Возникает также целый ряд вопросов общего характера. Как, когда и какими методами следует осуществлять модернизацию — ошибка способна обернуться бунтом традиционализма, неожиданно, но закономерно облачившегося в тогу новейших социальных доктрин. Каково при этом должно быть соотношение рационального и нравственного — забвение последнего чревато всеобщим одичанием. И если эти ошибки всё же сделаны, то какой путь выбрать для сведения их жестоких последствий к минимуму? И не станет ли при этом в любом случае любая власть безвольной заложницей революции вооруженных толп?

Получается, что Февраль, открывший дорогу социальной агрессии «человека с ружьем», оказал куда большее воздействие на последующий ход российской истории, нежели большевизм, который всего лишь пришел «на готовое». Если так, то истинная разгадка русской революции таится в психологии вооруженных масс, а вовсе не во вставшей у власти «утопии». Точно с такой же определенностью можно говорить о том, что любое бездумное следование путем обезличенного машинного «прогресса» рано или поздно повернется вспять, ибо главное заблуждение XX века — это вера в прогресс без живых людей.

Меж живым и неживым

Американо-австрийская группа исследователей открыла новую группу гигантских вирусов. Первый из четырех открытых видов (а по нему — и вся группа) получил название «кроснойвирус» — по имени австрийского города Клостернбург, из вод очистных сооружений которого и был добыт исходный материал.

Новые вирусы хорошо вписались в группу гигантских вирусов, открытых почти полтора десятилетия назад. Они действительно необычайно велики как по размеру (самые крупные виды можно даже наблюдать в световой микроскоп), так и по объему генома. Например, у новооткрытого кроснойвируса геном размером 1,57 миллионов пар нуклеотидов содержит 1545 генов — больше, чем у многих бактерий (для сравнения: у всем нам знакомого вируса гриппа всего 8 генов).

Особенно интересным оказалось то, что среди этих генов довольно много тех, что связаны с синтезом белка — гены транспортных РНК, ферментов, прицепляющих к ним аминокислоты, и так далее. Что дает повод для нового раунда старого спора: считать ли вирусы живыми существами или неживыми молекулярными комплексами?

С одной стороны, у вируса есть собственные гены, они размножаются и эволюционируют. С другой — сами вирусы ни к какому размножению не способны. Это зараженная клетка копирует их гены и штампует их белки. А вне клетки они не проявляют никаких признаков жизни и даже способны собираться в настоящие кристаллы. Если признать их живыми только потому, что они могут побудить клетку размножать их, то живыми нужно признать и бумажные кораблики и самолетики, технология изготовления которых передается от человека к человеку.

Спор этот длится не один десяток лет. Да, говорят одни ученые, вирусы не могут размножаться вне клетки. Ну и что? Всякий живой организм может жить и размножаться только в определенной среде, и вирус тут не исключение, просто его среда — чужая

клетка. Другие отвечают: живое существо — это не только гены и подходящая среда, но прежде всего *организм* — аппарат, построенный на основании содержащейся в генах информации и активно обеспечивающий ее копирование и реализацию. Да, часть этой работы он может перевалить на среду — но хоть что-то он должен делать сам. А вирус? В клетке он — лишь «голая» молекула ДНК или РНК, а молекулы живыми не бывают. А вне клетки вирус никаких признаков жизни не проявляет.

Однако для тех же кроснойвирусов, например, это рассуждение не вполне верно: они приходят в заражаемую клетку «со своим багажом» — частью аппарата для синтеза белка. А некоторые цианофаги (вирусы цианобактерий) создают в зараженной клетке из собственных белков свою систему фотосинтеза, обеспечивающую веществом и энергией процесс размножения вируса. Ну и чем такой фотосинтезирующий «вирус в бактериальной шкуре» принципиально отличается от «настоящего» организма?

Но это — на одном краю царства вирусов. А на другом можно видеть, например, транспозоны (они же «прыгающие гены») — фрагменты ДНК, о бурном вирусном прошлом которых напоминает только их способность перемещаться по хромосоме или даже между хромосомами. Обычно они не кодируют собственных белков и не покидают клетку. Наконец, есть просто обычные участки ДНК (в том числе и нашей), в которых только специфическая последовательность нуклеотидов выдает их вирусное происхождение. Уж эти-то участки молекул никак нельзя считать живыми!

Видимо, следует признать, что между областями живого и неживого есть довольно широкий промежуток. И царство вирусов занимает его весь — от «почти совсем неживых» транспозонов до «почти совсем живых» цианофагов и гигантских вирусов.

Что ж, природа не брала на себя обязательств точно укладываться в наши понятия и антиномии.

На что способна Балтика? Узнать и предусмотреть

Разрушительный переворот в Балтике? Да кто же об этом слышал? Да откуда ему взяться? Наводнения — да, бури — да, штормы — может быть. Как ни устрашающи и губельны таковые бывают на Балтике, но под понятие катаклизм они не попадают. И речь не о них. Речь о ... цунами.

А разве на Балтике цунами бывают? Чтобы не обрушить на читателя сразу неизмеримую мощь этого природного катаклизма, начнем с малого, недавнего — всего 40 лет назад. В Финском заливе, у берегов Эстонии, 25 октября 1976 года случилось событие. Землетрясение интенсивностью 7 баллов. Разрушений оно не принесло, но удивления и беспокойств вызвало немало. Последовавшее цунами оказалось еще более неожиданным при столь малой силе, обычно специалисты имеют дело с цунами после землетрясений с силой не менее 8 баллов. Автор охотился за цунами в Балтике долго и упорно. Ныне в реестре несколько десятков событий разных времен. Речь идет, подчеркнем для скептиков, не о наводнениях, не о метеособытиях, а о цунами в прямом смысле. Среди них и события небезобидные, но малоизвестные. Да, цунами на Балтике бывают. Да такие, что суда выбрасываются на берег и затопления берегов обширны. Ныне специалисты стоят перед вопросом: какой интенсивности и разрушительной силы в бассейне Балтики могут случаться такого рода возмущения? Для ответа на него знания истории событий за несколько сотен лет недостаточно.

Можно ограничиться ответом обтекаемым, исходя из общих законов природных событий разного рода, а именно, — чем сильнее событие, тем

реже оно возникает; самых сильных можно не дожидаться столетия и тысячелетия. Погружение в историю — это способ попытаться опасность оценить и сделать это поконкретнее. 17 лет тому назад в одной из публикаций автор рассмотрел сведения о цунами 998 года на Куршской косе на основе описания в средневековой хронике и в сопоставлении с геологическими материалами. Теперь же, собрав и сопоставив сведения из разных источников, из разных мест, к западу и к северу от нынешних калининградских берегов, рискует дать первое обобщение. Хотя бы для будущих критиков и энтузиастов-исследователей («хотите — верьте, хотите — проверьте»). В письменных и фольклорных источниках, у разных народов и на разных землях средневековой Балтики, в пунктах, образующих охватную береговую дугу, обнаружены сведения, хотя и разной достоверности, но, так или иначе, сходно отражающие некое сильное водное возмущение не рядового, скорее, экстраординарного характера. Собранные сведения тяготеют к рубежу I и II тысячелетий новой эры, а в одном-двух случаях и дата высвечивается. К мифическому «концу света» на «границе веков» — поверью столь же упорному, сколь и нелепому, — никакого отношения сведения не обнаруживают. Начнем цунами-крузи с запада на восток и по кругу.

Ретра. Это давно исчезнувший город на южно-балтийском берегу. Согласно хронисту Титмару фон Вальбек Мерзебургскому (975–1018), в 1004 году войска короля Генриха двинулись вдоль Поморского побережья к востоку и перед устьем реки Одер (по-славянски Бобер) к ним

присоединились воины племени лютичей. От них европейцы-христиане узнали о необычном случае в землях лютичей. Море (здесь и в то время) было неласковым, более того, «страшным». В предании особо, хотя и мельком, говорится об опасностях: «из вод выходит огромный вепрь...». Чудовищем, лютым зверем прибрежные жители и моряки называли громадные волны и вздыбливание вод в разных странах и в разные времена уподобляли животным — крупным, наводящим страх. У славянских племен Поморья священными считались волк, рысь, лошадь, знали они и оленей. Ни одно из этих животных в данном случае не подошло бы для сравнения, ибо они не были страшными. Вепрь же — зверь, бесспорно, устрашающий. К стати, и волк, и рысь — животные лесные, не прибрежные. В предании важна деталь лютого зверя: «покрытые пеной белые клыки». Это не просто пена прибоя, но горизонтальные выбросы стремительной массы воды. Такая стихия — внезапное и неукротимое цунами. Из страшных животных в Приморье только кабаны имели белые клыки. А то, что в предании страшный зверь на берегу начинает «валиться в грязи», так это его имманентный признак. Для цунами на мелководном берегу также дело обычное поднимать со дна массы ила, песка и мусора, а затем перемывать его туда-сюда и набрасывать на берега. Остается прикинуть возможный размер «огромного» вепря. Рассвирепевший зверь, даже будь он высотой 1–1,5 метра, «огромным» бы не показался. Ему нужно было бы иметь в холке не меньше 2–3 метров.

Цунами, вторгающиеся в устья рек, особенно в эстуарии, и заставляющие реки мгновенно повернуть вспять, — это явление, специалистам известное. Гораздо менее известно, что при сейсмических воздействиях от 7 баллов и более вода из русла выбрасывается или набегают на берега, как при цунами. Подобные цунами за последние столетия многократно отмечались на разных реках Азии и Европы. Поэтому тут вполне уместно упомянуть отно-

сящийся к 998 году факт из той же «Хроники» Титмара Мерзебургского. «Зимой вышедшая из берегов вода [Эльбы] причинила много вреда». Зимний разлив Эльбы за счет таяния снегов — возможно. Но и накат цунами (в том же году) исключать нельзя.

Куршская коса. Чешский епископ Адальберт в 997 году направился в Восточную Пруссию с намерением христианизировать аборигенов. Когда однажды святой отец на земле куршей прогуливался по песчаному берегу, внезапно («вдруг, откуда ни возьмись...») перед ним «выросла огромная волна, поднятая как будто каким-то морским чудовищем. И, вздыбленная, она разбилась с грохотом у его ног». Волна выросла «как из-под земли», вздыбилась, разбилась у ног, хотя море и погода сохраняли спокойствие. «Огромная» волна — надо понимать, высотой никак не менее 2–3 метров. Чтобы такая волна распласталась даже на отмеле берегу, нужно пространство не менее 200–300 метров от кромки берега. Такой пологий берег мы знаем на мористом краю Куршской косы — не севернее и не южнее. Рассказ передан сподвижником епископа, просвещенным христианином. Рассказ не из времен царя Гороха — год 998. И детали вполне реалистичные по месту и времени. Так что сомневаться в правдивости эпизода нет оснований. Похоже на сказку? Ничуть! Уж очень необычно само явление? Да, удивительно — но не невероятно. Все исключительные события потому и замечаются, запоминаются, сохраняются, так или иначе, в памяти поколений, что происходят исключительно редко. Близкий пример связан с сильным землетрясением на Самбийском полуострове у тогдашнего города Кенигсберга. Зимой 1303 года, в то время, когда вражеское войско пересекало по льду Куршский залив, лед под ногами воинов вдруг стал подниматься крутыми волнами так, что невозможно было удержаться на ногах. Случись землетрясение не зимой, цунами выплеснулось бы на берега.

Северо-западное побережье Эстонии. У эстонцев знаменитый фольклор —

«Калевипоэг». В 2004 году, после ужасающего цунами в Индийском океане от мощного землетрясения на Суматре, на эстонцев произвело впечатление извлечение остававшегося без внимания эпизода из их собственного народного эпоса. Герой эпоса «Калевипоэг» в тяжелой битве поверг Рогатого и вызволил из подземелья трех сестер. Одна из спасенных героинь сестер «Оглядела стаю вражью, Прутиком точно взмахнула, говоря слова такие:

— Ты взметнись, чудесный прутик, Ты мою исполни волю! Преврати ты землю в море, Где луга — пусть будут волны, Где кустарники — буруны!

Как сказала, Так и сталося. Все исполнил вещей прутик: Залилась Долина морем, Покатились в нем потоки, Волны грозно закачались... Высоко вскипала пена, На траве откуда волны?» [Песнь 15].

Откуда? Даже неспециалист способен различить здесь признаки не бури, не наводнения, не ветрового нагона, но именно цунами. Высоко вскипала пена — это на какую же высоту? Никак не менее 2–3-х метров. Залилась долина морем — это как далеко? Не менее нескольких сотен метров. Потоки покатались, волны грозные закачались — это что? Для специалистов по водным возмущениям все очень знакомое, неоднократно сообщавшееся во времена не столь отдаленные с разных берегов, в разных частях земного шара. По отдельным географическим указаниям в контексте повествования после битвы с Рогатым, где-то в Центральной Эстонии, герой вышел на западный берег. Там близ берега и ныне простираются луговые пространства и кустарниковые пустоши. Богатырь вспоминает: «Через Западное море / Я прошел с тесовой кладью», «Мне залив — под подбородок / Мне до рта — большое море» [Песнь 16].

По всем признакам речь идет о Вайнамери (Малое море) и о заливе Матсалу. Правдоподобность локализации сильно возрастает, если знать и иметь возможность расшифровать забытые исторические све-

дения. Ранее, чем познакомиться с эпосом «Калевипоэг», автор обратил внимание на интригующие указания немецких натуралистов XIX века. Тракта́т одного из первых исследователей Эдуарда Эйхвальда именовался столь же загадочно, сколь и малообещающе: «Третье прибавление к учению об инфузориях России». Ссылок на трактат за прошедшие 160 лет встречать не приходилось. Между тем, в нем много полезных сведений по истории и географии Эстляндии, как например, «Среди эстонцев до сих пор еще бытует сага, что прежде на материке Эстонии у Rõthel (Rõthel — на голландской карте 1662 года, Ридала — на современной карте Эстонии), к юго-востоку от Хаапсалу, в тамошнем болоте нашли потерпевший крушение корабль». Сильнейшая буря или наводнение? Примеры того, как бури и наводнения срывают суда, даже крупные корабли, с якорей и могут выносить их на берег, известны. Но не на километры и не на высоту двух метров выше ординара на таком расстоянии от берега. Мощности бури хватает на то, чтобы выбросить судно на отмель или к береговому уступу. Но чтобы протаскать судно, да по плоскому мелкому заливу на километры и еще на километры выбросить вбок от окончания залива, на болото, — на такое деяние способна только внезапно возникающая и глубоко по долинам проходящая мощная волна. Цунами.

Автор говорит о XIII веке. Но это не время крушения корабля, а время его находки после освоения места современного города Хаапсалу и постройки в нем замка (1228 год). Корабль, несомненно, был вынесен на берег (в болото) раньше, иначе сообщалось бы не о факте (удивительной) находки, а о факте его выноса. В IX–X веках к эстонским берегам еще ходили ладьи викингов, шведские же корабли появились не ранее X–XI веков. Когда же на берегах Вайнамери покатались по долине потоки и по траве побежали волны? Запись древнего эстонского фольклора осуществлена в первой половине XIX века. При

этом отдельные фрагменты соединены в литературно обработанном виде в общую, последовательную композицию. Часть сюжетов местного фольклора перекликается с подобными в финском и скандинавском фольклоре. Имя героя Калева в письменных источниках встречено в начале XVI века и в середине XVII века, а корни эстонского фольклора уходят в более раннее время. Выделенный нами сюжет с географическими ориентирами лишен надежных временных ориентиров. Рассматриваемый эпизод на крайнем западном побережье Эстонии имел место значительно раньше, чем другие героические эпизоды эпоса на востоке, на Чудском озере, где герой и погиб.

Уже одно расположение обнаруженных пунктов в виде обширной дуги по берегам Балтики побуждает предполагать источник возмущений внутри нее, то есть искать его, направив взгляд центростремительно. Дальнее распространение и сила события на далеких берегах заставляют видеть причину не в чем ином, как в мощном, очень мощном, землетрясении. Подавляющее большинство сильных цунами везде порождаются мощными землетрясениями. Но ни в одном из рассмотренных пунктов с возмущениями моря нет даже намек на сотрясения и колебания земли. Вряд ли это случайно, скорее, можно считать, что если одновременные сотрясения и были в этих местах, их «сила» не превышала 3–4 баллов. Отсюда резонно вывести, что эпицентральная область инициирующего землетрясения, если оно имело место, располагалась вдалеке от пунктов с фиксированными водными возмущениями. Даже вблизи острова Готланд допустить эпицентр трудно, только севернее. Кстати, исчезновение существовавшего на Готланде за 300 лет до того поселения Повикен именно на грани I-го и II-го тысячелетий вряд ли произошло случайно. Будучи расположено в узком дефиле между морской бухтой и озером внутри суши, поселение при сильном цунами неминуемо было бы смыто.

Четыре-пять пунктов со сведениями от разных народов, в разной форме, но все согласующиеся, — совсем неплохо для события тысячелетней давности. Размах события побуждает считать водное возмущение не локальным и не ординарным. Крупное событие должно иметь соответствующие источник и причину. Задача, достойная международной экспедиции специалистов по цунами и палеоцунами. А пока движемся виртуально...

Финляндию пропустим по той простой причине, что ни цунами, ни сильные землетрясения в ее южной части до сих пор о себе знать не давали. А вот, Швеция...

Зри в фокус! Фокусом сейсмологи прежде называли сейсмический очаг, то есть область зарождения импульса в глубине Земли. В Швеции, по всей стране, многие годы на свет божий выкапывает (молотком, лопатой, буром) свидетельства древних природных катаклизмов Н.-А. Мернер. В широкой полосе между Стокгольмом и озером Венерн исследователь выделил около 20 мощных сейсмических событий во время освобождения региона от материкового льда. На юге страны ему удалось установить и более поздние события с меньшей магнитудой (около 6), а также несколько палеоцунами. Нигде в Швеции, да, пожалуй, и во всей Фенноскандии, подобного скопления мощных землетрясений до сих пор не обнаруживали. Зона, а это участок известной (в России, но вряд ли в Швеции, хотя она оттуда протягивается) «флексуры Полканова» — крупной глубинной неоднородности земной коры, обладает повышенным сейсмическим потенциалом. Бирка — в середине участка — факт первостепенной важности. Бирка — ранне-средневековый каменный город, балтийский торговый центр, конечный пункт Балтийско-Волжского пути из Халифата, столица непобедимых викингов — прекратила существование в конце X века.

В последние 20 лет автор изучал сейсмичность и палеосейсмичность Фенноскандии — ногами, руками, глазами, ушами и головой — всегда.

В том числе и в Швеции при содействии Н.-А. Мернера. До места раскопок самой Бирки, хотя оно доступно любому туристу, добраться воспрепятствовала российская профессорская худоба. Но плотно посидеть в библиотеке Стокгольмского Университета с многотомными трудами многолетней археологической экспедиции она не помешала (а любезный библиотекарь, видя прилежность читателя, выдал даже студенческую карточку ксерокопирования).

Исследования археологов на развалинах Бирки велись прекрасно, широким фронтом, по разным направлениям, тщательно, аккуратно, и полностью в рамках традиционных, складывавшихся многие десятилетия, интересов и представлений. Краткие упоминания о возможности изменения водных путей (без исторических, археологических, палеогеографических свидетельств), о нападении врагов (да и кто бы победил тогда викингов в их столице), о пожаре (следы которого не приведены) повисали в воздухе без конкретных фактов. Не удивительно, ибо не привлекались специалисты по явлениям геодинамическим, сейсмическим и гидрологическим. Зато прекрасной была документация раскопок. И, — что в моем положении стало главным, — прекрасно был выполнен иллюстративный материал. Тут обнаружилось поле для применения опыта обследования результатов мощных землетрясений, раскопок в районах и эпицентральных областях сильных землетрясений в высокосейсмичных районах вроде Среднеазиатского, Средиземноморского, Кавказского... Помогло и владение археосейсмическим методом. Покинул библиотеку с удовлетворением (надо было ехать к месту главной работы).

«Конец мира» у древних скандинавов. Поиск и изучение землетрясений за последние тысячи лет, а в Скандинавии — за столетия—тысячу лет, требуют более разнообразных и скрупулезных приемов ловли «зверя». В данном случае — волка. И в Фенноскандии, занимаясь событиями доисторическими, нельзя обойтись

без обращения к местному фольклору. Согласно отраженному в исландской саге «Рагнарёк» мифическому сюжету о «последней» битве богов с хтоническими (подземными, потусторонними) существами, когда боги (!) были побеждены, событие сопровождалось неистовством разных стихий. В сюжете вместе собраны все мыслимые природные возмущения, известные древним скандинавам, которые в их представлениях достойны были свершиться в этот трагический контрапункт истории. Психологически понятно и ничуть не удивительно. В действительности события могли разделяться не днями, а неделями и месяцами и даже годами. В эпосе указана предшествующая битве трехгодичная «великанская зима». Но вот что видится примечательным. Солнце проглатывается однажды, месяц похищается один раз. Мировой яшень дрожит и гудит, вода заливают землю, нестерпимый жар — длятся (если длятся) — неведомо сколько времени. И только землетрясения «происходят» — во множественном числе. Будь они слабые, вовлекать их в светопреставление было бы бессмысленно. Да будет известно не гуманитариям, что в эпосе разных народов, в первую очередь азиатских, где разрушительные землетрясения часты на памяти даже одного-двух последних поколений, битвы богатырей-героев сопровождалась и яростными судорогами матушки-Земли.

А что значит возникновение нескольких сильных землетрясений в течение, скажем, недели, месяца, года? По опыту фиксации такого «роя» (кластера) землетрясений в последние столетия определяются два варианта событий. Это или серия мощных афтершоков в разрастающейся очаговой области вслед за главным толчком превосходящей силы. Или другой вариант: последовательный цуг близких по силе событий, очаги которых мигрируют вдоль крупной зоны разлома, вспарывая его на десятки километров. В любом варианте, тем более во времена доисторические, только события с интенсивностью от 8 баллов и более люди могли связать с концом света.

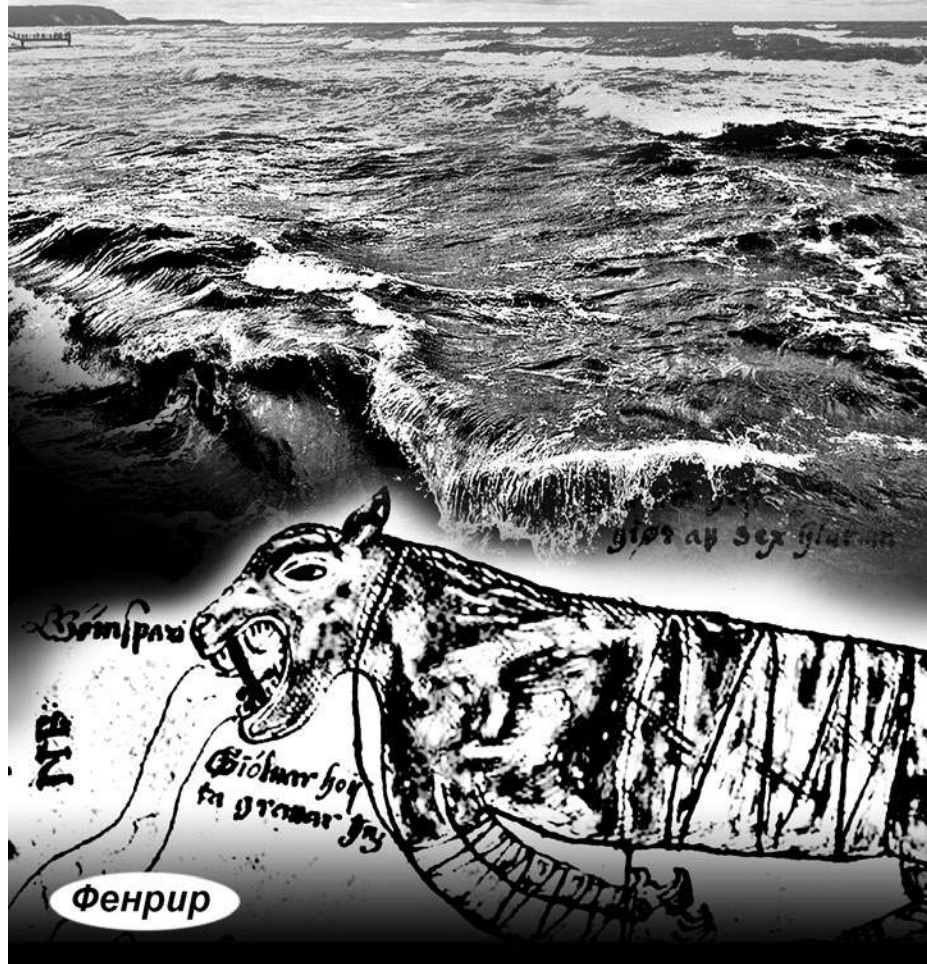
И цунами должны были последовать соответствующие.

Один из главных персонажей саги «Рагнарёк», злобное и яростное существо Фенрир (древне-исландское) — гигантский волк, хтоническое чудовище в скандинавской мифологии. В Старшей Эдде повествуется о том, как перед концом мира Фенрир вырывается из крепчайшей, по воле богов изготовленной, цепи и побеждает богов в последней битве. Н.-А. Мернер посчитал возможным связать сказание о волке Фенрире и отраженный в ней переворот с поздним из обнаруженных им по геологическим признакам палеоземлетрясением на юге Швеции 3 тысячи лет назад. Но так ли? Не обязательно. Не доказательно. Сохранение фольклора в дописьменные времена в течение двух тысячелетий, из чего подсознательно исходил Н.-А. Мернер, представляется невероятным. Да и лингвисты определенно связывают битву богов с чудовищами со временем поклонения Одину еще как герою-богатырю, а затем и божеству. А это никак не ранее VII века новой эры и не позже X века, как и появление норманнов на европейской арене. Сам Н.-А. Мернер в Южной Швеции, там, где он изучал более молодые отложения и где события ему удалось датировать радиоуглеродным методом, нашел-таки, помимо событий с возрастом около 4-х и 3-х тысяч лет, и по одному палеоземлетрясению 1,3 и 0,9 тысячи лет назад. На заре цивилизации на юге Скандинавии могло случиться очень сильное землетрясение. Такое, какие бывают однажды в 1000–2000 лет. И, конечно, оставляют разрушенными города и поселения, нарушения в рельефе и горных породах. Район древней Бирки — один из главных кандидатов оказаться в фокусе катаклизма в виде разрушительного землетрясения и мощного цунами в Балтике на рубеже тысячелетий. На современном уровне познания можно ограничиться принятием в экспертном варианте возможности панбалтийского события однажды за тысячелетие. Вопрос: имеет ли оценка прикладную значимость в те-

кущей жизни и хозяйственной деятельности? Ответ был бы определенно отрицательным, если бы... не два обстоятельства. Если бы на балтийских берегах не существовало особо ответственных объектов, вплоть до стратегических и ядерных. И если бы прошлый катаклизм не обнаружился как раз тысячу лет назад.

И — на десерт — о планктоне, рыбе и... Познакомившись с изложенным, проще всего облегчить себя мыслью о том, что к реальной жизни и текущим проблемам Балтики цунами имеют мало отношения. Не получится. И не потому, что действительные катаклизмы на Балтике редки. А из-за малой осведомленности общества о сильных цунами вообще. Еще одно знание опасность умножает. Эта малознаемая опасность — рукотворная. В 2016 году известный геофизик А. М. Городницкий опубликовал статью «Опасность! Стоит ли есть рыбу из Балтийского моря?». Спустя 100 и 70 лет после исходных событий сообщается, что из хранилищ Рейха сотни тысяч тонн боевых отравляющих веществ были опущены на дно на нескольких участках, по крайней мере, часть из них сохраняют высокую токсичность десятилетия и столетия с опасностью на генетическом уровне; за прошедшие десятилетия за счет коррозии вместилищ оболочки сузились до критического уровня; захоронение контейнеров часто нарушается рыболовными снастями.

Вот, по заключению А. М. Городницкого, возможные грядущие последствия. На морском дне идет перенос сильными течениями на большие расстояния влекомых и взвешенных наносов, а с ними и разнос..., например, иприта («даже одна-две молекулы, попав в организм, могут сбить его генетический код, вызвав мутации через три-четыре поколения!»). «Представим себе внешнее воздействие, допустим, землетрясения, гигантская волна, наконец, террористический акт». Ныне уже не представления, а знания о цунами и землетрясениях в Балтике кардинально отличаются от известных всего два-три десятилетия на-

зад. Появились, и будут нарастать, каталоги доисторических землетрясений и цунами в Балтийском регионе, в основном мощных, ибо слабые почти не оставляют следов. Севернее Стокгольма у берега Ботнического залива располагается подземное хранилище жидких отходов Форсмарк, такое же сооружается на противоположном, финском, берегу залива — Ойкилуото. Оба с разветвленной инфраструктурой. Да и у нас — Сосновый Бор под Санкт-Петербургом — на берегу. Так что вопрос стоит не о планктоне. И даже не о рыбе...

В 2009 году автор опубликовал материал под названием «Мы еще не знаем, на что способна Балтика». Путь узнавания намечился. Узнать необходимо. Все балтийские страны — у моря и на море. Веками они живут морским промыслом, морской торговлей, морским транспортом. Все морские опасности здесь известны и предусматриваются. Кроме одной — Ц. Или, вернее, — З+Ц. Редкое появление этого свирепого зверя на Балтике — в минуты его ярости — успокоительным аргументом теперь считаться не может.

Нет секретов от тебя

Американские психологи выяснили, почему людей после интимной близости тянет на откровенные разговоры. По мнению ученых, в это время люди ощущают себя эмоционально более раскованными и чувствуют духовное родство с партнером, что и позволяет им рассказать друг другу все тайны.

Разумеется, не обошлось без эксперимента, в ходе которого добровольцев подвергали воздействию стимулов сексуального характера. Также у них вызывали воспоминания об интимной близости. Далее психологи просили добровольцев поделиться личной информацией с незнакомцем противоположного пола при помощи сообщения.

В ходе второго эксперимента добровольцы смотрели откровенную сцену из фильма, после которого их попросили во время общения с незнакомцем рассказать неловкую интимную историю. Получалось, что люди, подвергавшиеся воздействию сексуальных стимулов, выдавали больше личной информации. А это значит, что подобная активация способствует самораскрытию, которое усиливает желание партнера и помогает развиваться отношениям.

Вакцина от мужских измен

Ученые из Боннского университета создали препарат, усиливающий влечение мужчин к своей партнерше. Препарат уже назвали «вакциной от мужских измен».

Химический состав разработки основан на окситоцине — гормоне, ко-

торый отвечает за связь между любящими людьми. Окситоцин стимулирует «центр удовольствия» в мозгу, формируя тесную привязанность к другому человеку. У мужчин он также блокирует мысли «сходить налево». После приема препарата мужчина полностью теряет интерес к посторонним женщинам,

от которых требовалось очаровать испытуемых.

Выяснилось, что мужчины, принявшие препарат, почти не реагировали на флирт симпатичных девушек, в то время как те, которым препарат не достался, активно отвечали на знаки внимания.

Кто заменит супруга?

Медики одной из клиник, расположенной в американском городе Рочестер, назвали лучшую альтернативу супругам, отсутствующим в кровати. По мнению ученых, таковыми являются домашние животные (собаки, кошки и птицы). Медики считают, что соседство любимцев со своими хозяевами имеет положительный терапевтический эффект и снижает стресс, вызванный отсутствием партнера.

Исследователи опросили 150 человек (82 мужчины и 68 женщин). Из них 74 человека (49%) владели домашними животными, в том числе у 31 человека было несколько питомцев. Например, одна из участниц опроса (35-летняя замужняя женщина) имела пять собак некрупных пород.

У респондентов, имеющих домашних животных (56%), любимцы часто спали вместе с хозяевами в кровати или спальне. Такое не одобряли лишь 15 человек (20%) из их числа, которым не нравился храп животного, его перемещение по комнате, всхлипывания и вздрагивания. Но одна из участниц опроса сообщила, что сознательно держит попугая в своей спальне, поскольку птица регулярно в шесть утра будит свою хозяйку.

31 человек (41%) одобряют присутствие домашних животных в спальне и кро-

сосредоточивая внимание и привязанность на «второй половине».

Эту гипотезу физиологи проверили на 100 добровольцах. Первой половине ввели «вакцину», второй — плацебо. Затем для участников эксперимента устроили вечеринку с участием девушек модельной внешности,

вати. По их мнению, это позволяет им чувствовать себя безопасно, удовлетворенно и расслабленно.

Брак равен сожительству

Психологи из Университета американского штата Огайо выяснили, что современные женщины считают: зарегистрированный брак ничем не отличается от сожительства.

У молодых и одиноких женщин снижается эмоциональный стресс после того, как они начали совместное проживание (сожительство) со своим партнером. Такой же эффект наблюдался тогда, когда они впервые вступили в зарегистрированный брак. Аналогично думают и мужчины, живущие с женщинами, но только после второго совместного проживания или второй женитьбы. И те, и другие не придавали значения официальному закреплению статуса своих отношений с противоположным полом.

По мнению ученых, современные женщины, в отличие от представительниц старшего поколения, считают зарегистрированный брак равноценным сожительству. В этом психологи видят тенденцию трансформации институтов семьи, связанные с доступом к социальным благам вне зависимости от статуса отношений между мужчиной и женщиной.

Ученые анализировали данные, включающие в себя информацию о 8,7 тысяч человек, рожденных в период с 1980 по 1984 годы. Специалисты интересовались только вопросом снижения негативной стрессовой нагрузки на партнеров и не учитывали такие вероятные последствия сов-

местного проживания, как семейное насилие и злоупотребление алкоголем.

Нет различия?

Недавняя история Дафны Иоэль и ее коллег-нейрологов из Тель-Авивского университета, опубликованная в журнале «Proceedings of the National Academy of Sciences» убедительно оспаривает четкое различие между «мужским» и «женским» мозгом. Авторы провели MRI-сканирование 1400 самых разных мужчин и женщин и дали численную оценку таких важных анатомических характеристик мозга, как объем отдельных его частей, плотность расположения нейронов и тому подобное. Эти характеристики они разделили на преимущественно мужские, преимущественно женские и промежуточные. Результаты исследования показали, что «имеет место значительное перекрытие между мужчинами и женщинами как в объеме серого и белого вещества мозга, так и в числе нервных связей в мозгу, и в большинстве случаев мозг представляет собой уникальную «мозаику» параметров, часть которых более часто встречается у мужчин, а часть более характерна для женщин». Иными словами, «человеческий мозг не принадлежит к какой-либо одной из двух четко разграниченных категорий», — заключают авторы.

У кого нос больше?

Оказывается, мужчины и женщины отличаются друг от друга не только отношением длины указательного пальца к длине безымянного, но еще и размерами носа. Мужские носы, как прави-

ло, больше, чем носы женщин. Разумеется, в среднем. Так, например, у мужчин европейского происхождения носы — в среднем — на 10% больше, чем носы европейских женщин. Понятно, что науку давно волновала эта загадка, и вот недавно группа американских ученых провела специальное исследование. Детально изучив носы своих соотечественников в возрасте от 3-х до 25 лет (20 мужчин и 18 женщин), ученые выявили, что до 11 лет носы мальчиков и девочек растут практически одинаково, а, начиная с 11 лет, мальчиковые носы начинают увеличиваться в размерах быстрее, чем девичьи. Одновременно у мальчиков начинает быстрее расти и скорость обмена веществ. Ученые объяснили это тем, что у мужчин быстрее и больше нарастает мышечная масса, а рост и работа мышечной ткани, как известно, требует большего количества кислорода. Кислород же доставляется в легкие вместе с воздухом, который мы втягиваем, в основном, но-

сом. Большая потребность мужчин в кислороде как раз и обеспечивается более широкими носовыми полостями, что, соответственно, отражается и на размерах самих носов.

Создатель Будущего

Вычислительному центру Академии наук СССР, отечественной прикладной математике, да и всему научному сообществу нашей страны повезло — в течение многих лет в их составе активно и вдохновенно трудился выдающийся ученый и замечательный человек Никита Николаевич Моисеев (1917—2000). Многое из произошедшего после его ухода он предвидел, старался изменить к лучшему, на многое его научное творчество и само отношение к исследованиям, образованию, к будущему наложило свой неповторимый отпечаток. О некоторых мыслях, делах и прогнозах этого удивительного человека стоит почаще вспоминать во время перелома, переживаемого сейчас российской наукой. Трудно в небольшой статье выделить главное — всего было очень много, но попробовать стоит.

Отношения, стиль, научная школа

Мне всегда казалось, что самое главное в науке — понять сущность, основную идею, дать ее рельефную интерпретацию... Не чисто спортивный результат, не техническое преодоление трудностей, что традиционно особенно ценится математиками, а понимание «души» проблемы — вот что меня всегда привлекало в первую очередь.

Н. Н. Моисеев

В начале 1950-х годов страна вкладывала огромные усилия в атомный и космический проекты. «Если бы тогда наши ученые не успели, то скорее всего, мир был бы совсем иным. Гораздо более похожим на поздний Рим — одна метрополия и провинции, которые она обирает», — как-то заметил Никита Николаевич. Впрочем, этот вариант, который академик рассматривал всерьез, совсем не исключен в обозримом будущем. Однако усилия ученых той героической эпохи, да и всей советской страны, оставили миру возможность для выбора, который будет делаться в ближайшие десятилетия. И это немало.

Огромные научно-технические проекты привели к рождению «компьютерной математики». Прежде, чем создавать атомную бомбу или запускать ракету, следует провести детальные

расчеты, невозможные без вычислительных машин, организаций, готовых взяться за эти проблемы, и людей, способных ставить такие задачи. Из школы помнится: «Беда, коль пироги начнет печи сапожник, а сапоги тачать пирожник», и вообще — каждый должен заниматься своим делом. Но тут понадобились совсем другие люди и коллективы.

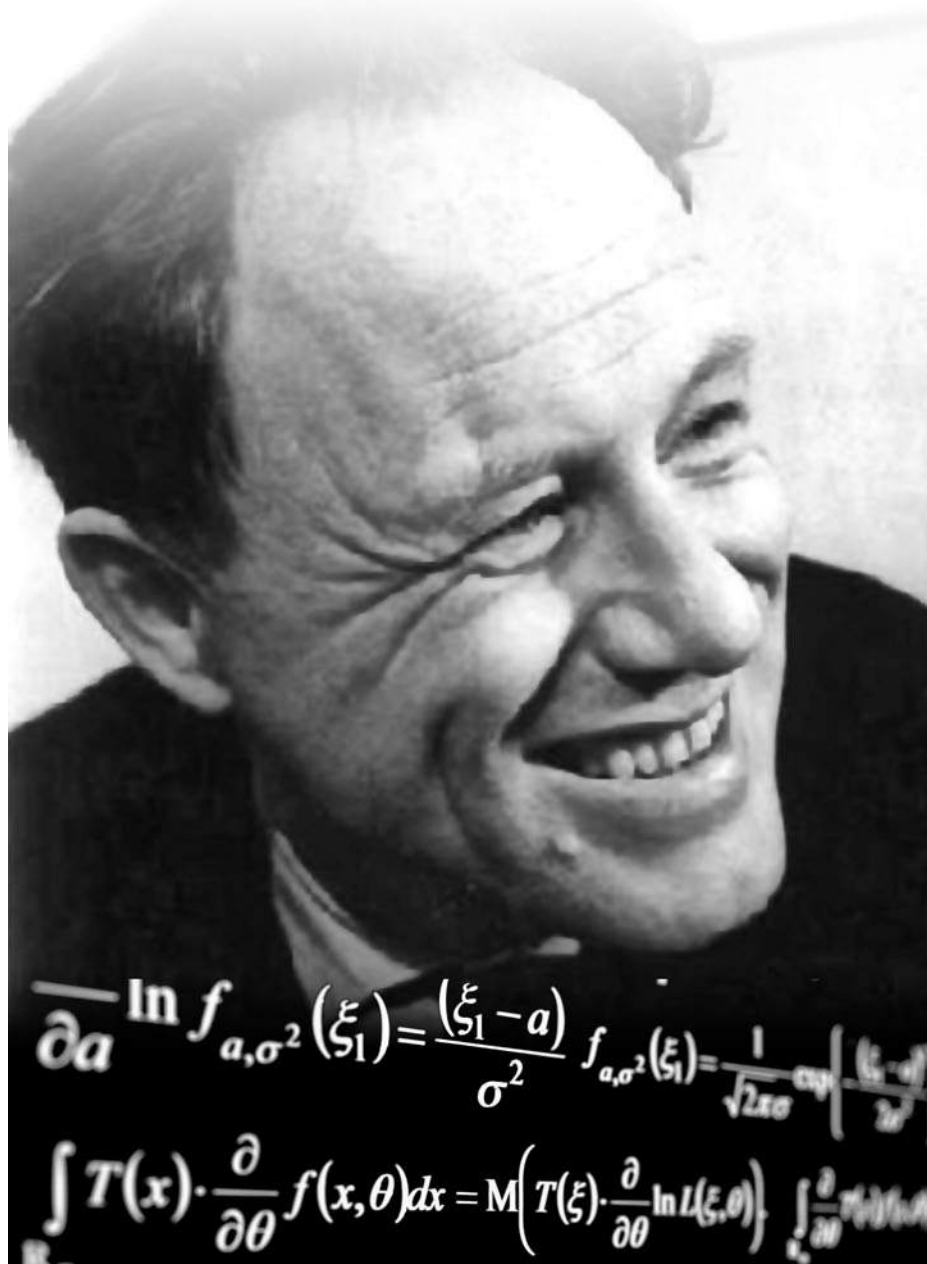
С одной стороны, они должны уметь быстро и глубоко вникнуть в конкретную предметную область, активно взаимодействуя с людьми из «другого научного цеха». С другой, разобраться, что в поставленной задаче является главным, а чем можно пренебречь, построить на этой основе математическую модель, посчитать ее с помощью методов вычислительной математики либо создать новые, если старые не годятся.

Первой такой организацией в нашей стране стал Институт прикладной математики (ИПМ), носящий имя его первого директора, выдающегося математика, механика, организатора науки — академика Мстислава Всеволодовича Келдыша, которого часто называли «главным теоретиком космонавтики». Второй — выделенный из ИПМ Вычислительный центр АН СССР (ВЦ) со своими подходами, идеями, кругом акту-

альных проблем. Эта организация много лет носила имя ее создателя, выдающегося механика и математика, первого директора академика А. А. Дородницына. Но ВЦ как самостоятельной организации уже нет, да и на просьбу сотрудников сохранить имя в названии уже другой, объединенной организации чиновник, кото-

рому попало прошение, отказал. Он объяснил, что А. А. Дородницын — исследователь, конечно, выдающийся, но «другой эпохи».

Именно в Вычислительном центре и в ту самую эпоху — взлета отечественной науки — и прошла основная часть творческой жизни Никиты Николаевича.

С Вычислительным центром я познакомился, когда поехал туда докладывать свою кандидатскую диссертацию, посвященную самоорганизации. ВЦ был моей ведущей организацией. В небольшую комнатку (кабинет Н. Н. Моисеева) набилось огромное количество людей, в основном молодых или очень молодых. Огромное удовольствие выступать в аудитории, которой интересна обсуждаемая проблема и которая засыпает вопросами — очевидными, наивными, глубокими, парадоксальными, ставящими в тупик. Неистощим на вопросы, оригинальные формулировки и непринужденные шутки был кряжистый, улыбчивый, лысоватый человек, стремившийся узнать больше, чем я мог рассказать. Это и был Никита Николаевич. С тех пор я много выступал в разных аудиториях, но ощущения радости от занятий наукой, того, что можно снять звезду с неба (только надо разобраться, какую), искрометного веселья и окрыляющего чувства успеха помню до сих пор.

Это выступление имело неожиданное продолжение. Буквально через несколько месяцев я — новоиспеченный кандидат наук — получил приглашение от Никиты Николаевича прочесть цикл лекций по теории самоорганизации на Всесоюзной школе молодых ученых, которую он проводил под Ижевском.

Мне очень понравился стиль моисеевской школы в ВЦ, формат выступлений, и я думал, что тут уже меня ничем не удивят. И оказался неправ.

На этой школе было два цикла лекций — один мой по синергетике, другой Игоря Пospelова (ныне — член-корреспондент РАН) по математическим моделям развивающейся экономики. Игорь, как и я, незадолго до этой школы защитил кандидатскую.

Заседания проходили в здании кинотеатра дома отдыха, в котором и устроили школу. И вот начало школы. Моя лекция первая. Компьютерных презентаций (да и самих персональных компьютеров) тогда не было. Зато можно было показывать

«прозрачки» с помощью прибора под названием кодоскоп, который проектировал их на экран, демонстрировать диапозитивы с помощью другого и, наконец, с помощью третьего, редкого, проецировать целый рисунок или страницу книги. Очень удобно. Когда у меня в начале лекции спросили, чем из всего этого богатства буду пользоваться, то я, как и подобает скромному кандидату наук, ответил: «Всем». Все сразу и включили. Видимо, старенький кинотеатр не был рассчитан на всю эту продвинутую машинерию. Свет тут же потух, и мы оказались в кромешной тьме. И довольно быстро стало понятно, что проводка перегорела всерьез и надолго и на свет в ближайшие часы надеяться не придется.

И тут с первого ряда слышу спокойный уверенный голос Никиты Николаевича «Синергетика — это удивительно интересное и перспективное направление. И это не формулы, картинки, уравнения и прочий научный антураж, а прежде всего идеи. Идеям синергетики и будет посвящена наша первая лекция. Прошу Вас, Георгий Геннадьевич».

Наверно, первые минут 20 был мой монолог, а затем время от времени я слышал заинтересованные, дельные, порой парадоксальные вопросы Н. Н. Моисеева с первого ряда. Постепенно в эту странную игру втянулся весь зал. Потом пропахло ощущение времени и появилось чувство энергии, которую вкачивает в тебя огромная аудитория, знакомое многим лекторам. Полтора часа — время лекции — пролетели незаметно, и в этот самый миг зажегся свет.

Эта школа была праздничной, яркой, необычной. Никита Николаевич приходил точно к началу лекции, занимал свое место в первом ряду, задавал множество вопросов и заражал всю аудиторию своим интересом к предмету. С утра до вечера он проводил время с молодежью, приехавшей из разных уголков огромной страны, которая тянулась к нему. Он был прекрасным рассказчиком и очень веселым человеком.

Позже, когда мне самому довелось

устраивать научные школы, я оценил оригинальность моисеевского замысла. Там, под Ижевском, молодые читали лекции, делали доклады, рассказывали о своих задачах молодым. Формировались новые взгляды и новое поколение специалистов по прикладной математике. В это время у Никиты Николаевича уже были маститые ученики среднего поколения. Павел Сергеевич Краснощеков (впоследствии академик), специалист по системам управления самолетами, иной боевой техники и многому другому. Александр Александрович Петров (в будущем академик), классик математической экономики. Юрий Николаевич Павловский (в будущем член-корреспондент), автор замечательных работ по имитационному моделированию. В это время под началом Никиты Николаевича велась очень серьезная закрытая работа по проектированию системы управления страной в фирме «Восход». Но все это оставалось за кадром, а в кадре было яркое, интересное научное будущее с удивительно талантливыми молодыми людьми, которым все по плечу.

Тогда же я услышал знаменитую фразу, которая была адресована мне, да, наверно, не раз говорилась и другим молодым ученым, чтобы поддержать их: «Я за вами слежу». Если классик, академик, основатель известной научной школы следит, значит, и вправду занимаемся чем-то стоящим, и надо энергично двигаться дальше.

После той замечательной школы под Ижевском постарался достать книжки и работы, которые написал Никита Николаевич. Таковых было много, их было очень интересно читать, они были удивительно разнообразны и по стилю похожи на автора. Ясность мысли, точность, конкретность, множество ярких запоминающихся примеров и отличный стиль. С тех пор постоянно перечитываю несколько его книг, глядя на них другими глазами и каждый раз открывая в них что-то новое для себя.

Разнообразие связано с принципом научной деятельности Никиты

Николаевича, который он выразил в шуточной фразе (похожей на ту, что звучала в любимой им комедии «Праздник святого Йоргена»): «В профессии ученого, как и вора, главное — вовремя смыться». Время от времени Н. Н. Моисеев начинал интересоваться новыми задачами, вникал в уже сделанное, беседовал с ведущими специалистами, высказывал яркую, парадоксальную идею («поднимал знамя», как говорили его коллеги), «зажигал» этой идеей учеников и коллег, формировал вокруг нее научное направление, а затем... уходил из него, оставляя ученикам пожинать плоды (и лавры) этой работы и начиная заниматься чем-то новым.

Конечно, это было непросто. Ученики академике из «оставленной» области ревновали и к новому увлечению учителя, и к тем коллегам, которым он начинал уделять больше внимания, надеясь, что «старая гвардия» успешно справится с уже поставленными им задачами. Несмотря на все это, через возникавшие трудности и непонимание ближайших учеников, Никита Николаевич шел этим путем.

Оправдано ли было это? Это зависит от поставленных целей. Блестящий биолог и популяризатор науки Ричард Докинз в замечательной книге «Эгоистичный ген» выдвинул парадоксальную гипотезу — истинными субъектами эволюции являются не организмы или виды, а гены, которые стремятся быть как можно шире представленными в биосфере и на пути к этому меняют смертные тела, в геномах которых они представлены. Примерно как гребцы в лодках, которые в разных гонках могут менять команды и лодки, в которых они гребут. Лодки — это мы с вами.

По аналогии с этим в информационном пространстве конкурируют единицы содержательной информации — «мемы». И с этой точки зрения научная стратегия Никиты Николаевича и Вычислительного центра, заместителем директора которого он был много лет, оказалась идеальной. Одним из ведущих центров под-

готовки специалистов в области моделирования является факультет вычислительной математики и кибернетики МГУ. Из трех потоков факультета одним руководят в основном кафедры, развивающие идеологию и подходы ВЦ. Никита Николаевич был первым деканом, успешным и любимым, факультета управления и прикладной математики Московского физико-технического института (МФТИ). Сейчас этим факультетом заведует «научный внук» Никиты Николаевича, специалист в области математической экономики, избранный член-корреспондентом РАН А. А. Шананин. Направления, основы которых были заложены Н. Н. Моисеевым, и здесь занимают достойной место. Моисеевские «мемы» в большой мере сейчас определяют облик прикладной математики России.

Имитационное моделирование

Вероятно, однажды скажут, что вся история ЭВМ до создания устройств, позволяющих реализовать диалог человек-ЭВМ, — всего лишь предыстория вычислительной техники. Настоящая история ЭВМ начинается только сейчас. Я думаю, что нечто подобное можно сказать и о математике, хотя я представляю, сколько возражений вызовут эти слова.

Н. Н. Моисеев

«Научным сотрудникам младшего возраста» многое кажется очевидным, само собой разумеющимся, а будущее светлым и безоблачным. Примерно как на той школе в Ижевске. И кажется, что все академики примерно такие же — веселые, увлеченные наукой, искрящиеся идеями и живущие в будущем. С годами понимаешь, что это не так, что встреча с Никитой Николаевичем была удивительной, редкой удачей, что этот человек опередил свое время.

Почему же он видел будущее прикладной математики в «нетрадиционных областях» — экономике, истории, государственном управлении, в проектировании больших систем, в том, что начало многими активно развиваться только сейчас?

Ответ мне видится таким. Жизненный путь Н. Н. Моисеева, о котором он обычно рассказывал с улыбкой и мягким юмором, был нелегким. Человек прошел войну и пришел в науку, начав с оборонных задач. С тех проблем, где важны не процесс, а результат, где нужно помочь людям, а цена ошибки может быть очень высока. Видимо, это и было стержнем его научного творчества и выделяло среди многих ученых, которых волновали диссертации, звания, интриги и признание их собственных заслуг.

Никита Николаевич начинал с задач, возникших при наведении артиллерийских орудий, затем была гидродинамика и проблемы, актуальные при проектировании космических систем. Почти все на этом останавливались бы и пожинали честно заработанные лавры всю оставшуюся научную жизнь. Но Н. Н. Моисеев шел дальше — мало построить модель, посчитать, предложить на этой основе оригинальное техническое решение. Надо, чтобы оно пошло в дело, помогло людям, а это уже экономика, управление, принятие решений. И Никита Николаевич с энергией, задором и уверенностью в успехе взялся за этот круг задач.

Это далеко не простое и не очевидное решение. Когда с подобной инициативой заняться мировой динамикой и ее приложениями в госуправлении к своему директору — выдающемуся ученому и организатору М. В. Келдышу — обратились сотрудники Института прикладной математики, то услышали в ответ категорические возражения. По мнению М. В. Келдыша, во-первых, серьезное моделирование требует достоверных статистических данных, которые, скорее всего, недоступны. Во-вторых, даже получив отличные результаты, математики и экономисты вряд ли сумеют убедить в своей правоте руководство страны.

Страна строила светлое будущее. Но для любого строительства нужен проект, план и, конечно же, решение многих новых необычных проблем. Страна прокладывала путь по морям,

еще не нанесенным на карты. В те годы Нобелевскую премию по экономике получил выдающийся советский математик Л. В. Канторович, предложивший методы составления оптимальных планов.

Конечно, идеи планового управления экономикой СССР самым активным образом развивались и в ВЦ, в моисеевской школе. Но одна работа, где эти идеи попытались применить на практике, изменила взгляды Никиты Николаевича на всю эту проблематику. Речь шла об оптимизации работы автобазы. Оказалось, что оптимально организовав перевозки и предложив новые маршруты, можно намного сократить затраты и уменьшить количество машин. Казалось бы, именно то, что нужно! Но не тут-то было.

Работа по оптимизации деятельности автобазы успеха не имела. Если все сделать так, как советуют математики, то множество людей останется без работы. И, что может быть еще важнее, директор крупного автохозяйства вмиг превратится в начальника мелкой конторы. Локальные, личные или корпоративные интересы становятся часто непреодолимым препятствием на пути к стратегическим целям и большим проектам, а значит ... тоже должны учитываться в моделях и постановке задач. Все это более чем актуально и сейчас. Возможность делать не то, что надо людям, обществу, государству, а то, что удобно и привычно, или то, что позволяют творить на разных этажах социальной лестницы, делают многие сектора экономики «растратно-затратными».

Формулами и расчетами высокое начальство обычно не убедишь, особенно там, где дело касается госуправления. Но тогда, может быть, их чему-нибудь стоит научить, предоставив им «игрушечное королевство», созданное средствами моделирования? И тогда цена ошибок, на которых учатся руководители, будет измеряться не миллиардами рублей, упущенными возможностями или полованными судьбами, а часами, которые они проведут за компьютером или в ситуационном

центре, решая с коллегами учебные задачи «игрушечного королевства»?

Имитационное моделирование и должно было бы снабдить такими «королевствами» руководителей в разных областях. Никита Николаевич сумел превратить эту большую, сложную, необычную работу в увлекательную игру.

К примеру, одна из таких имитационных моделей позволяла «проиграть» геополитическое взаимодействие пяти коалиций государств, за которыми без труда угадывались США и их союзники, Россия, Китай, Восток и Европа. У каждого субъекта экономика и ресурсы, которые довольно подробно описывали, вооруженные силы, а у некоторых и ядерное оружие... Когда главами коалиций были ведущие сотрудники ВЦ, то возникли сложные коллизии. Игроки сплошь и рядом неверно оценивали действия, намерения и цели партнеров (примерно как в Карибском кризисе, который тоже моделировался в ВЦ). Часто они заблуждались относительно того, «кто против кого дружит». Но самое интересное состояло в том, что ученые-математики, хорошо знакомые с мировой историей и современными проблемами — *делали те же ошибки, что и реальные политики.*

Иногда роли глав геополитических субъектов исполняли студенты факультета управления и прикладной математики Московского физико-технического института — любимого детища Никиты Николаевича. Студенты довольно быстро приводили дело к обмену ядерными ударами.

Некоторые имитационные игры продолжались месяцами. Каждый день действующие лица принимали решения, вводили их в компьютер, с помощью модели рассматривалась новая ситуация, часть информации о которой (на усмотрение ведущего игры) сообщалась действующим лицам. В некоторых «государствах» были «президенты», «министры обороны», «начальники разведки» (пост последнего как-то предлагался мне).

С протоколами игры поступали с той же серьезностью и тщатель-

ностью, как с результатами военных учений, разбирались, чему научила проведенная игра.

Думаю, что здесь Никита Николаевич и его научная школа опередили свое время. Чтобы освоить вождение автомобиля, надо выучить правила, взять множество уроков у инструктора и сдать в ГИБДД усвоенный материал. В то же время человек, назначаемый руководителем региона (порой превосходящего по площади среднюю европейскую страну), никакими знаниями (в частности, относительно того региона, которым ему предстоит рулить) может и не обладать. Наверно, его стоит поучить. Например, в ситуационном центре с помощью имитационных моделей, отражающих основные риски конкретного региона.

Примерно так ставил вопрос, ознакомившись с возможностями современной прикладной математики, Ю. Л. Воробьев (ныне зампред Совета Федерации) в бытность свою первым заместителем министра по чрезвычайным ситуациям в середине 1990-х годов. И с этим предложением все согласились. Но ... воз и ныне там. Инерция системы слишком велика, тут еще и «эффективные менеджеры» подоспели...

Недавно в одном из высоких кабинетов мне довелось услышать выражение «отстранение науки от государства». Но от образования-то ее отстранили уже давно. Несколько лет назад в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ закрыли все ситуационные центры, использовавшиеся в научной деятельности и учебном процессе. «Это просто аудитории, они должны всё время использоваться и приносить деньги», — снисходительно пояснил причину такого решения один из проректоров. Крыть нечем.

С другой стороны, недавно начата госпрограмма, рассчитанная на создание сети ситуационных центров или центров развития (которые и хочется создать) во всех субъектах Федерации и ведомствах. Идеи Никиты Николаевича, как птица Фе-

никс, возрождаются из пепла на российских просторах...

Экология и власть

Мы считаем, что основной отправной позицией должна быть не экономика, а изучение собственно биосферы, фактической частью которой является человечество. Именно биосфера будет ставить те или иные ограничения человеческой деятельности.

Н. Н. Муссеев

Влияние первых лиц на жизнь российского общества было и остается очень большим. От них зависит гораздо больше, чем, например, в США или в любой европейской стране. Чтобы изменить ситуацию к лучшему в экономике, в промышленности, в военном деле, в науке очень важно заручиться их поддержкой. С петровских времен российские ученые стремятся быть «вне политики», ограничиваясь корпоративными делами и с настороженностью относясь к тем, кто действует иначе. Именно таким «иначе» и был Никита Николаевич: «Отрывать науку от политики и политику от науки — это нелепость. Без постоянной активной поддержки государства наука ничего сделать не может. Надо делать то, что дает результат», — вновь и вновь повторял он мне во время наших бесед.

Несмотря на неодобрение многих учеников и коллег, он был научным советником М. С. Горбачева, а позже председателем научного совета при Б. Н. Ельцине.

У Никиты Николаевича было множество ярких, важных для России идей, опиравшихся на разработки ВЦ — от возрождения Северного морского пути и Трансъевразийского транспортного коридора до экономических реформ и новых подходов к ограничению стратегических вооружений.

«Хождение во власть» принесло ему большое разочарование. «Этим людям ничего не нужно. Они слушают и не слышат. У них совсем другие цели и интересы», — так он подводил итоги этих лет жизни.

В последние годы он много бывал дома и, к счастью для нас, много писал, надеясь на будущих читателей. В его кабинете был компьютер, на котором он писал, факс и ксерокс. «Вот вам и институт Моисеева, и сам Моисеев», — говорил он, показывая на всю эту машинерию. Но выраженные лица и интонации, с которой это говорилось, были до и после «хождения во власть» совсем разными.

В этот период деятельности, впрочем, Никите Николаевичу удалось объяснить власть предержавшим необходимость серьезного отношения к окружающей среде, к экологической науке и образованию. Он постарался показать, проявив огромную энергию и настойчивость, что, если не удастся сохранить окружающую среду в виде, пригодном для жизни, то биота нанесет ответный удар, после которого места на планете нам может не найтись. Эти соображения должны учитываться при принятии политических решений — в свои последние годы он создает Международный независимый эколого-политологический университет. «Стоило ли это делать — ведь без вашей поддержки, заботы, руководства университет может одичать?» — спросил я как-то его. «Конечно, стоило. Одичать может. Но я надеюсь на людей, которые будут смотреть на мир, Россию и политику глазами экологов».

В этом, как и во многом другом, проявились удивительно привлекательные черты моисеевского характера — оптимизм, мудрость, интеллектуальная честность, романтическая вера в могущество научных идей, способных преобразить мир.

Ныне Академия, превращенная в «клуб», переживает не лучшие времена. В молодости хочется посмотреть «настоящего академика» — классика, основоположника, независимого ученого, способного увидеть новые горизонты. После памятной школы в Ижевске я пришел к выводу, что Никита Николаевич и является «настоящим академиком». К сожалению, людей сравнимого масштаба в Академии на моем жизненном пу-

ти оказалось на удивление мало. Вот и сам Н. Н. Моисеев в этом собрании чувствовал себя «белой вороной», да и его коллеги, видно, воспринимали его так же. «Мне очень хочется, чтобы этого ученого избрали в Академию, и я хочу ему помочь. Но вот беда, как только я начинаю кому-то помогать, его шансы резко падают», — с удивлением говорил он мне. Как-то раз он пришел к президенту Академии с предложениями, которые могли бы улучшить дела в стране. «Вы математик? Ну, так и идите, доказывайте свои теоремы, а в государственные дела не лезьте», — услышал он в ответ. Он много раз возвращался к этому эпизоду, не столько с обидой, сколько с горечью, что возможности, открывающиеся перед страной, на которые указывают ученые, упускаются.

Намного больше настоящего его волновало будущее. Как-то раз он показал мне медаль имени В. И. Вернадского на красивой черно-белой ленте, которой его наградили за вклад в развитие междисциплинарных подходов. «По справедливости этой медалью надо было наградить вашего учителя — Сергея Павловича Курдюмова. Он развивает синергетику в науках и об обществе, и о природе, стремится увидеть общее в них. За этими исследованиями будущее. Вы увидите», — так прокомментировал он награду.

«Вы, как и многие другие молодые ученые, слишком пессимистично глядите в завтрашний день. Вы линейно экстраполируете нынешние тенденции, а это неправильно. Маятник качнется в другую сторону. Все у нас еще будет. Очень жаль, что я этого не увижу. Но вы-то увидите! И еще понадобится отечеству», — говорил он мне во время одной из последних встреч. Десятками книг, сотнями статей и тысячами встреч он приближал это время.

Очень хочется, чтобы выдающийся ученый, пророк в нашем Отечестве, Никита Николаевич Моисеев оказался прав, чтобы мы увидели взлет России — страны Будущего.

Самый нелепый наследник

В честь его рождения 12 августа 1740 года палили пушки Петропавловской и Шлиссельбургской крепостей, и съезжались в царский дворец знатные господа и иностранные дипломаты поздравить императрицу Анну Иоанновну с появлением на свет внучатного племянника. Уже в начале октября того же года он был провозглашен наследником престола, а еще через две недели, когда Анна Иоанновна умерла, стал императором Всероссийским Иоанном VI.

А ведь у Анны, русской царицы, был от Бирона сын — Петр. И мог бы он стать русским царем — по современным-то меркам. По меркам же того времени — ни в коем случае! Не была венчана царица со своим фаворитом прилюдно.

А и была бы... толку-то?! Русские кланы не потерпели бы, не приняли. И не только в крови дело — не те расчеты вела тогда Россия с Европой.

Когда-то Петр I выдал дочь своего сводного брата Иоанна Алексеевича Екатерину замуж за герцога Мекленбург-Шверинского Карла Леопольда. От этого брака родилась девочка, которую после воцарения Анны Иоанновны мать привезла в Петербург. Нареченную в православии Анной Леопольдовной, ее потом отдали в жены иноземному принцу — Антону Ульриху Брауншвейг-Беверн-Люненбургскому. Их первенцу, Иоанну, судьба и уготовила стать самым несчастливым и нелепым из всех русских царей.

Поскольку новому императору было всего два месяца от роду, при нем был назначен регент — фаворит Анны Иоанновны герцог Бирон. Но уже месяц спустя в результате очередного дворцового переворота Бирон был свергнут, и правительницей стала мать императора-младенца Анна

Леопольдовна. Особых склонностей и необходимых способностей к управлению державой у нее не было, как не было их и у ее мужа, отца младенца-императора. Быть может, беда не очень большая, окажись рядом с ними опытный государственный деятель, понимающий нужды страны и пользующийся доверием общества. Но, увы, таких тоже не нашлось.

Между тем Иоанн Антонович рос под присмотром фаворитки матери фрейлины Юлии Менгден, его редко показывали посторонним и лишь в августе 1741 года, когда мальчику исполнился год, это событие было отмечено балами и фейерверками. Молодой Ломоносов сочинил по случаю праздника оду, которая начиналась такими словами:

Природы царской ветвь прекрасна,
Моя надежда, радость, свет,
Счастливых дней Авроре ясна,
Монарх, младенец райской цвет,
Позволь твоей рабе низжайшей

В твой новый год петь стих тишайший.

Ребенок, само собой, не понимал, что происходит вокруг, а действовавшее от его имени правительство было слабым и ни у кого не оставляло сомнений: хотя разного рода указов издавалось довольно много, все они носили сиюминутный характер. Между тем недовольство, накопившееся уже к концу царствования Анны Иоанновны, готово было проявиться открыто. В ночь на 25 ноября гренадеры под предводительством цесаревны Елизаветы Петровны ворвались в покои правительницы и арестовали ее вместе с принцем Антоном Ульрихом. Ребенка вынули из колыбели и передали на руки той, которую собирались возвести на престол. Елизавета ласкала и целовала мальчика; тот смеялся и пытался вслед за солдатами кричать: «Ура!».

«Бедное дитя! — воскликнула новоиспеченная императрица. — Ты и не предчувствуешь, что эти клики отнимают у тебя престол!»

Новое правительство не сразу решило, как поступить со свергнутой «Брауншвейгской фамилией». Их отвезли в Ригу, затем в Динамюнде (ныне в черте столицы Латвии — Риги) и лишь в 1744 году сослали в Холмогоры, причем здесь Иоанна Антоновича содержали уже отдельно от родителей. Так продолжалось до 1756 года, когда опасения, что противники режима могут попытаться возвести на престол низложенного императора, не заставили упрятать его еще более основательно — в Шлиссельбургскую крепость.

Условия заточения Иоанна Антоновича живо напоминают историю Железной маски. К заключенному предписывалось никого не пускать и чтобы его *«видеть никто не мог, та-кож арестанта из казармы не выпускать; когда ж для уборания в казарме всякой нечистоты кто впущен будет, тогда арестанту быть за ширмами...*

никому не сказывать, каков арестант, стар или молод, русский или иностранец... В котором месте арестант содержится и далеко ль от Петербурга или от Москвы, арестанту не сказывать».

Начиная примерно с 1759 года, стража доносила, что узник «в уме несколько помешался». Сохранившиеся сведения позволяют утверждать, что юноша знал о своем царском происхождении, был обучен грамоте и мечтал о жизни в монастыре. Вероятно, у него была плохо развита речь, возможно, были и другие физические недостатки.

Между тем приближалось к концу царствование Елизаветы Петровны. Если верить некоторым мемуарам ее современников, она, разочаровавшись в своем племяннике Петре Федоровиче, несколько раз, переодетой, посещала Иоанна Антоновича, но он ей не приглянулся, показался непригодным для высокой миссии — наследовать за нею престол.

Когда же в декабре 1761 года императрица скончалась, новый император России Петр III также приезжал к узнику и даже сделал ему несколько подарков. По слухам, он собирался проявить милосердие к несчастному — женить Иоанна Антоновича на какой-нибудь принцессе и отправить за границу. Но не успел: еще один переворот лишил престола и его.

Императрица Екатерина II была не менее любопытна и тоже наведалась в Шлиссельбургскую крепость. Она, однако, нашла принца уже сумасшедшим, да к тому же зайкой.

Еще два года правительство Екатерины колебалось относительно судьбы несчастного, пока в июле 1764 года ее не решил случай. Поручик Василий Мирович попытался путем очередного переворота возвести на трон Иоанна Антоновича. Попытка не удалась: стражники точно выполнили данную им инструкцию — при малейшей опасности убить узника.

Так 5 июля 1764 года закончилась жизнь императора Иоанна VI, виноватого лишь в том, что в его жилах оставалось еще немного крови Романовых.

Мир неандертальцев: реконструкция

Эта рубрика продолжает рассказ о воссоздании облика и образа жизни древних предшественников человека.

Как они выглядели?

Известно более трехсот скелетов неандертальцев, а потому мы можем достаточно надежно описать этот вид гоминин, выделяя характерные признаки, которые делают *Homo neanderthalensis* не похожим на его ближайшего родственника — «человека разумного».

На страницах вышедшей несколько лет назад книги «Долгий путь к человеку. Картины семи миллионов лет эволюции» американские антропологи Гэри Сойер и Виктор Дик, описывая сохранившиеся скелеты неандертальцев, отмечают, что они «выглядят более или менее так же, как скелеты современных людей. Различия заключаются, прежде всего, в пропорциях. У неандертальцев — гораздо более широкий, массивный таз, а кости ног крепче и внушительнее, чем у анатомически современного человека. Зато руки неандертальцев выглядят сравнительно тонкими».

В среднем, по известным нам останкам, рост неандертальцев составлял около 1,6 метра. Так что, по сравнению с древнейшими анатомически современными людьми (их средний рост — 1,77 метра) они были низкорослыми. В то же время весили крепкие, коренастые неандертальцы примерно столько же, сколько и современные европейцы. По разным оценкам, их вес лежал в пределах от 60 до 80 килограммов.

Немецкий антрополог Фридеман Шренк на страницах книги «Неандертальцы» (2005), написанной им вместе со Штефани Мюллер, так обрисовал влияние ледникового климата Европы на анатомию неандертальцев: «Если у современных лапландцев длина голени составляет 79% от длины бедра, то у современных африканцев этот показатель равен 86%, то есть голени у них значительно длиннее, чем у северян. Длина голени у неандертальцев и вовсе составляла лишь 71% от длины бедра. Так что, ноги неандертальцев были заметно короче, чем у современных жителей Лапландии».

При этом расчеты, приведенные в книге немецких антропологов Винфрида Хенке и Хартмута Роте «Родословная человека» (1999), показывают, что бедренная и берцовая кости неандертальца могли выдерживать вдвое большую нагрузку, чем соответствующие кости современного человека.

Однако, судя по длине ахиллова сухожилия, неандертальцам труднее, чем анатомически современным людям, давались длительные переходы; кроме того, при пробежках они расходовали больше энергии, чем мы, а значит, им тяжелее было преследовать добычу («Journal of Human Evolution»).

Стоит отметить, что — по сравнению с современными людьми — неандертальцы обладали необычайно мощной мускулатурой груди и спины, а потому для них характерна была

«железная хватка» (Хенке, Роте), при этом точность их движений была такой же, как у нашего брата, человека.

Наконец, нельзя не отметить, что объем головного мозга неандертальца колебался от 1200 до 1750 кубических сантиметров (средняя величина — 1400 кубических сантиметров). Как правило, его мозг был крупнее, чем у современного человека, но ведь и сам неандерталец был массивнее, чем «герой нашего времени».

Еще несколько десятилетий назад было широко распространено представление о «неуклюжих, грубых громалах» — неандертальцах. Картина эта давно устарела. На самом деле, неандертальцы — по своим умственным способностям, точности и ловкости движений — мало чем отличались от современных людей, просто они были очень сильными. В нашей человеческой семье они, кузены «хомо сапиенса», были прирожденными тяжелоатлетами.

Где они жили?

Фрагменты скелета «человека из долины Неандерталь» явились, разумеется, не первыми останками *Homo neanderthalensis*, ставшими достоянием науки. Так, в 1829 году нидерландский врач и естествоиспытатель Филипп-Шарль Шмерлинг, обследуя пещеру Анжи в Бельгии, обнаружил ископаемый череп ребенка двух-трех лет, а также несколько других древних костей. Лежавшие здесь же каменные орудия и остатки животных позволили ему классифицировать эту находку, как «относящуюся к диловиуму», то бишь к эпохе потопа. Однако специалисты отвергли такое толкование. Находка была признана «современной».

В 1848 году в известняковой каменоломне, расположенной среди скал Гибралтара, был найден относительно хорошо сохранившийся череп. Но и на этот раз ожидаемое открытие не состоялось. Лишь по прошествии нескольких десятилетий этот предмет был признан черепом неандертальца.

Сам же «человек неандертальский», едва не рассоривший ученых мужей Британии и Германии, получил окончательное признание только после того, как в 1886 году в бельгийской пещере Спи-д'Орне были обнаружены два почти полностью сохранившихся скелета неандертальцев.

Теперь мы знаем, что *Homo neanderthalensis* сформировался в Европе. Чаще всего говорят о появлении ранних неандертальцев около 200—250 тысяч лет назад, иногда называют даже цифру — 300 тысяч лет назад.

Около 130 тысяч лет назад возникают «классические» неандертальцы. Древнейшие их останки обнаружены в Хорватии, в окрестности города Крапина, а также в Италии. Их возраст — от 130 до 120 тысяч лет.

На протяжении начавшегося затем последнего ледникового периода неандертальцы расселились на обширных просторах Азии: на Ближнем Востоке, в Средней Азии и на Алтае. Их останки находят на территории, охватывающей Францию (Мустье), Испанию (Авионес), Израиль (Кебара), Ирак (Шанидар), Хорватию (Виндия) и Россию (пещеры Мезмайская и Окладникова).

Неандертальцы вымирают, согласно новейшим датировкам, около 39 тысяч лет назад. Причины, приведшие к этой катастрофе, до сих пор окончательно не ясны.

Чем они питались?

Везде, где археологи находят охотничьи стоянки неандертальцев, будь то во Франции, Германии или на Кавказе, они убеждаются в том, что «неандертальцы были очень умелыми охотниками; спрятавшись в засаде, они регулярно подкарауливали и убивали крупных быков или мамонтов, когда в холодную пору те брели по давно проторенным тропам на зимнее пастбище, — пишут Шренк и Мюллер в книге «Неандертальцы». — Так, в местечке Зальцгиттер-Лебенштедт, наряду с тысячами каменных орудий, обнаружены останки 86 северных оленей,

убитых неандертальцами, что наглядно свидетельствует об их поразительном умении охотиться».

Изотопный анализ коллагена (белка, составляющего основу соединительных тканей), извлеченного из костных останков неандертальцев, обнаруженных в пещере Виндия в Хорватии, наглядно показал, что эти люди питались, прежде всего, мясом. Именно мясо было главным источником протеинов, которые они получали вместе с пищей (журнал «PNAS», 2000). Возможно, считают некоторые исследователи, эта привязанность к мясной пище и стала причиной вымирания неандертальцев, когда оледенение в Европе достигло своего пика. Они вымерли от голода, в то время как их естественные соперники, анатомически современные люди, бывшие существами всеядными, пережили эти трудные времена.

Однако в 2010 году международная группа ученых (руководили ей специалисты из университета Джорджа Вашингтона), изучив зубы неандертальцев, найденные в Бельгии и Ираке, обнаружила в зубном камне крохотные остатки растительных тканей («PNAS», 2011).

В том же 2011 году в журнале «PLOS ONE» была опубликована работа немецких исследователей, которые убедительно показали, что состав пищи у разных популяций неандертальцев, населявших Европу, заметно различался. Так, неандертальцы, жившие на севере Европы, где в ледниковом периоде растительность была очень скудной, в самом деле, питались в основном мясной пищей, в то время как жители Южной Европы были достаточно всеядными.

Мало того! В 2012 году ученые, исследуя зубы неандертальцев, живших на севере Испании, обнаружили в зубном камне частицы крахмала, который подвергался термической обработке. Иными словами, эти люди приготавливали растительную пищу на огне, поскольку так ее легче было усвоить. Таким образом, у них, как и у анатомически современных

людей, сложилась своя культура обработки растительной пищи.

А какова была продолжительность жизни неандертальцев? В своей книге Шренк проанализировал состояние 220 скелетов неандертальцев, живших в последние 100 тысяч лет на территории Европы, Передней и Центральной Азии. Примерно 80% всех этих людей умерли, не достигнув и сорока лет, а если быть еще точнее, то в большинстве случаев они умерли в возрасте от 20 до 30 лет. И все-таки некоторые неандертальцы, несмотря на то, что им приходилось жить в очень тяжелых условиях, прожили сравнительно долгую жизнь. Так, «Старик» из французского местечка Ла-Шапель-о-Сен (его останки обнаружены в 1908 году) умер примерно в 50 лет. Средняя же продолжительность жизни неандертальцев, вероятно, была лишь немногим выше, чем *Homo heidelbergensis*, живших на сотни тысяч лет раньше на территории Европы.

Были ли они каннибалами?

Крапина — небольшой городок на севере Хорватии, примерно в полусотне километров от Загреба. Проживали здесь, по данным на 2011 год, всего 4471 человек.

Но именно в окрестности Крапины, близ Хушняковой горы, хорватский археолог Драгутин Горянович-Крамбергер обнаружил в 1899 году около девяти сот ископаемых останков. Как оказалось, это были части скелетов примерно восьмидесяти неандертальцев. Все они умерли, не достигнув и тридцати лет, — это показало состояние найденных здесь зубов. Возраст находки — 130 тысяч лет, эпоха последнего межледниковья.

Сейчас ученые полагают, что здесь находилось место захоронения неандертальцев. Возможно — высказывались и такие догадки — участники церемонии похорон практиковали ритуальный каннибализм. Живущий в США шотландский писатель Джон Грант, автор книги «Отвергнутая нау-

ка», так объясняет появление этой мрачной гипотезы.

«На большинстве костей, найденных в пещере около Крапины, имелись признаки того, что тела были съедены, но не было следов хищников-людоедов. Горянович-Крамбергер пришел к очевидному заключению, что их съели собратья, и с тех пор каннибализм на десятилетия стал неотъемлемой чертой образа неандертальца. К 1980-м годам, однако, настало время пересмотреть свидетельства, и общественное мнение радикально переменялось: теперь решили, что неандертальцы вовсе не были каннибалами». Было доказано, что почти все повреждения на костях из Крапины возникли естественным путем. Каннибализм среди неандертальцев, если и встречался, то лишь эпизодически.

В 2010 году в Крапине, после одиннадцатилетнего строительства, открылся Музей неандертальцев. Это — один из самых современных музеев, посвященных древней истории Европы. Общая площадь экспозиции, занимающей два этажа здания, составляет 1200 квадратных метров.

В одном из залов можно увидеть копии важнейших находок, сделанных здесь: от черепов неандертальцев до костей пещерного медведя и носорога. В соседнем зале представлена краткая история Вселенной — от Большого Взрыва и формирования Солнечной системы до появления неандертальцев и анатомически современных людей.

Особой популярностью у посетителей пользуется громадная диорама, воссоздающая картины жизни неандертальцев в окрестности этого хорватского городка. Персонажами этого «ожившего полотна» стали двенадцать человек. Их фигуры разбредлись по древнему горному краю, занятые своими повседневными заботами.

Остается добавить, что концепцию музея разработал известный хорватский палеонтолог Яков Радович, который на протяжении сорока лет

занимался изучением стоянки неандертальцев в окрестности Крапины.

Чем они работали?

С появлением ранних неандертальцев около 250 тысяч лет назад постепенно уходит в прошлое культура нижнего палеолита — ашельская культура. Возникает «классическая» неандертальская культура — мустье. В широком смысле этот термин используется для обозначения всего среднего палеолита (примерно 250—40 тысяч лет назад).

В эпоху среднего палеолита — особенно в пору последнего ледникового периода, который начался 115 тысяч лет назад — универсальным орудием «классического» неандертальца становится нож. Если ручное рубило представляло собой симметричное орудие с двумя удлиненными режущими кромками, то нож был заострен только с одной стороны.

Подобными орудиями и теперь пользуются эскимосы, только лезвие у этих ножей не каменное, а металлическое. Удерживается оно с помощью деревянной рукоятки, которая крепится к обратной — незаостренной — стороне ножа.

Еще одно характерное орудие неандертальцев — это скребло. У него имелась, по меньшей мере, одна режущая кромка, причем в отличие от рубила или ножа, она могла быть выпуклой.

Скребла получили очень широкое распространение уже в среднем палеолите. Поражает разнообразие их форм. Ведь их можно было использовать и как нож, и как скребок, а значит, они годились, чтобы выскрабливать шкуры, удалять оставшиеся на них кусочки мяса и шерстинки, чтобы ошкуривать древесину, расщеплять ее на отдельные лучинки, чтобы разрезать куски мяса и части растений, чтобы процарапывать бороздки на камнях и костях, в том числе на рогах оленей, на бивнях слонов и мамонтов. Вероятно, хотя бы часть подобных орудий насаживалась на деревянные рукоятки.

Использовали неандертальцы и де-

ревянные орудия. Так, еще в 1946 году в саксонском местечке Леринген была найдена пи́ка — оружие, которое применялось неандертальцами при охоте на крупного зверя. Начиная с 1994 года, в другом немецком местечке (Шенинген) было обнаружено восемь метательных копий, изготовленных из ели и сосны.

Неандертальцы, жившие в предгорьях Гарца, в местечке Кенигсауэ, с помощью смолы крепили каменные наконечники к древкам своих орудий («European Journal of Archaeology»). Смолу получали из березовой коры путем ее низкотемпературной перегонки. Для этого кору длительное время выдерживали при температуре 350°С так, чтобы к ней не прилипли капли смолы.

Неандертальцы, разумеется, пользовались также орудиями, сделанными из костей. Например, в августе 2013 года в электронной версии журнала «PNAS» появилось сообщение о том, что на юго-западе Франции, в местечках Пейрони и Пеш-де-л'Азе, найдены приспособления, с помощью которых можно было разглаживать шкуры животных. Они изготовлены из костей оленя. Их возраст выдает их неандертальское происхождение: 50 тысяч лет. Между прочим, подобные дощечки до сих пор применяются для разминания и разглаживания кожи.

Как они пользовались огнем?

Приручение огня стало одним из высших культурных достижений человечества. Пожалуй, именно это событие, как никакое другое, изменило жизнь наших далеких предков. Научившись поддерживать огонь, хранить его, передавать от одной группы гоминин к другой и, наконец, терпением и хитростью разжигать его, они сделали решающий шаг на том долгом пути, который превратил зверя в человека.

Возраст самого раннего случая использования гомининами огня составляет, предположительно, полтора миллиона лет. Со временем огонь

помог нашим предкам расселиться далеко к северу от Африки. Без него неандертальцы не выжили бы в суровом климате ледниковой Европы.

Насколько нам известно, огнем в Европе начинают пользоваться племена *Homo heidelbergensis* еще около 400 тысяч лет назад. У неандертальцев же огонь — неперенный их спутник, хотя, отмечает российский археолог Л. Б. Вишняцкий, «известно немало и таких неандертальских стоянок, где следы огня отсутствуют».

Вообще же, в долговременных поселениях неандертальцев — их базовых лагерях, куда они часто возвращаются, — археологи регулярно обнаруживают следы горевших когда-то костров. Американский антрополог Иан Таттерсол в своей книге «Неандертальцы. Спор о наших предках» так описывает картину, открывшуюся исследователям в израильской пещере Кебара: «Любая фаза поселения оставляла здесь слой бытовых отходов, в те же периоды, когда пещера пустовала, все покрывалось пылью и каменной крошкой. В Кебаре скопились метровые слои отложений, причем точно в их центральной части, где располагались кострища, можно отчетливо различить поочередно сменявшиеся слои заселения пещеры». Схожие находки были сделаны и в Испании, на неандертальской стоянке Абрик-Романи — в скальном гроте, населенном людьми на протяжении более 20 тысяч лет (с перерывами).

В среднем палеолите неандертальцы нередко на какое-то время селятся в хижинах, сооружая их (в том числе в пещерах) из костей и бивней мамонтов, а также, предположительно, из веток и жердей. Очевидно, подобные постройки были покрыты звериными шкурами. Посредине жилищ обнаруживают следы горевшего здесь огня. Во Франции, в пещере Лазаре, близ Ниццы, найдены следы постройки, занимавшей площадь около 35 квадратных метров. В этой хижине, где могли укрыться от непогоды сразу десять человек, имелись даже два очага. Сооружена

она была, вероятно, ранними неандертальцами.

Какие у них были ритуалы?

В Европе и на Ближнем Востоке известны единичные погребения неандертальцев. По ним можно хотя бы отчасти реконструировать их ритуалы. В большинстве случаев покойный лежит на спине или боку, с ногами, подтянутыми к животу. В захоронениях, найденных в пещерах Ля-Ферраси, Ля-Шапель-о-Сен (обе — Франция) и Спи-д'Орне (Бельгия), использованы красочные пигменты, охра и сангина (красный мел). Однако мы не можем ничего сказать о том, какое значение неандертальцы придавали этим краскам и в каких ритуалах те применялись, отмечает Фридеман Шренк (журнал «Natur und Museum»). Если сравнивать погребения неандертальцев и кроманьонцев, то разница особенно заметна, когда мы начинаем перечислять погребальные дары — предметы, которые те и другие оставляли в захоронении.

В упомянутой книге Таттерсол пишет: «Верхнепалеолитические захоронения зачастую были очень сложно устроены; покойных пышно украшали, клали рядом с ними многочисленные погребальные дары. Наоборот, в мустьерских погребениях чаще всего присутствовали повседневные предметы, например, каменные орудия и отдельные кости животных. Можно истолковать это следующим образом: покойных снаряжали для будущей жизни, давали им все необходимое, но, возможно, эти предметы помещали в захоронение потому, что они всегда были под рукой, это были необходимые для неандертальцев предметы, и в захоронения они попадали, скорее, случайно. Лишь отдельные предметы, найденные в мустьерских захоронениях, можно было бы, строго говоря, рассматривать, как погребальные дары».

Еще в середине прошлого века было подробно описано захоронение возрастом 70 тысяч лет ребенка-неандертальца из пещеры Тешик-Таш

(Узбекистан). Примерно таков же возраст нескольких захоронений неандертальцев в пещере Шанидар (Ирак). В захоронении IV выявлена необычайно высокая концентрация цветочной пыльцы, что порой толковалось, как свидетельство «шаманизма и ритуальных погребений» (журнал «New Scientist», 2010).

У неандертальцев, несомненно, существовали некие ритуалы. У них, как и у людей ориньской культуры, было развито символическое мышление. Упомянем несколько недавних открытий, подтверждающих наличие такого мышления.

Отметим, например, что в пещерах, населенных «классическими» неандертальцами, археологи регулярно обнаруживают украшения. Так, на юго-востоке Испании, в пещерах Антон и Авионес, недавно найдены раковины, в которых высверлены отверстия диаметром 5 миллиметров. Сами раковины раскрашены снаружи оранжевым пигментом (Антон), а также красным, желтым и оранжевым пигментами (Авионес). В журнале «Science» отмечено: эти находки доказывают, что неандертальцы придавали раковинам и краскам «некое эстетическое и, по-видимому, символическое значение». Возможно, они носили раскрашенные раковины, подвесив их себе на шею.

Во Франции при раскопках в местечке Пеш-де-л'Азе найден комочек пигмента, который, вероятно, использовался неандертальцами для раскрашивания тела. В большинстве случаев возраст подобных красочных пигментов, которые находят на стоянках неандертальцев, составляет от 40 до 60 тысяч лет. Древнейшая находка — красная охра, обнаруженная под Маастрихтом — пролежала в земле от 200 до 250 тысяч лет («PNAS», 2012).

Наконец, в 2012 году антрополог Юджин Морин из университета канадского города Питерборо и археолог из Франции Вероника Ларуланди опубликовали в журнале «PLOS ONE» результаты исследования костей птиц, найденных на стоянках неандертальцев в Юго-Западной Франции.

Так, в местечке Комб-Греналь, в слое отложений возрастом 90 тысяч лет, они обнаружили коготь беркута, на котором каменным орудием были сделаны порезы. Схожие царапины оставлены на когте орла в пещере Ле-Фье (возраст слоя отложений — 40 тысяч лет).

Кроме того, осмотрев остатки птиц, найденные на стоянках неандертальцев, живших в эпоху среднего палеолита, ученые убедились, что на костях

хищных птиц в большинстве случаев встречаются порезы, причем эти метки оставлены только на костях ног или крыльев птиц. Морин и Ларуланди предположили, что неандертальцы не питались мясом хищных птиц, а отрезали их крылья и когти — и держали при себе. Очевидно, эти части тела грозных птиц имели для них какое-то символическое значение, может быть, были талисманом, наградой или знаком власти.

Нику и Табби — две новые загадки

Нику — это ледяная глыба диаметром около 200 километров, которая движется за орбитой самой дальней из солнечных планет, Нептуна, то есть там, где простирается второй пояс астероидов нашей системы, пояс Койпера. Этот транснептуновый объект (ТНО) был обнаружен в 2015 году группой астрономов во время наблюдений, производимых при помощи телескопа Pan-STARRS, и уже первые наблюдения выявили некую странность в его поведении. Когда таких наблюдений накопилось более двух десятков, авторы решили оповестить научный мир о своем открытии, что и сделали около года назад. Согласно их сообщению, Нику обладает весьма экстравагантной орбитой, которая наклонена к плоскости эклиптики на целых 110 градусов, из-за чего он движется вдоль этой своей орбиты по часовой стрелке (если смотреть «сверху»).

Но в чем же тут экстравагантность? Она в том, что, в отличие от Нику, орбиты почти всех прочих тел Солнечной системы лежат практически в той же плоскости, что и орбита Земли (эта плоскость как раз и называется плоскостью эклиптики), и все эти тела движутся по своим орбитам против часовой стрелки (если опять-таки смотреть «сверху»). Самое большое отклонение от этой общей плоскости вращения — у Меркурия — порядка 7 градусов, у Венеры — 3,8 градуса. А вот у Нику орбита «более чем перпендикулярна» плоскости эклиптики. Когда же наклонение орбиты превышает 90 градусов, движение по ней автоматически выглядит ретроградным.

Надо заметить, что ретроградные астероиды обнаруживались в Солнечной системе и раньше. Но все они оказались на таких орбитах в результате соударений с другими, регулярными астероидами. А у некоторых планет есть также ретроградные спутники (как правило, таких же небольших, астероидных размеров). Но и они, как показали расчеты, перешли на такие орбиты, когда были захвачены гравитационным притяжением этих планет. И это понятно: если все тела нашей системы образовались из одного диска с одним направлением вращения, то для перевода какого-нибудь тела на нерегулярную, ретроградную орбиту требуется та или иная внешняя сила. И когда в последние годы за орбитой Нептуна, в том же поясе Койпера, были обнаружены несколько ретроградных астероидов, их движение тоже сначала объяснили каким-то давними соударениями. Но по мере накопления данных выяснилось, что у шести из этой группы тел есть более сложная странность: орбиты трех из них тоже ретроградны, а у всех шести орбиты, грубо говоря, пересекают плоскость эклиптики в одной и той же точке. Такая «слаженность» никак не могла появиться в результате случайных соударений, и действительно — расчеты показали, что она, скорее всего, вызвана гравитационным воздействием невидимой «Девятой планеты» (раз в 2 больше Земли и раз в 10 массивней ее), которая вращается вокруг Солнца на расстоянии примерно 665 земных радиусов (то есть далеко за пределами пояса Койпера) с периодом порядка 17 тысяч лет! (В мартовском номе-

ре журнала см. статью «Девятая, самая загадочная.»)

Вопрос о существовании и возможном происхождении этой планеты все еще не решен до конца и крайне интересен сам по себе (поскольку может повлиять на представления об истории Солнечной системы вообще), но с открытием Нику к этому вопросу добавился еще один: кто вытолкнул на ретроградную орбиту этот ТНО? В отличие от тех звезд, «пастухом» которых может быть «Девятая планета», Нику находится слишком далеко от нее, чтобы подвергнуться ее гравитационному воздействию, и это уже вызвало предположение, что странность его орбиты вызвана влиянием какого-то другого (тоже пока невидимого) массивного тела, то есть чего-то вроде «Десятой планеты». Эта гипотеза настолько радикальна, что вокруг нее уже разгорелись жаркие споры.

Теперь — о второй загадке, появившейся тогда же на астрономическом горизонте — о загадке «звезды Табби». По-английски «Табби» — это «полосатый», и так обычно называют полосатых кошек, но в данном случае речь идет о звезде с необычно «полосатой», а точнее — чередующейся яркостью. Но это не то, что астрономы называют обычными переменными звездами. Те меняют яркость незначительно и, главное, регулярно, а яркость Табби меняется совершенно нерегулярным и крайне причудливым образом. Вообще говоря, эта звезда была открыта еще в XIX веке, но тогда за ней не заметили никаких особенностей. Известно было, что она примерно в полтора раза больше и массивнее Солнца, раза в четыре ярче него и находится в полутора тысячах световых лет от нас. Но вот несколько лет назад вошел в строй космический телескоп «Кеплер», который в течение 4 лет (2009–2013) вел систематическое наблюдение за яркостью 100 тысяч ближних и дальних звезд Млечного пути с целью выяснить, затмевается ли какая-нибудь из них обращающимися вокруг нее планетами. В число исследуемых звезд попала и Табби. Поскольку данных

было получено очень много, к их обработке были приглашены астрономы-любители, и вот они-то и обратили внимание на загадочную странность этой звезды. Оказалось, что дважды за время наблюдений — на 800-й и 1100-й дни — яркость Табби внезапно падала на рекордную величину: в первый раз на 17, а второй на целых 22%! — с тем, чтобы тотчас вернуться к прежней величине. Таких перепадов не знает ни одна обычная переменная звезда. Их не показала также ни одна из 100 с лишним тысяч звезд, исследованных за эти 4 года «Кеплером». В сентябре 2015 года астрономы-любители и привлеченные ими профессионалы опубликовали эти странные данные в статье, главным автором которой была Таббета Бояджян (отсюда и пошло вполне подходящее этой звезде название «звезда Табби»).

Эта статья произвела настоящую сенсацию, потому что такие падения яркости нельзя было объяснить обычным затмением диска звезды проходящей перед ним планетой. Даже планета величиной с Юпитер, проходя перед диском, могла бы уменьшить его яркость на 3–4%. К тому же это было бы периодически. Некоторые астрономы предположили, что звезду Табби неперiodически закрывает огромный рой каких-то тамошних комет. Но самую дерзкую гипотезу высказали ученые, занимающиеся поиском «внеземных разумов». Они предположили, что в системе Табби есть высокоразвитая цивилизация, строящая вокруг своей звезды отражательную сферу, которая собирала бы всю энергию этой звезды на потребу тамошнему «человечеству». В общем, разгорелись бурные споры.

И вот теперь американские астрономы, присоединив к результатам «Кеплера» данные наблюдений за Табби с 1890 года, пришли к выводу, что эта звезда еще более загадочна, чем думалось. Мало того, что в 2000–2013 годах она дважды рекордно «мигнула», яркость Табби не была постоянной и в промежутках: за первые 2,5 года наблюдений она в целом упала на 1%, а за сле-

дующие 1,5 года — еще на 2,5%. А кроме того, выяснилось «попутно», это неравномерное падение яркости началось уже в 1890 году, и с того времени Табби потускнела на целых 20%. В общем, перед нами не просто загадка, но загадка трой-

ная: во-первых, Табби непрерывно тускнеет; во-вторых, тускнеет неравномерно; и, в-третьих, временами ее яркость чрезмерно меняется резкими скачками.

И пока еще никто не может объяснить все эти три загадки.

Заглянуть в бездну

Пять лет назад, в марте 2012 года, знаменитый кинорежиссер Джеймс Кэмерон совершил погружение на дно Марианского желоба, самой глубокой впадины на нашей планете. До сих пор глубоководная часть Мирового океана представляет собой одну из наиболее необычных и малоисследованных экосистем. Здесь царят кромешная тьма, жуткий холод, невероятные давления. Кэмерон стал всего лишь третьим в истории человеком, которому удалось проникнуть сюда. Поистине подобную экспедицию можно по праву сравнить с покорением Луны. Ведь в последние десятилетия в глубины Океана погружались только роботы, да и то — пересчитать эти экспедиции можно по пальцам одной руки (см. «3-С», 7/10). Многие думают, что Марианский желоб — это одно из немногих мест на планете, не тронутых цивилизацией. Но недавние исследования показали, что это не так.

В эту глубь Океана не проскользнет ни один луч света. Сама толща воды здесь, словно гранитная пирамида. Всей своей неимоверной тяжестью она опирается на морское дно. В десятки тысячах метров от поверхности моря на каждый квадратный сантиметр давит столп воды массой в одну тонну.

Кажется, в этой бездне не может выжить никто. Однако за последние годы ученые составили уже довольно большой список морских животных, поселившихся в окрестности глубоководных впадин. Здесь и причудли-

вые рыбы, похожие на кованые украшения древних варваров, и разнообразные черви, рачки, морские огурцы, бактерии.

В эту пеструю вереницу фигурок протиснулись и занятые любимым делом бокоплавы. Эти раки получили свое имя за то, что на мелководье, где их чаще всего встречают, ловко плавают на боку.

В глубине Океана, куда мы нерешительно заглянули, они увлечены охотой. Они ловят добычу, что сыпется на них с мрачного водянистого неба, как на героев легенды нис-

пускалась манна небесная. Их добыча давно мертва, это — остатки животных, погибших где-то семью небесами выше, у самой поверхности воды. Иногда им достаются стебельки водорослей, опустившиеся откуда-то из вышних эмпиреев. Но порой эти слепые охотники утоляют голод тем, что поплоче, — ядом. Крохотными частицами пластмассы, которые когданибудь достигают дна даже самой глубокой впадины на Земле.

...До недавних пор считалось, что глубоководные желоба почти не загрязнены вредными веществами — «отходами цивилизации». Среди промышленных пустынь, всюду насаждаемых человеком, они — островки дикости, оазисы, где расцветает природа, пусть и такая необычная.

Всего нам известно около трех десятков желобов в Атлантическом, Тихом и Индийском океанах. Их глубина превышает 6000 метров. Обитатели этих впадин живут в своем особом мире, не похожем на все, что вокруг. Условия жизни там настолько необычные, что в этих отрезанных от внешней среды мирах сформировалась своя эндемичная фауна.

Шесть самых глубоких желобов располагаются в Тихом океане. Два из них — самое глубокое место на планете, Марианский желоб (11 034 метра), пролегающий в западной части Тихого океана, а также желоб Кермадек (10 047 метров) близ Новой Зеландии — и были исследованы учеными из Абердинского университета (руководитель — Алан Джеймисон).

Заглянуть в эту бездну, на дно Мирового океана, еще труднее, чем подняться на высочайшую гору мира — Джомолунгму. Перечень побывавших там альпинистов уже сейчас уходит в небо. На дно же Марианского желоба опускались лишь три человека. До Кэмерона, режиссера «Титаника», «Терминатора» и «Бездны», там 23 января 1960 года побывал батискаф «Триест», на борту которого находились швейцарский океанограф Жак Пикар и лейтенант ВМС США Дональд Уолш.

Однако и через шесть десятилетий после первого триумфа мы почти не располагаем аппаратами для исследования самых глубоких областей Океана. Большинство имеющихся батискафов и роботов не могут опуститься на глубину ниже 6000 метров.

Одно из редких исключений — эксперимент Джеймисона. Однако он исследовал не различных обитателей глубоководных желобов и не рельеф морского дна, а вредные вещества, проникающие сюда из «внешнего мира» — с поверхности моря. Разыскивались семь видов полибромистых дифенилэфиров (они придают пластмассе огнеупорные свойства) и семь видов полихлорированных бифенилов. Последние использовались при производстве лакокрасочных покрытий и трансформаторов, служили пластификаторами (мягчителями). Еще совсем недавно эти вещества применялись повсеместно. Теперь они признаны вредными. Бифенилы запрещены, поскольку вызывают раковые заболевания, а дифенилэферы, нарушающие работу гормональной системы, используются уже не так широко, как прежде. Вот уже десять лет, как они запрещены в некоторых странах, а в других — область их применения ограничена. Однако избавиться от них вовсе не так легко, как запретить. Они почти не разлагаются в естественных условиях.

Производство бифенилов началось в тридцатые годы прошлого века. Вплоть до 1980-х годов их было произведено примерно 1,3 миллиона тонн. Теперь эти «стойкие загрязнители» пылятся на мусорных свалках или на дне моря.

Экологи изучили влияние бифенилов на морских животных и убедились, что, чем глубже те обитают, тем выше концентрация ядохимикатов в их организме. Однако до сих пор исследования ограничивались лишь шельфовой зоной, прилегающей к побережью, и материковым склоном, уходящим вглубь на 2000 метров. Известно было, как обстоят дела у обитателей глубоководной части Океана.

Джеймисон и его коллеги исследовали три вида бокоплавов, в том числе обитающего в районе Марианского желоба *Hirondellea gigas*. С помощью специальной ловушки они собирали рачков на глубине от 7200 до 10 000 метров и поднимали их на корабль для последующего анализа. Результаты удивили.

Содержание полихлорированных бифенилов в организме бокоплавов, пойманных в районе желоба Кермадек, составило от 18 до 43 нанограммов на грамм сухого веса. У рачков, добытых в Марианском желобе, концентрация яда достигала от 147 до 905 нанограммов на грамм веса. Эти показатели тем более страшны, что, например, в организме крабов, обитающих на рисовых полях в долине реки Ляохэ, одной из самых грязных рек Китая, эта цифра не превышает 18 нанограммов на грамм веса. Содержание дифенилэфиров составило от 6 до 29 нанограммов на грамм веса в Марианской впадине и от 14 до 31 — в желобе Кермадек.

Бокоплавны находятся в самом низу пищевой цепи, сложившейся в глубоководной части Океана. Известно, что в организме рачков, обитающих у поверхности моря, содержание вредных веществ значительно ниже, чем у крупных хищников. Очевидно, такое же соотношение сохраняется и в глубоководной части Океана. Можно только гадать, насколько отравлены ядами хищные животные, населяющие глубины морей. Дозы промышленных ядов, которые они получают, видимо, превышают все мыслимые нормы.

В феврале этого года журнал «Nature Ecology & Evolution» подвел итоги работы, сообщив, что, вопреки ожиданиям, организм животных, обитающих в самых глубоких участках Океана, содержит «необычайно большое количество» стойких органических загрязнителей. Эти примитивные морские обитатели пропитаны промышленными ядами, словно их выловили ... в фабричном пруду. Похоже, что глубоководные желоба сами собой стали свалками, где

уже сейчас скопилось множество ядохимикатов.

Быть может, все дело в том, что в северо-западной части Тихого океана образовалась огромная плавучая свалка — «Великое тихоокеанское мусорное пятно». Бессчетные тонны пластикового мусора кружатся в этом водовороте, постоянно сталкиваясь и искрошиваясь. Частицы пластмассы затягиваются в водяную воронку и погружаются вглубь океана, а морские течения увлекают их в сторону глубоководных желобов, где они оседают на дно. Но это лишь предполагаемый маршрут перемещения мусора в Тихом океане. Экологам еще предстоит проследить, как дрейфуют ядовитые вещества, отравляя все встречающееся им на пути.

Обратим внимание на то, что Марианский желоб расположен неподалеку от самой большой плавучей свалки, возникшей в Тихом океане. Желоб Кермадек лежит в семи тысячах километров отсюда. Возможно, поэтому он не так загрязнен пластиковым мусором и вредными веществами, которые содержатся в пластмассе.

«Мы убедились, что один из самых отдаленных и труднодоступных регионов нашей планеты невероятно загрязнен вредными веществами, и это лишний раз свидетельствует, какое непреходящее, разрушительное действие оказывает на планету человек», — к такому неизбежному выводу пришел Джеймисон.

Все, что плавает на поверхности моря, рано или поздно, оказывается на морском дне. Если она только припорошена ядом, то дно пропитано им. Поэтому обитающие там животные особенно страдают от ядохимикатов.

На дне желобов скапливается все больше вредных веществ. Иначе и быть не может, ведь Мировой океан — это лишь одна из экосистем Земли, и все, что происходит в других частях планеты — на суше, сказывается и на состоянии Океана, отражается в каждом его уголке — и также в океанских глубинах.

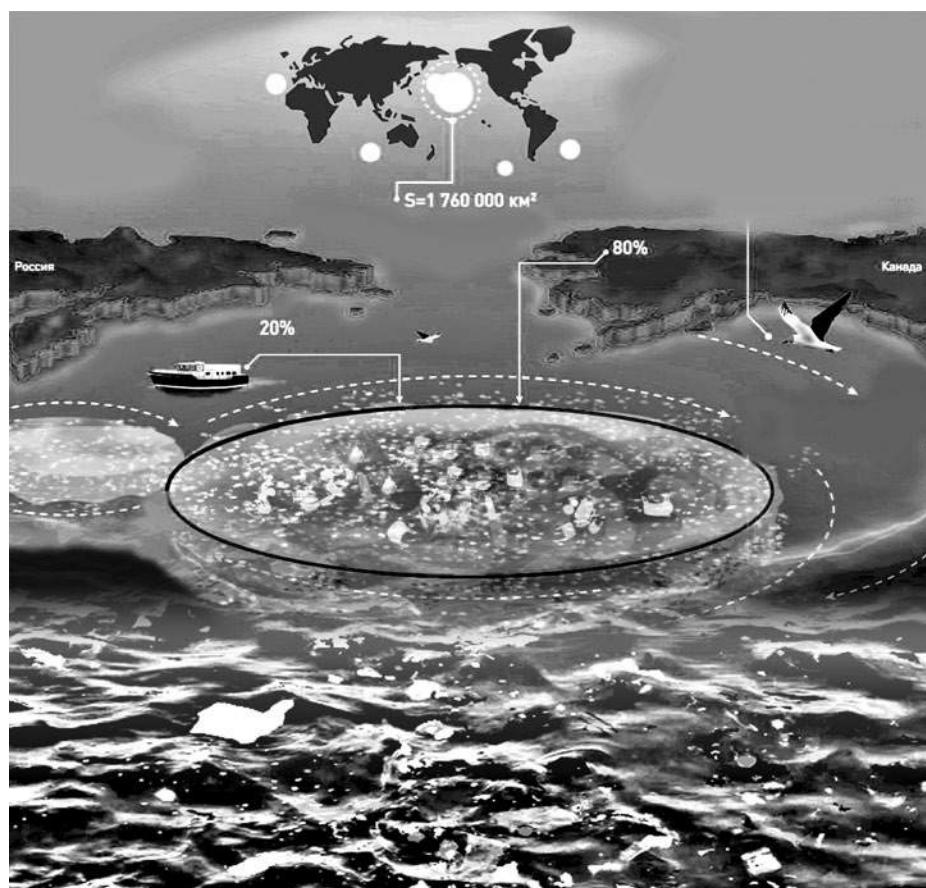
Мусорная река, мусорные берега

О, эти свалки! О, вездесущий мусор в полях и лесах, реках и морях! Над ним не властна сама природа.

Возьмем хотя бы пластиковые пакеты — те самые, с которыми мы выходим из супермаркетов, из любых продуктовых магазинов. Они давно превратились в одну из главных проблем экологии. Они служат нам считанные минуты или часы, однако, выброшенные нами, эти миллиарды пакетов будут ветшать, рассыпаться в клочья, разлагаться в течение 100—500 лет. Если бы во времена Ивана Грозного опричники хаживали по боярским домам с подобными пакетами, то, разгребая многометровые кучи мусора, накопившиеся с тех пор, мы бы нашли и их. Недаром власти Европейского Союза решили ограничить использование таких пакетов. В 2019 году их количество в странах ЕС должно сократиться в два раза по сравнению с 2010 годом.

А сколько пластика попадает в реки, а со временем и в моря! Каждый год в Мировом океане оказывается от 4,8 до 12,7 миллиона тонн пластика. Всего в океане, по оценке ЮНЕП (Программа ООН по окружающей среде), плавает сейчас около 142 миллионов тонн мусора.

Съемки из космоса показывают, что пять огромных «мусорных рек», словно Нил, Амазонка или Волга, тянутся через весь Мировой океан. Самый известный из этих потоков — Great Pacific Garbage Patch («Великое тихоокеанское мусорное пятно») — пересекает Тихий океан, протянувшись от Калифорнии до Гавайских островов. По площади он, возможно, равен Центральной Европе (впрочем, оценка эта очень приближительна). Зато известно, что на один килограмм планктона здесь приходится шесть килограммов пластика.

Против зомби-апокалипсиса

Британские ученые исследовали останки, найденные на кладбище в заброшенной деревне на севере графства Йоркшир. Специалисты пришли к выводу, что жители Средневековья боялись воскрешения из мертвых и пытались его предотвратить.

Археологи проанализировали более 100 костей, принадлежавших 10 людям, захороненным в XI–XIII веках. Интересно, что все трупы перед захоронением обезглавливали, расчленили и сжигали. Эти люди явно не были жертвами каннибалов, иначе на костях остались бы следы ножей. В данном случае такие отметины наблюдались только в районе шеи.

Исследователи считают: подобное поведение было вызвано страхом перед тем, что люди могут восстать из мертвых. Ведь средневековый фольклор нередко повествует о воскресших мертвецах, которые встают из могил и убивают живых людей. По поверьям того времени, чтобы этого не случилось, необходимо расчленив и сжечь труп перед захоронением.

По словам экспертов, эта находка — первое свидетельство того, что люди верили в зомби.

Кое-что о древних италийцах

Итальянские земледельцы каменного века считали мясо с костей своих умерших соплеменников, которые уже некоторое время пролежали в земле. Проходили такие погребальные ритуалы в эпоху неолита.

Британские археологи исследовали кости 22 неолитических италийцев, главным образом детей. Эти останки были обнаружены в сталактитовой пещере Скалория на юго-востоке Италии. В гроте также нашли черепки, каменные орудия и кости животных.

Обычно местные жители хоронили мертвецов около дома или на окраине поселений. Но зачем нужно было брать части скелета и относить их за 15–20 километров, чтобы затем бросить в пещеру?

Притом, особенности надразов на костях из грота Скалория указывают на то, что с них срезали мясо. Делалось это спустя при-

мерно год после захоронения — труп долгое время находился в земле или в гробу, о чем говорит отсутствие следов звериных зубов на костях.

По мнению археологов, срезание плоти было финальной частью длительного ритуала. Это означало окончательное отделение покойного от мира живых — останки бросали в пещеру к прочему мусору. Скорее всего, это был жест, указывающий на завершение перехода от жизни к смерти.

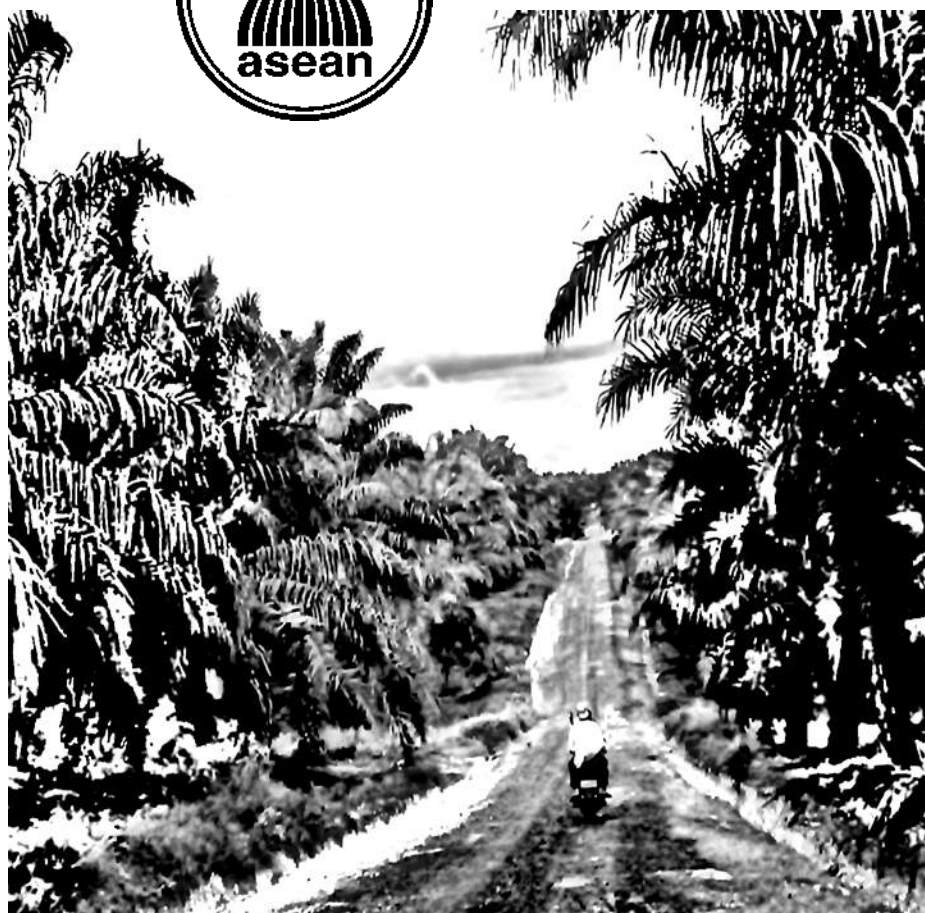
Что касается самой пещеры, то тут, по словам археологов, важную роль играло сходство между костями и сталактитами. Возвращение останков в грот символизировало восстановление связи между настоящими и каменными костями. Вероятно, неолитические италийцы верили в то, что жизненные силы зародились под землей — или в то, что через гроты душа переходит в иной мир.

Сожженное тело село в костре

После Февральской революции группа рабочих выкопала из могилы тело убитого в конце 1916 года Григория Распутина, чтобы сжечь его. По свидетельствам очевидцев, лежащее в огне тело распрямилось и приняло сидячее положение, что сильно напугало присутствующих и только усилило мистический ореол вокруг фигуры Распутина. Данное происшествие может быть объяснено тем, что перед сожжением на теле не перерезали сухожилия, которые сократились от нагревания и согнули тело в поясице, а ноги в коленях.

ПУТЕШЕСТВУЯ ПО ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

До сих пор для большинства наших соотечественников Юго-Восточная Азия предстает как далекий экзотический край, сведения о котором лишь эпизодически доносятся до нас, хотя уже заметное число россиян успело его посетить. Однако этот регион представляет для нашей страны отнюдь не только туристический интерес. Вот о новом развороте отношений со странами АСЕАН нам и предстоит подробнее поговорить в следующем номере журнала. Пока же предворяем более тесное знакомство с ними несколькими фрагментами из многоцветной мозаики собранных редакцией материалов.

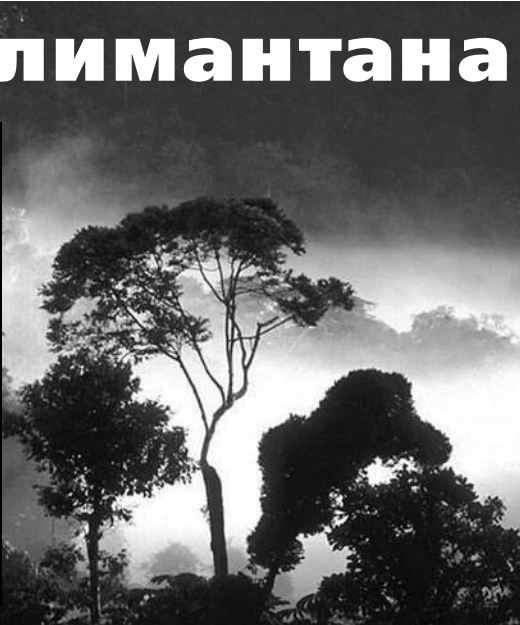

Михаил Георгиади

Леса Калимантана

Площадь, занятая дождевыми тропическими лесами в Индонезии, стремительно сокращается. Транснациональные компании вырубают или выжигают леса на огромной территории ради того, чтобы использовать освободившиеся земли под плантации или строительство.

В нашей рубрике мы публикуем фрагменты репортажей, опубликованных европейскими СМИ. В них рассказывается о смельчаках, которые бросают вызов крупным международным концернам и борются за сохранение лесов на самом крупном острове Индонезии.

«Я знаю, что огонь на следующий год вернется. Я также знаю, что у нас нет средств, чтобы бороться с лесными пожарами, и делать это нам придется голыми руками. Но, все равно, мы будем бороться. Наш дух — это дух леса».

Это — слова отчаянья, но они зовут на нещадную борьбу со стихией, что всегда была сильнее человека. С огненной стихией, которая в последние годы обрушивается на тропические леса Индонезии с той же регулярностью, что и тропические дожди.

С сентября по ноябрь 2015 года на крупнейших островах Индонезии — Суматре и Калимантане (Борнео) — бушевали нескончаемые пожары. Они уничтожили около 1,7 миллиона гектаров леса. Всего за три месяца было отмечено около 120 тысяч случаев возгорания леса. Густая пелена дыма, окутывавшая оба острова, была отчетливо видна даже на снимках, сделанных со спутников. От смога пострадали и соседние страны — Малайзия, Таиланд и Сингапур.

Люди буквально задыхались от ды-

ма. Мельчайшие частицы пепла проникали глубоко в легкие, вызывая заболевания дыхательных путей, рак легких, а также сердечно-сосудистые болезни.

Лишь в конце прошлого года были подведены страшные итоги той огненной феерии. Дым от пожаров, бушевавших в Индонезии в 2015 году, унес жизни свыше 100 тысяч человек! Такие цифры обнародовали авторы независимого исследования — ученые из Гарвардского и Колумбийского университетов.

Больше всего жертв было в самой Индонезии — более 90 тысяч человек. Еще около 10 тысяч человек умерло, надышавшись дымом, в соседних странах — Малайзии и Сингапуре.

Пожары в 2015 году были особенно яростными. Но, вообще, тропические леса в Индонезии горят из года в год. Площадь, занятая ими, сокращается очень быстро. Всего за четверть века, с 1990 по 2015 год, страна, по данным ООН, лишилась более 27 миллионов гектаров леса. Если все продолжится в том же темпе, то че-

рез 80 лет Индонезия, еще недавно сплошь покрытая лесами, превратится в великую степь, выжженную огнем и солнцем. Деревья здесь будут расти лишь на плантациях — на них, множась, как метастазы.

Главный виновник лесных пожаров здесь — человек. Чаще всего человек, выполняющий чей-то преступный заказ.

«Огонь — это самое простое средство, чтобы расширить сельскохозяйственные угодья, — подчеркивает Питер Холмгрен, руководитель Центра международных научных исследований лесного хозяйства, расположенного близ Джакарты. — Леса умышленно поджигают не только владельцы крупных плантаций, но и обычные крестьяне, которые затем обрабатывают освободившиеся участки земли дедовскими методами».

Часть лесов в Индонезии охраняется государством. Но лесные пожары не разбирают границ. В 2015 году от огня серьезно пострадал национальный парк Танджунпунтинг, известный своей популяцией орангутанов (он расположен на юге Калимантана).

У горстки людей, которая пытается защищать парк, нет почти никаких подручных средств, кроме самых примитивных, доставшихся нам в наследство от каменного века. Таким людям, как Басуки Буди Сантосо, которому и принадлежат слова, процитированные в начале статьи, останавливать огонь приходится вручную. И это в национальном парке, который, по определению, должен охраняться властями! Что уж говорить о других лесах, что и вовсе не защищены никакими законами и постановлениями?

Пробудившийся огонь трудно остановить, но спящий огонь можно опередить — вернуть земли, еще недавно захваченные им. Для этого надо лишь рассадить на выжженной пустоши саженцы деревьев. Пока этим занимаются немногие. Один из них — упомянутый уже Сантосо. Его питомник расположен в дикой глуши. Деревянный сарай, пара висячих циновок, душ под открытым небом — вот и все удобства. Попав сюда, слов-

но переносишься в далекое прошлое. Зато здесь в многочисленных горшках подрастают саженцы деревьев, которые небольшая группа энтузиастов вскоре станет рассаживать на окрестных пустошах.

Работе не видно конца. Ведь каждый год поблизости вспыхивает несколько пожаров. «И даже, если ты думаешь, что удалось сбить огонь, он, все равно, продолжает тлеть. Огонь распространяется под землей — там горит торф, — поясняет Сантосо. — А уж когда огонь начинает полыхать, мы трудимся безостановочно. По ночам ложимся спать всего в нескольких метрах от пламени. Бывает, что кто-нибудь задыхается в дыму. Ну, а как только у нас выдается спокойная минутка, мы снова высаживаем саженцы — и готовимся к очередному сражению».

Гибнут люди, гибнут леса, гибнут животные. Сегодня большая часть Калимантана принадлежит Индонезии. Лишь северная часть острова входит в состав Малайзии, а также султаната Бруней. Именно там, на севере Калимантана, обитает малайский медведь (его называют также «солнечным медведем»). Однако за последние 30 лет его популяция сократилась примерно на треть. Это происходит сразу по нескольким причинам.

- В ряде районов Юго-Восточной Азии молодых медвежат любят держать в качестве домашних животных. Специально для этого их отлавливают. Вот только, когда смешные медвежата подрастут, их выбрасывают на улицу. Беспомощные и доверчивые, они часто гибнут.

- В традиционной китайской медицине считается, что желчный пузырь малайского медведя помогает при лечении многих заболеваний. Лапы медведя считаются ценным деликатесом. Поэтому он часто становится жертвой браконьеров.

- Площадь, занимаемая лесами на Калимантане, быстро сокращается. Медведи лишаются исконной области обитания.

Если малайский медведь все-таки вымрет, последует цепная реакция.

«Растения и животные, обитающие в том или ином регионе, составляют одну целостную экосистему. Если из нее изъять один-единственный вид, это нарушает равновесие, сложившееся в джунглях, — отмечает Ти Тхе Лим, сотрудник Центра сохранения малайских медведей (на сегодня это — единственная в мире организация, которая занимается спасением этих редких животных). — Малайские медведи — это подлинны инженеры леса. Когда они ищут мед, они выскребают углубления в стволах деревьев. Потом в этих нишах поселяются другие животные. Например, там гнездится такая птица, как большой индийский калао».

Малайский медведь — лишь один из множества видов животных, коим грозит вымирание. В Красную книгу, которую издает Международный союз охраны природы и природных ресурсов, сегодня включено около 24 тысяч редких видов растений и животных, обитающих во всем мире, в том числе 1203 вида млекопитающих, 1375 видов птиц и 983 вида пресмыкающихся (по данным на ноябрь 2016 года). Список этот, несомненно, неполон, ведь ученым плохо известна численность многих видов, особенно беспозвоночных.

Мы переживаем, как говорят биологи, тяжелейший кризис разнообразия жизни на планете. Каждый год вымирает около тысячи видов растений и животных. Их потеря не может не отразиться на состоянии различных экосистем и даже на нашем здоровье. Ведь многие из этих растений содержат ценные вещества, используемые в медицине; организмы многих животных вырабатывают подобные вещества. Безвозвратно теряя тот или иной вид, мы лишаемся также надежды разработать какие-то новые, может быть, очень полезные для нас лекарства.

Биологи подсчитали, что до 80% всех видов сухопутных животных обитает в лесах. Уничтожение лесов — это преступление перед Природой. Видовое разнообразие растений и животных скудеет, когда гибнут леса.

Но как сохранить исконную об-

ласть обитания лесных животных? За последнюю четверть века, с 1990 по 2015 год, во всем мире уничтожено около 130 миллионов гектаров леса. Сегодня каждую минуту гибнет еще шесть гектаров. Где-то виной всему лесной пожар, где-то лес вырубается. В гибели лесов, по большей части, виновен сам человек. На месте уничтоженных лесных массивов появляются поля, плантации, вырастают городские кварталы.

Справедливости ради скажем, что в последние годы темпы вырубки лесов снизились по сравнению с девяностыми годами. В Китае и Европе площадь, занятая лесами, даже увеличилась — за счет лесонасаждений.

Однако в тропических странах картина обратная. В бассейне рек Амазонка и Конго, а также во всей Юго-Восточной Азии становится все меньше лесов.

Все самое страшное совершается в глуши лесов, вдали от человеческих глаз, вдали от тех, кто призван охранять леса. Но времена меняются. Невидимое прежде становится теперь доступным.

«Аппаратное обеспечение для беспилотников стоит около 2000 долларов, программное обеспечение бесплатное, — говорит Кийен Панг, руководитель азиатского отделения организации «Conservation Drones». — Нам нужно лишь разместить небольшую камеру на беспилотнике, и мы получаем четкое, качественное изображение леса».

Опыт показывает, что беспилотники — это очень эффективное средство в борьбе за сохранение леса. Организация «Conservation Drones», созданная экологами из Австралии и Швейцарии, обучает волонтеров из развивающихся стран, как использовать беспилотники для того, чтобы следить за состоянием лесов в отдаленных районах.

Начиная с 2012 года, организация поставляет дешевые беспилотники в страны третьего мира. Присланные ей аппараты летают над Танзанией и следят за популяцией местных шимпанзе. Наблюдают за лесами Суринама.

Охраняют орангутанов в Индонезии. Летают над всей Юго-Восточной Азией, нанося на карту пальмовые плантации. Ведь леса в этом регионе чаще всего уничтожают именно для того, чтобы обустроить на их месте все новые плантации пальм — сегодня спрос на пальмовое масло во всем мире как никогда высок.

Иногда с помощью беспилотников удается остановить преступников. Так, в 2014 году были замечены незаконные вырубку леса в одной из природоохраненных зон на Суматре. Фотографии, сделанные беспилотником, послужили главным доказательством. Преступники предстали перед судом.

Опыт показывает, что для борьбы с браконьерами и теми, кто нелегально вырубает лес, можно использовать даже... обычный смартфон.

С помощью смартфона, получающего питание от солнечных батарей и оснащенного чувствительным микрофоном, можно следить за всем, что происходит в лесной глуши, если закрепить такой прибор на стволе дерева где-нибудь в глубине леса. Это — принцип «Rainforest Connection», «тропической лесной связи», которую разработал американский инженер и эколог Тофер Уайт.

«Лесная связь» действует так. Смартфон передает по интернету на определенный сервер все шумы, звучащие в тропическом лесу. Компьютер обрабатывает эти сигналы и, если среди обычного фона выявляет, например, звук выстрела или шум от работающей бензопилы, автоматически посылает сообщение местным властям: возможно, в лесу охотятся браконьеры или идет незаконная вырубка леса.

По словам Уайта, сейчас ведется испытание «лесной связи» во всех тропических лесах нашей планеты. «Наша цель — в ближайшие два года с помощью этой технологии защитить 20—30 миллионов гектаров леса». Сотрудничество с местными властями и экологами очень важно. Именно они должны немедленно действовать, получив сигнал о том, что в лесу творится что-то неладное.

Испытания показали, что смартфон может заметить одну-единственную работающую бензопилу на территории площадью в три гектара. Если удачно разместить несколько смартфонов («занять стратегические высоты»), то можно легко отследить все, что происходит в огромном лесу.

А может быть, эту нехитрую технологию удалось бы использовать в летние месяцы даже у нас на юге Сибири и Дальнем Востоке, где тоже ведется незаконная вырубка леса?

Родилась же эта идея на Калимантане. Уайт вспоминает: «В 2011 году я был проездом на Калимантане. Где-то посреди джунглей мы с проводником вдруг наткнулись на участок, где были незаконно вырублены деревья. Проводник пояснил, как трудно положить конец этим нелегальным вырубкам, хотя лес здесь и охраняется. Вот тогда я подумал о том, что можно было бы охранять лес с помощью простого смартфона и интернета».

Попутно биологи, вслушиваясь в звуки этого «лесного радио», могли бы наблюдать за потаенной жизнью тропического леса, а зоологи — изучать отдельных его обитателей, что-то кричащих и рычащих вдали от людей. Что там ученые! Любой из нас, зайдя на эту страницу интернета и закрыв глаза, почувствовал бы себя хоть ненадолго странником, заплутавшим в диком лесу. Шум леса, такой же неумный, вечный, как шум морского прибоя, окружил бы его. А голоса птиц и зверей читали бы над ним на все лады свою «Книгу Джунглей».

...Сейчас во многих районах планеты — в Бразилии, Центральной Африке, Индонезии — беспощадно уничтожаются леса. Совершается преступление перед человечеством. Тем важнее опыт отдельных людей, которые сами, по доброй воле, ведут свою «маленькую войну» — борются за спасение хотя бы отдельных районов Леса и его обитателей. И, может быть, усилиями этих активистов удастся разбудить равнодушное общество и — всем миром — спасти леса, еще оставшиеся в нашем мире.

Татьяна Громова

С тех пор, как в 2879 году до новой эры могущественному вождю по имени Хунг удалось объединить независимые кланы лаквьетов в единый племенной союз, из которого в будущем выросла цветущая страна, известная под названием Вьетнам, в истории ее многонационального народа произошло множество событий — как драматических, так и довольно забавных. Одна из таких историй, приключившаяся во время французской колонизации Индокитая, стоит того, чтобы о ней рассказать...

Король Седанга

XIX век породил целую когорту искателей приключений, безрассудно пускавшихся в любые авантюры, и уроженец французского Тулона Майрена, которому столь же несомненно были присущи храбрость и предприимчивость, сколь не хватало некоторых буржуазных добродетелей, был одним из них. Будучи человеком увлекающимся, он втянулся в рискованную финансовую аферу, был обвинен в хищениях, и, оставив проблемы семье, покинул родной город. В последующие годы Майрена некоторое время работал на Яве, в голландской Ост-Индии, где, занимая деньги у сослуживцев, погряз в долгах, и был отправлен обратно во Францию. На родине, однако, надолго задерживаться он не стал. Найдя спонсоров для некоего научного исследования на Суматре, он собирает приличную сумму, и, вместо заявленной экспедиции, в 1884 году отбывает в Индокитай.

В Сайгоне, который Майрена избрал новым местом жительства, он пишет статьи для газеты «Le Saïgonnais» («Сайговец»), занимается муниципальным театром, и вообще всем, что подворачивается под руку. Случайным знакомым француз представляется графом де Реем и, ни в чем себе не отказывая, живет на

широкую ногу. Но деньги, привезенные из Парижа, быстро закончились, и Шарль-Луи-Мари-Давид снова оказался на мели.

Рассудив, что выбраться из финансовых затруднений могло бы помочь участие в одной из экспедиций в малоисследованные регионы Индокитая, которые постоянно организовывались колониальной администрацией с научными или миссионерскими целями и хорошо финансировались, Майрена развивает бурную деятельность. Общительный, обаятельный, легко сходящийся с людьми и обзаводившийся друзьями всюду, где появлялся, он легко добывается руководства группой, отправлявшейся в Аннамские горы, населенные независимыми племенами джерай, седангов, бахнар и ренгао.

Пережив по дороге множество приключений и опасных инцидентов, в результате которых носильщики-кули разбежались, Майрена и несколько миссионеров добрались до селения седангов, вопреки слухам об их свирепости, ходившим в Сайгоне и Ханое, оказавшихся приветливыми и трудолюбивыми. Целыми днями они проводили со своими буйволами на полях, где выращивали рис и батат, а возвращаясь в селение, женщины садились ткать

или плести из бамбуковых стеблей коврики, пока мужчины ловили рыбу в чистых горных реках или отдыхали в Ронге — Мужском доме. К тому же седанги оказались единственным горным племенем, которое умело использовать железную руду, мастерить топоры и наконечники для копий, служивших, помимо прочего, обменной монетой.

Будучи человеком легкого и добродушного нрава, Майрена сумел подружиться не только с седангами, но и с их соседями — людьми племени бахнар и ренгао. Еще больше его авторитет укрепила надвигавшаяся на горные селения беда: здесь вот-вот могла разразиться эпидемия лихорадки. Врачом Майрена не был, но его туманных представлений о химии и прихваченной в дорогу большой коробки с лекарствами, в которой был хинин, хватило, чтобы помочь нескольким заболевшим. Среди излечившихся оказался и вождь седангов, в благодарность отдавший Майрене в жены дочь Анаию и один из лучших домов поселка. Все это, вместе взятое, приблизило француза к исполнению одной его задумки, которая невероятным образом осуществилась 3 июня 1888 года — вождями племен бахнар, ренгао и седанг, собравшимися в деревушке Кон Гун Крам, Майрена был провозглашен... королем Королевства Седанг под именем Марий I.

«Королевство» создавалось со скоростью опереточной постановки. Уже через день над хижиной Майрены трепетал на ветру «королевский» голубой флаг, а его друг, некий Меркурол, и сопровождавший экспедицию миссионер Иригоуэн получили важные должности. Первый — даже две: военного министра и, по совместительству, министра иностранных дел, второй — капеллана короля. Два дня спустя Майрена написал Конституцию, учредил титулы, ордена и медали, которые заказал ювелирам в Гонконге. (Выдавались они всем желающим за небольшую мзду и изъявления преданности королевскому дому).

С целью организации почтовой связи Майрена организовал выпуск почтовых марок. Часть их, скорее всего, была отпечатана в том же Гонконге в 1888 году, куда новый монарх, собрав с подданных налоги, прибыл, чтобы получить официальное признание новой державы. С этим, правда, не повезло: французский консул в Гонконге связался с губернатором Сайгона, истинная личность Мария I была установлена, и дело закончилось скандалом.

Не порадовало и возвращение в «королевство». Меркурол, всю спекулировавший с аннамитами (жители Аннама, исторической области Вьетнама) из приграничных деревень, крепко испортил отношения с седангами, а Анаия, ослабевшая после выкидыша, заболела туберкулезом и умерла. Долго огорчаться «королю», однако, было некогда — дела не ждут. Майрена возобновляет переговоры о политической и финансовой поддержке королевства с французским и английским послами в Индокитае, и снова не добившись результата, решает отправиться в Европу, где рассчитывает найти общий язык с немцами и голландцами.

Но вначале — в Париж! Помимо пользы, которую он надеялся извлечь, найдя во французской столице финансовых покровителей, здесь Майрену ждало множество радостных минут. Он поселяется в «Гранд отеле» под именем графа де Рея, вращается в свете, дает интервью газетам, встречается со старыми друзьями, заводит новые знакомства, налево и направо раздавая титулы и награды своего «королевства» и швыряя деньгами. Поиздержавшись, Майрена решил поправить финансовое положение вторым выпуском почтовых марок Седанга. Выполнение заказа было поручено одной парижской типографии, с которой, как нетрудно догадаться, «монарх» так и не расплатился. Обманутые типографы попытались его разыскать и взыскать по счету, но тот благополучно скрылся от них в Бельгии.

Удача не изменила ему и здесь. В Брюсселе Майрена нашел несколько простаков, согласившихся сопровождать его в Седанг «для насаждения искусства, культуры, науки и создания грозной армии». Кроме того, ему удалось охмурить бельгийского финансиста, барона де Сомси, который согласился помочь деньгами и оружием в обмен на право разработки неких мифических месторождений полезных ископаемых. Так что 15 января 1890 года специально зафрахтованная яхта «Саксония», подняв голубой флаг Седанга, отбывает на Дальний Восток. Путешествие с «королем Седанга» разделили барон де Сомси и несколько богатых молодых людей, убежденных, что найдут в Индокитае Эльдorado и сумеют быстро обогатиться.

18 апреля «Саксония» заходит в порт Сингапура, но здесь что-то пошло не так — груз, находившийся в трюмах яхты, был арестован как контрабанда. И снова на помощь Майрене, оказавшемуся в критическом положении, приходит удача. В китайском квартале Сингапура он случайно встречает бывшего пирата, которого знал еще в Ханое. Последний предложил перспективное дело: собирать гнезда морских ласточек на малазийском острове Тиоман, которые можно выгодно продавать, и вместе с новым другом Майрена отправляется в Малайзию.

Эта поездка для «короля Седанга» оказалась последней. На острове Тиоман 11 ноября 1890 года в возрасте 48 лет, 9 месяцев и 11 дней он был убит при загадочных обстоятельствах. В память о короле Седанга и никогда не существовавшем государстве в Аннамских горах остался небольшой тираж почтовых марок, который у современных филателистов пользуется огромным спросом.

«Почтовые призраки» — марки королевства Седанг, отпечатанные во время посещения Майреной Парижа в 1889 году.

Мария Давид де Майрена, король Седанга.

Любопытно проследить в год векового юбилея российских революций, как далеко во времени и пространстве разошлись поднятые ею волны, трансформировавшись в отнюдь не предполагаемые ее адептами формы.

Дутерте, или Куда приводят мечты

Положение дел в странах АСЕАН постоянно привлекает внимание западных СМИ. Так, в Германии ежеквартально издается альманах «Südostasien». Каждый его выпуск посвящен какой-либо одной теме, которая рассматривается с самых разных сторон. Вот главные темы лишь недавних номеров: «Вода в Юго-Восточной Азии: слишком много, слишком мало и не в тех руках», «Бегство — убежище? Как относятся к беженцам в странах Юго-Восточной Азии?», «Выборы в Юго-Восточной Азии: между популизмом и новым авторитаризмом», «Наследие Киссинджера: каким образом политика великих держав сказалась на развитии стран Юго-Восточной Азии». В нашей рубрике мы предлагаем обзор материалов об одном из самых известных на сегодня политиков этого региона — о президенте Филиппин Родриго Дутерте.

Change is coming, грядут перемены! В дни своей избирательной кампании Родриго Дутерте обещал, что с его приходом во власть все изменится. Тридцатого июня 2016 года он стал новым президентом Филиппин. За выбор народа общество сразу же начало расплачиваться человеческими жизнями. Уже в первые месяцы правления Дутерте без суда и след-

ствия были казнены многие сотни людей, заподозренных в распространении наркотиков. Никаких протестов в стране эти казни не вызвали.

Опыт ленинского и сталинского СССР, нацистской Германии, маоистского Китая показывает, что «большой (красный / коричневый / культурреволюционный) террор» имеет свою логику развития. И если не пресечь незаконные убийства, они станут массовыми. Ведь «врагом народа» может стать любой, включая ближайшего соратника вождя. И это больше, чем фигура речи.

На переговорах с руководителями леворадикальных профсоюзов (Kilusang Mayo Uno) Дутерте так и сказал своим собеседникам: «Да, мы — товарищи по духу. Пусть будет так. Но ведь вы же не даете работать моему правительству. Если все так и будет продолжаться, я вас всех прикончу. Выход здесь один — взять вас и убить».

Таков стиль руководства, присущий Дутерте. Он — властный и решительный лидер. Он готов править «железным кулаком». Его стиль будут перенимать и усваивать руководители разных уровней и, прежде всего, начальники полиции, командиры воинских частей. И сгоряча сказанные ими слова все чаще будут сбываться...

В предвыборных выступлениях Дутерте обещал «ради блага филиппинского народа» убить 100 тысяч наркоманов. Его триумф породил

вакханалию убийств. От рук полицейских и «гражданских активистов» (возьмем эти слова в кавычки, ведь речь идет о членах «эскадронов смерти») гибнут не только наркодилеры, но и простые наркоманы, а в придачу к ним карманные воры и — здравствуй, славное Средневековье! — обычные ведьмы. Однако опрос, проведенный социологической организацией «Pulse Asia» в июле прошлого года, показывает, что политику террора в стране одобряют свыше 90% филиппинцев.

Ни один президент Филиппин не пользовался такой огромной поддержкой населения. Социологи, проводившие опрос, признают, что практически никто из респондентов не говорил, что «они отказывают президенту в доверии». Таких... (смельчаков? безумцев? идиотов?)... набралось всего 0,2%. Еще 8% филиппинцев признались, что не могут сказать, доверяют ли они Дутерте или нет.

И в тоже время еще ни один президент не распорядился казнить за такой короткий срок столько людей: около 5000 человек за 4 месяца! За долгие годы правления диктатора Фердинанда Маркоса (1965—1986) было казнено 3240 человек, а еще 390 человек были, предположительно, похищены и убиты.

«Если ты не готов убивать и быть убитым, ты не годишься быть президентом этой страны», — заявил Дутерте на одном из митингов. Со словом «убивать» он не расставался во время всей предвыборной гонки. «Выполняй свой долг, и если тебе придется убить тысячу человек, я тебя защищу» — это «отпущение грехов» от «верховного жреца нации» получили полицейские. Не менее часто он повторяет и фразу «putang ina mo» («шлюхин сын»). Он даже не сдержался и произнес ее, обращаясь с телеэкрана к Бараку Обаме накануне их личной встречи. Разумеется, тогда ни встречи, ни дуэли не состоялось.

Анализируя риторику Дутерте, Рэнди Дэвид, обозреватель газеты «Philippine Daily Inquirer», писал

в канун выборов: «В Германии этот феномен стал известен, как нацизм, в Италии его называли фашизм. Его филиппинская реинкарнация называется теперь «дутертизм». Однако не стоит уделять чрезмерное внимание персоне Дутерте и его темной харизме. Гораздо важнее понять... гнев и отчаяние людей, поддержавших его».

Сам Дутерте, называющий себя социалистом, отлично сознает, традиции каких «социалистов» он поддерживает. Вскоре после выборов, в сентябре прошлого года, он публично сравнил себя с «вождем»: «Гитлер казнил три миллиона евреев... Здесь три миллиона наркоманов... Я рад был бы их прикончить». Позднее, стремясь сладить впечатление от своей жуткой, кощунственной риторики, Дутерте пояснил, что Гитлер, разумеется, убивал невинных людей, он же мечтает покарать «всех преступников», «покончить с проблемой (наркотиков) в моей стране».

В Европе о Дутерте говорят именно в связи с внесудебными расправами над наркоманами. В свое время Европа переживала и не такие страшные чистки, поэтому здесь справедливо возмущены любым призраком террора. На Филиппинах же чуть ли не все поголовно одобряют эту «войну» (как в СССР — расправы с «бухариными собаками»).

Не черный, не белый?

Сотрудники еще одной социологической организации (SWS) узнали из своего опроса о том, что 63% жителей страны уверены: Дутерте «выполнит, если не все, то хотя бы большинство» предвыборных обещаний. Около 22% людей верят, что он выполнит «все или почти все» обещания.

В строй сторонников «народного вождя» бодро шагнули и люди, державшиеся независимых взглядов. Например, обозреватель «Philippine Daily Inquirer» Майкл Тан, всегда критично относившийся к филиппинским политикам, уже через ме-

сыц после выборов восторженно писал в своей колонке от 27 июля: «Я меняю свое мнение. Я могу — я хочу — доверять Дутерте».

Филиппинцев подкупает в Дутерте и то, что он (как, впрочем, и многие вожаки националистов в 1920—1930-е годы) старается держаться простецки, выглядеть «парнем с рабочей окраины», не учителем народа — его слугой. Он не любит шумихи вокруг своего имени — о нем должны говорить дела.

Заявления и первые действия Дутерте были с восторгом встречены филиппинскими «левыми». Поясним, что Филиппины считаются оплотом революционного коммунизма. На протяжении почти полувека, с 1960-х годов, филиппинские маоисты вели «народную партизанскую войну» против правительственных сил. Все эти годы ее возглавлял «живая легенда» маоизма-ленинизма, Хосе Мария Сисон, сын богатого землевладельца, филолог, примкнувший к литературному перу штык-нож. В отличие от многих вождей революционного движения в странах третьего мира, он уцелел в этой нескончаемой борьбе. Впрочем, последние годы он направлял «огонь по штабам», временно проживая в Нидерландах. Когда-то Сисон был школьным учителем (!) Дутерте. С избранием последнего президентом стало возможным примирение между маоистами и правительством страны.

Разумеется, поддержка боевых коммунистов, чьи партизанские отряды временами действовали на территории 70 из 81 провинций страны, важна для Дутерте. Впрочем, силы коммунистов, как всегда бывает в подполье, пестры и разрознены. Там имеются свои фракции и группировки, свои «большевики» и «меньшевики» и, конечно, свои троцкисты.

Лишь немногие левые настороженно отнеслись к пришествию во власть Дутерте. Недовольны и члены очень малочисленных правозащитных организаций. Большинство левых отнеслись к Дутерте, как и Майкл Тан, дав ему «карт-бланш»

в надежде на то, что он радикально обновит страну.

Так что же все они в нем увидели? Попробуем прислушаться к словам профессора политологии университета Атенео-де-Манила Кармел Абао, которая, рассматривая «феномен Дутерте», попыталась избегнуть черно-белых тонов. «Не черный, не белый» — так она озаглавила свой очерк о президенте Филиппин.

Национальные проекты

Традиционно политики-реформаторы предлагают некие «национальные проекты», которые должны сплотить их сторонников, заинтересовать колеблющихся и привлечь на свою сторону хотя бы часть противников. Зачастую эти проекты не надо изобретать, ведь перемены назрели, и Дутерте не случайно повторял об этом в предвыборных речах. Надо не выдумывать, а лишь разрешить многое из того, чего добивались противники прежнего режима. Надо возглавить революционные устремления масс. Так сто лет назад Ленин привлек на свою сторону многих жителей России звонкими фразами декретов, которых напрасно ждали от Временного правительства или же от других политических партий.

Поэтому для наблюдателей, хорошо знакомых с обстановкой, сложившейся на Филиппинах, призывы Дутерте убивать торговцев наркотиками, как «бешеных псов», менее всего напоминают «прихоть тирана». «Борьба с преступностью» — это важнейшая реформа, которую народ ждал от лидера страны, это главный «национальный проект» Филиппин. Среди других «перемен», которых десятилетиями напрасно ожидали филиппинцы и потому отдали свои голоса на выборах такому человеку, как Дутерте, — прекращение вооруженной борьбы с левыми партиями и группировками; федерализация страны; борьба с произволом корпораций в отраслях добывающей промышленности; четкая антиамериканская позиция (к слову, многие у нас в стране впервые

узнали о Дутерте после оскорбления, нанесенного им президенту Обаме. — А. В.).

Фразы «Грядут перемены» ждали долгие годы. Ждали, как мановения волшебника. Политологи отмечают, что филиппинское общество, глубоко травмированное многолетней гражданской войной и частыми атаками террористов, нуждалось в политике-популисте, который утешит нацию, пожелает ее, как ребенка, пообещает, что «все заживет», погрозит кулаком любому врагу. Полуразложившееся, а теперь заново рождающееся государство переживает, подобно эмбриону животного, древнейшие стадии развития. Становится «патриархальным» государством, вверенным «отцу нации», ее всевластному повелителю и верховному жрецу. Майкл Тан, описывая отношение сограждан к Дутерте, прибегнул к формуле «*tatang syndrome*» («синдром Отца»). Этот диагноз заставляет вспомнить и послевоенное советское общество, и его выздоровление, пришедшее с Оттепелью.

Так как же Дутерте взялся выполнять обещания?

Борьба с преступностью. Последним из руководителей Филиппин, кто всерьез боролся с организованной преступностью и, прежде всего, с наркомафией, был диктатор Маркос, который пришел к власти популярным молодым политиком, победив на президентских выборах в 1965 году. Все последующие президенты рассматривали борьбу с преступностью как что-то третьестепенное. У них хватало, как считали они, куда более серьезных забот. С мафией же на свой страх и риск пытались сражаться руководители отдельных городов и провинций. К их числу принадлежал и Дутерте. На протяжении более двадцати лет он был мэром Давао, города с миллионным населением на острове Минданао.

По своему опыту Дутерте хорошо знал, что очень многие люди втайне ненавидят криминальных авторитетов, чувствуя полное бессилие перед ними. Поэтому, чтобы завоевать сим-

патии этих людей и сделать их своими сторонниками, надо лишь показательно убивать преступников. Их жалкая смерть вызовет ликование у большинства филиппинцев. Все так и было. Ужаснулись только европейские и американские политики, а также всеисильные мировые информационные агентства. Впрочем, борьба с наркомафией, начатая по призыву Дутерте, зачастую сводится к правам над рядовыми наркоманами и мелкими наркоторговцами. Но болезнь, как известно, нельзя победить, сражаясь с отдельными ее последствиями и симптомами, а в очаг заболевания не вмешиваясь.

Прекращение вооруженной борьбы с левыми партиями и группировками.

Дутерте прожил почти всю жизнь на втором по величине острове Филиппин, Минданао, где многие десятилетия продолжалась гражданская война. Лесные массивы здесь контролировались партизанскими формированиями, с которыми сражались правительственные войска.

У этой войны было несколько фронтов. Главный из них — религиозный. Свою борьбу за создание независимого мусульманского государства вел Исламский освободительный фронт Моро, созданный в 1981 году. Среди других религиозных сепаратистских группировок выделяется «Абу Сайяф», чей лидер в июле 2014 года произнес клятву верности запрещенному в России ИГИЛ. К тому времени уже на протяжении двадцати лет эта группировка совершала террористические акты (среди самых громких — убийство более ста человек при нападении на пассажирский паром в 2004 году).

Партизаны, сражавшиеся на другом главном фронте — революционном, — украшали свою одежду красной звездой и «серпасто-молоткастой» эмблемой. С 2001 года на острове действовала Революционная рабочая партия Минданао, у которой имелись свои вооруженные силы — Революционная народная армия.

Придя к власти, Дутерте обещал «в знак доброй воли» выпустить из

тюрем всех политических заключенных. В первом кабинете министров, созданном после его победы на выборах, часть постов заняли левые политики, в том числе близкие к Коммунистической партии Филиппин, фактически заново созданной в стране в 1968 году. Ее часто называют маоистской Компартией, ведь ее руководство во главе с Сисоном неизменно следовало учению Мао Цзэдуна и не очень симпатизировало «ревизионистам из СССР». В 1969 году была организована Новая народная армия — вооруженное крыло Компартии. Ее «летопись полувека» — это история нескончаемой партизанской войны против филиппинского правительства.

Президент Дутерте решил на сотрудничество с левыми силами. Путь к примирению начат «сверху», и это означает, что президент хотя бы частично разделяет позиции левых и готов вместе с ними вести борьбу против традиционных элит, правивших страной многие десятилетия. Поддержка избирателей показывает, что с выбором, который он сделал, согласны многие жители страны. С партийных плакатов новых политических партнеров одобрительно смотрят три богатыря: Маркс, Ленин и Мао. Они тоже непримиримо относились ко всему отжившему, старому и, прежде всего, к старым политическим элитам.

Федерализация страны. Национальные меньшинства и исторические области есть во многих странах, но если взять карту мира, то пока еще власти немногих стран рискуют наделить их всеми правами автономии, не боясь, что это приведет к распаду государства. В самом деле, федеральные государства — такие, как наша страна, США или ФРГ — своим сложным устройством, если схематизировать его, напоминают карточный домик, осторожно выстроенный поколениями политиков и обильно скрепленный кровью. В каком-то смысле «федеральное государство» — это «высшая математика» государственного строительства, которую никак

не усвоить недалеким молодцеватым господам, нечаянно вознесенным к власти переворотом где-нибудь в захолустье третьего мира.

Руководители Филиппин, многонациональной, многоконфессиональной страны, состоящей из множества изолированных друг от друга, вполне самостоятельных островов, тем не менее, десятилетиями отказывались говорить о «конституционной реформе» и «федерализации страны». Пока они заявляли свое решительное «нет», по всем дальним и ближним провинциям этого несостоявшегося «туристического рая» полыхала гражданская война. У всех сепаратистов и террористов, со всех сторон осаждавших Манилу, «мать городов филиппинских», были свои партии, свои армии, свое несчетное оружие, которое они добывали в боях с правительственными войсками. Мировая общественность за последние полвека привыкла к тому, что «Филиппины всегда в огне», что в мировой семье это — неизлечимо безумный ребенок, которому не помочь, и надо лишь терпеливо ждать его смерти, распада его государственного тела на части. Мировое сообщество политиков не сумело принести мир на Филиппины. Кого оно вообще может примирить?

На Филиппинах о конституционной реформе впервые заговорили во времена правления президента Фиделя Рамоса в конце 1990-х годов. В 1996 был подписан мирный договор с Национально-освободительным фронтом, крупнейшей вооруженной повстанческой группировкой на юге Филиппин (Исламский освободительный фронт Моро — это лишь отделившаяся от него фракция). Однако вскоре мир был нарушен новыми кровавыми столкновениями между правительственными силами и партизанами.

По прошествии двух десятилетий, к моменту избрания Дутерте, Филиппины изнемогали от бесконечной «антитеррористической операции». Всюду терпеть были сепаратисты, всюду сеялась смерть.

Громадная страна со стомилионным населением, страна, лежащая на семи тысячах островов, у жителей которых разнится все: языки, верования, культурные обычаи, исторические традиции, просто не может быть унитарным государством. Ее не поместить в этой клетке, отведенной для стран-карликов. Едва придя к власти, Дутерте заговорил о том, что Филиппины должны стать федеральным государством. Заговаривали об этом и прежде, другие руководители страны, но делали это лишь, когда срок их правления подходил к концу. Они словно хотели бы войти в историю с фразой: «У меня есть мечта. Дорогая, но несбыточная мечта». Дутерте с самого начала сумел убедить жителей страны, что это — лишь «пункт в его распорядке дел», и он будет выполнен. Это еще более прибавило ему популярности.

Любой лидер страны окружен элитой. Интересы элиты часто и по разным вопросам расходятся с интересами народа, состоящего из людей разных национальностей, разных убеждений и конфессий. Множество политиков, от которых остались лишь имена в хронологических таблицах, старательно служили своему окружению. Их дела забывались, в народе же зрели гроздь гнева.

Те редкие политики, что остаются в истории, решившись выполнять чаяния народа, вынуждены идти против своего окружения или хотя бы его части. Любые реформы, любая «революция сверху» — это неизбежные потрясения, «великие потрясения в узком кругу элит». После реформ Дутерте, если они будут доведены до конца, в выигрыше окажутся региональные элиты, в проигрыше — национальная элита (ее представителей можно с некоторыми оговорками назвать «филиппинскими националистами»). Немалая часть властных полномочий перейдет от Центра к автономным окраинам. Зато сепаратизм будет побежден, ведь сепаратисты исчезают как класс тогда, когда переходят из шумных окопов и землянок в тишь губернаторских дворцов.

Антиамериканская позиция. Уже во время предвыборной кампании Дутерте не раз высказывался против вмешательства США во внутренние дела Филиппин. В той геополитической ситуации, что сложилась в Юго-Восточной Азии к 2016 году, Филиппины, как и, например, Вьетнам, были чем-то вроде рога тины, выставленной, чтобы осадить китайского тигра. В «большой игре», которую США ведут против Китая, их важными союзниками были Филиппины, имевшие давние территориальные споры с КНР. Тем неожиданнее были слова Дутерте о том, что никакой поддержки Америке в ее борьбе с Китаем он не окажет. Словно выступ скалы подломился под ногой кравшегося вперед героя...

В истории Филиппин Дутерте стал первым президентом, который принялся резко критиковать США. Действуя бестактно и эксцентрично (таков его характер), он утверждает право своей страны на независимую внешнюю политику.

Вот только критично настроенные наблюдатели говорят, что ньютоновский закон тяготения действует в политике так же, как и в астрономии. Небольшая страна, вырвавшись из сетей притяжения одной великой державы, неминуемо станет спутником другой, послушно перекатившись к ней. В нашем случае это означает, что у Китая внезапно появился новый союзник и не где-нибудь, а во вражеской крепости. Среди колонн, ее поддерживающих, нашлась «пятая колонна». Среди пяти государств-основателей АСЕАН объявился изменник. Впрочем, свою новую роль Филиппины только начинают разучивать и как они сыграют ее, мы еще увидим.

Пока же слышны громкие заявления. «Я меняю союзников в вашем идеологическом порядке, и, возможно, я съезжу и в Россию, чтобы сказать Путину, что отныне мы втроем — Китай, Филиппины и Россия — против остального мира. Другого пути нет», — сказал

Родриго Роа Дутерте в октябре на экономическом форуме в Китае. В мае он выполнил обещание и встретился со своим «любимым героем» Владимиром Путиным.

...Какой будет судьба Дутерте? Его путеводная звезда только взошла. Распорядок дел у него велик. Нужно окончить гражданскую войну и установить, наконец, мир на Минданао, нужно замирииться с маоистскими, троцкистскими и другими прокоммунистическими группировками, надо принять новое трудовое законодательство, развернуть дорожное и жилищное строительство, наконец, пора уже защитить уникальную природу Филиппин, точнее говоря, то, что от нее осталось, ведь в стране вырублено уже более 90% всех лесов. Все это — неотложные дела, от

которых зависит само существование Филиппин как единого государства. Дутерте обещает справиться со всеми делами. Он хотя бы начал решать проблемы, которые прежние власти с удивительным упорством пытались скрыть, отставить в сторону, не видеть в упор. Из истории Европы мы знаем, что в былые времена нежелание правителей справляться с насущными проблемами не раз приводило к восстаниям и революциям (вспомним наш 17-й год). Или, если к власти приходил новый лидер страны, новый вождь нации, к «революции сверху», совершающейся при всенародной поддержке вождя — деятельного трибуна, неутомимого труженика и демагога. Этой харизмой вождя оказался наделен и Дутерте.

Три любимых праздника жителей Юго-Восточной Азии

Сколько государственных, национальных, религиозных и традиционных праздников отмечается в Юго-Восточной Азии? Сотни? Тысячи? Любая попытка сосчитать большие и малые фестивали, которые проводятся в странах региона, в каждой отдельно взятой провинции, округе, городе, деревне, на островах и островках, заранее обречена на провал. Большая часть из них, так или иначе, связана с религиозными верованиями всех направлений и конфессий, а в этом многонациональном мире с одинаковой любовью отмечают как буддистские, индуистские и китайские праздники, так и христианские или мусульманские. При всем многообразии и разнообразии, впрочем, одно общее у них есть: невероятно колоритные и столь же невероятно причудливые, кажущиеся европейцу экзотической диковинкой, они уж точно никого не оставляют равнодушным.

Камбоджа. «Добро пожаловать с того света!»

Традиции поминовения умерших существуют во многих культурах, но *Пчум Бен* — День Предков, который, начиная с XII века, неизменно проводится в Камбодже — явление уникальное. Поминая тех, кого взял бог смерти Яма, кхмеры не только отдают им дань памяти и уважения, но и облегчают муки предков, которым не удалось пройти реинкарнацию, и были назначены на том свете очистительные страдания. Ничего подобного нигде на планете больше нет — о тех, кто попал в ад, заботятся лишь буддисты южной ветви тхеравады.

Пчум Бен возник еще до принятия буддизма, но девять веков назад был приурочен к концу буддистского поста Васса и учрежден в каче-

стве общенационального религиозного праздника. Произошло это в правление Джайавармана VII, вошедшего в историю строительством грандиозных храмов, общественных зданий и больниц. По преданию, король Джайаварман был столь великодушен, что его доброта и забота простирались как на живых подданных, так и на умерших предков.

Но лишь раз в году, в октябре, в первый день месяца убывающей луны, растворяются врата загробного мира, и повелитель царства мертвых Яма отпускает духов умерших в наш мир, чтобы родственники могли позаботиться о них и облегчить страдания ушедших предков, предлагая им пищу в виде рисовых шариков, сваренных в кокосовом молоке.

Подношение полагается принести в храм ранним утром, с первыми лучами солнца, где оно будет освяще-

но и только после этого оно станет пищей для духов. Интересно, что необходимые в таких случаях молитвы-сутры из Трипитаки — собрания буддийских текстов на языке пали, на которых основывается учение Тхеравады, — поют только монахи, для мирян достаточно принести еду.

Получать пищу, однако, духи могут только от родственников — прикасаться к чужойм подношению они не имеют права. А так как оно может быть оставлено в любом монастыре страны, независимо от места жительства живых, призраки мертвых вынуждены обходить все храмы в поисках передачи, предназначенной именно для них. Не приготовить ее — большой грех, так как духи, которые не смогли найти подношение от своих живых родственников, могут разгневаться и проклясть их.

Длится все действие в течение пятнадцати дней и заканчивается гонками на буйволах и лошадях, соревнованиями по борьбе в грязи и другими состязаниями, посвященными умершим предкам и веселящими их живых потомков.

Малайзия. Молоко и кровь

В девятый месяц лунного календаря миллионы индусов Малайзии, как и в других странах Юго-Восточной Азии, на юге Индии и в Шри-Ланке, отмечают свой главный праздник — *тайпусам*, посвященный шестиликтому богу войны Муругану и его победе над демоном Сурападманом. В Малайзии тайпусам является государственным праздником и наиболее массово отмечается в столичном Куала-Лумпуре, собирая обычно миллионы участников и зрителей со всего мира.

К фестивалю индусы готовятся заранее, несколько недель соблюдают строгий пост, не пьют хмельных напитков, не курят и воздерживаются от любовных утех.

В целом, как и многие индуистские праздники, действие это яркое и несколько шокирующее. Оно начи-

нается с шествия к храму, во время которого одни поклонники божества, войдя в транс, прокалывают себе кожу железными крючьями или надевают специальные сандалии с колючками. Другие — протыкают насквозь щеки и язык небольшими копьями, являющимися копией того самого, которое согласно легенде, богиня Парвати вручила своему сыну богу Муругану, чтобы он прогнал злых демонов-асуров. Нередко участники праздника помогают наносить болезненные раны друг другу. При этом все приплясывают, поют и счастливо бьют в ладоши под звук ритуальных барабанов и пронзительные завывания сотен дудочек. От ритмичных движений тел металл на спинах и груди звенит, как кольчуга, а звуки сливаются в сплошной гул.

Тем же участникам, которые не хотят участвовать в самобичевании, достаточно одеться в красные одежды — ритуальный цвет бога Муругана — и принести ему в жертву бумажные пакеты с молоком и горшочки с рисом и медом.

И так уже две тысячи лет, а именно столько существует традиция этого поразительного ритуала.

Таиланд. Обезьяний банкет

В «Рамаяне», важнейшем из священных текстов индуизма, описывается история о том, как царь демонов Равана похитил Ситу, супругу бога Рамы. И тогда Рама обратился за помощью к предводителю обезьян Хануману, который со своей обезьяньей армией помог другу выволочь Ситу из лап демона.

С тех пор повсюду, где живут последователи индуизма, чтут обезьян. Но в древнем тайском городе Лопури отношение к ним особое еще и потому, что, согласно преданию, он расположен именно на тех землях, которые Рама преподнес в дар Хануману после победы над злобным демоном Раваной. Обезьяны в Лопури — равноправная часть сообщества, они свободно, где вздумается, разгуливают по улицам, качаются на электрических

проводах и наравне с любым жителем города имеют право зайти в любое общественное здание. Несмотря на склонность к карманным кражам и беспокойный характер, горожане считают, что все современные обезьяны, оккупировавшие город, являются подданными короля Ханумана, а, главное, приносят удачу и богатство.

Специально для них ежегодно, в последнее воскресенье осени в Лопури устраивается праздничное застолье, для которого используется более трех тонн бананов, ананасов, пирожных и других яств. Приносят разные вкусы и многочисленные туристы, со всего света съезжающиеся посмотреть на обезьяний банкет.

Длинный двенадцатиметровый стол накрывается обычно в руинах древнего храма Пра Пранг Сэм Йот, или «Храма с тремя башнями», построенного королем Нараем еще в XI веке. Место выбрано не случайно — здесь обитает одна из самых многочисленных в городе колоний длиннохвостых макаков.

Как нетрудно догадаться, «воины» Ханумана на пир никогда не опаздывают и поначалу, занятые едой, даже ведут себя более-менее прилично, а швырять в зазевавшихся зрителей объедки и пустые жестяные банки из-под газированных напитков начинают лишь тогда, когда насытятся.

Во второй половине дня вволю накуролесившие сытые макаки решают предаться отдыху. Стол теперь убирается и на месте банкета устраивается представление национального эпоса «Рамакиен», языком танца повествующее о Раме, Ханумане и доблестной армии обезьян.

Говорят, у обезьяньего банкета есть и более прозаические причины. Более двадцати лет назад «накрывать поляну» макакам решил владелец одной из гостиниц города в благодарность за то, что они привлекают туристов. Но так ли уж важно, почему родился еще один из необычных праздников Юго-Восточной Азии, прославившийся на весь мир...

 БиблиоРодина

 planeta.ru

Обеспечим библиотеки научными изданиями!

Что такое «БиблиоРодина»?

- ✓ Меценатская подписка на научную периодику в поддержку библиотек
- ✓ Возможность помочь российским библиотекам и любимым изданиям
- ✓ Доступные знания для детей и взрослых по всей России

Как стать меценатом и помочь библиотекам?

Зайдите на сайт:
www.библиородина.рф

Выберите издания

Выберите библиотеку

Оплатите подписку

НАЧНИТЕ ДЕЙСТВОВАТЬ

Александр Зайцев

Последний тигр

Одной из самых популярных книг о Юго-Восточной Азии, изданных в последние годы в Германии, стал... детективный роман Норы Лутмер «Последний тигр», посвященный нелегальной торговле дикими животными. Место, где разворачивается увлекательное действие — Вьетнам.

«Разверзлись хляби небесные» — это едва ли не о нем, о муссо-не. Точнее, об океаническом муссо-не. Когда он приходит в летние месяцы, небо над Индией, Бангладеш, Индокитаем покрывается черными тучами. Неколебимой завесой опускается дождь.

С этого нескончаемого дождя и начинается роман Норы Лутмер. Улицы Ханоя уже превратились в реки, а непогода все пугает людей. Все ожидают теперь несчастий.

Вот и одно из них. Старый друг комиссара Лю найден мертвым. Удар током. Среди этой воды, проницательшей повсюду, такое только и могло приключиться. Но комиссар не верит в случайность. Совсем недавно он разговаривал с другом, и тот был очень встревожен.

Комиссар Лю — один из тех классических сыщиков, которые любят совать нос не в свои дела. Иногда он получает за это зуботычины и тумачи, но цвет синяков, похоже, ему к лицу. Он

опять садится на свой мотороллер и по запруженным улицам Ханоя мчится на окраину города, чтобы расследовать еще одну загадочную историю.

Тем временем он узнает о новом несчастье. Прямо в центре Ханоя тигр растерзал молодого человека. Дикий зверь в городе? Откуда?

Оказалось, погибший входил в банду, которая занималась отловом редких животных и нелегальной торговлей ими. Тигра он перевозил прямо у себя в автомобиле, пассажиром посадив на заднее сиденье.

Обыскав дом погибшего, Лю находит там пестрый зверинец. Его друг занимался защитой животных. Может быть, он вышел на след банды и потому был убит?

Но теперь смертельная опасность угрожает и самому комиссару Лю, и его семье. Расследование же приводит Лю в дикие горные районы Вьетнама, поросшие непроходимыми лесами, на границу между Вьетнамом и Лаосом...

...Как известно, в детektивах добро почти всегда побеждает зло. Покинем комиссара Лю, пребывая в уверенности, что и на этот раз он одолеет врагов, и поговорим подробнее о проблеме, с которой он вынужден бороться в одиночку.

Еще пару столетий назад животный мир Дай-вьета (Великого Вьета) был необычайно разнообразен. Вьетнамцы жили в краю непуганых зверей и птиц.

«Там, за бамбуком, цветов полно.

Крик обезьяний слышен в горах...

Озеро синью напоено;

Цапли на озере, журавли»

Нгуен Чай, XV век.

Не удивительно, что в народной вьетнамской медицине широко использовались не только растения, но и различные части тела животных. Считалось, например, что присыпка из истолченных в порошок игл дикобраза помогает затянуться ранам от ожогов. Экстрактом, приготовленным из змеи, снимали боли в спине, лечили кожные болезни. С помощью водки, настоянной на длинном теле змеи, повышали мужскую силу.

Секреты народной медицины передавались из поколения в поколение. Любая болезнь вызывается дисгармонией в организме, нарушением равновесия между *ам* и *дуонг*, что подавляет жизненную энергию человека. В этих субстанциях, «балансирующих на грани болезни», легко угадываются китайские «инь» и «ян». Это не удивительно, ведь Северный Вьетнам на протяжении почти тысячи лет находился под сильным влиянием Китая. Вьетнамское искусство врачевания усвоило многие идеи классической китайской медицины. Взвзявшись лечить болезнь, врачи стремились понять, что мешает спокойному перетеканию жизненной энергии. Использовали приемы акупунктуры, чтобы с помощью игл устранить заторы, или прописывали больному снадобья, от которых эти препятствия на пути энергии рассасывались.

Вьетнамские врачи, как и их древние китайские учителя и единомышленники, традиционно считали, что против любого недуга самой Природой припасено лекарство. Надо лишь увидеть его и соединить с больным телом. Тогда жизненная сила вернется в организм больного. Этим снадобьем может быть камень, минерал, лежащий в земле. Может быть — лист или плод растения, что затаенно глядит на вас с пригорка. А может быть часть тела любого животного, что выходит к вам из леса или, наоборот, прячется в его глубине. Стоит только найти это целительное средство, и, попав в организм, оно изменит течение жизненных соков. Вредный поток ослабеет, войдет в свои берега. В организм вернется равновесие, а с ним — и здоровье.

С давних времен многие снадобья во Вьетнаме изготавливались из частей тела животных. Однако в 1994 году страна подписала Вашингтонское соглашение об охране видов. Коммерческая торговля всеми редкими видами растений и животных была законодательно запрещена. За нарушение закона, как покупателям, так и продавцам грозили высокие денежные штрафы, а также тюремное заключение сроком до семи лет. Но спрос на

запретные плоды медицины, похоже, только возрос. Отловом диких животных и их продажей «на органы» занялись международные преступные группы, с одной из которых и взялся бороться наш герой — комиссар Лю. Деятельность этих групп распространилась и на соседние страны — Мьянму и Лаос, где охране животных уделяют еще меньше внимания. Нет, недаром чутье сыщика вывело Лю на границу с Лаосом, где мы его и покинули в надежде, что он вернется с победой.

Деятельность банд в последние годы усилилась потому, что спрос подогревается благополучием. Уровень жизни во Вьетнаме растет. Все больше людей могут позволить себе покупку таких дорогих лекарств, как «паста из тигриных костей». Вождь денные лекарства нередко привозят в Ханой или Хошимин (бывший Сайгон) не только из соседних стран, но и с другого континента — из Африки.

Сегодня, например, во Вьетнаме как никогда высок спрос на порошки, приготовленные из рога носорога. В традиционной медицине они применялись, чтобы сбить жар. Теперь им нашли лучшее применение. С их помощью, — повинуюсь какому-то модному поветрию, — снимают головную боль после похмелья и, главное, борются против рака. На весь Вьетнам, где проживает свыше 92 миллионов человек, в 2014 году имелось всего 25 аппаратов для лучевой терапии раковых больных. Не удивительно, что многие, заболев, спешат прибегнуть к альтернативным средствам лечения, зная, что, если покорно ждать своей очереди, можно и не дожить.

Черный рынок торговли запретными препаратами в Ханое процветает. В год появления книги «Последний тигр» за 100 граммов носорожьего рога требовали 6800 евро — больше, чем за золото. С научной точки зрения, как и с позиций здравого смысла, объяснить это невозможно. Ведь рог состоит в основном из кератина — как наши волосы и ногти. Принимать лекарство из рога — все равно, что грызть ногти. Целебный эффект схож.

В самом Вьетнаме последний носорог был убит браконьерами в 2010 году. Теперь чудо-препараты ввозят, прежде всего, из Южной Африки. В Африке в 2016 году обитало — главным образом, в огороженных, охраняемых резерватах — 25 тысяч носорогов (еще от 3 до 5 тысяч носорогов сохранилось в Азии). При этом если в 2010 году браконьеры убили 333 носорога, то в 2014 году — уже около 1200, а в 2016-м — 1054 носорогов.

Гималайских медведей не убивают, чтобы забрать из их организма желчь, но им от этого не легче. Еще в начале 1980-х годов в Северной Корее был разработан метод, позволяющий откачивать жидкость из желчного пузыря живого медведя. Это очень болезненная процедура. Поначалу зверь глухо ворчит, подозревая что-то неладное; потом раздается отчаянный крик, который трудно забыть. Для медведя же эти «пункции» все повторяются и повторяются. Он теперь — «дойная кова» врачей.

Желтовато-зеленая, слегка пенящаяся жидкость помогает, как считают вьетнамцы, при ушибах. Разведенную в водке желчь, 10 миллилитров на литр, три раза в день пьют люди, страдающие от заболеваний печени. В западной медицине, кстати, в подобных случаях применяется препарат, содержащий урсодезоксихолевую кислоту, наименее агрессивную из желчных кислот. Этот препарат рекомендуют при нарушении работы печени, но его получают искусственным путем — синтезируют. В желчи же гималайских медведей содержание этого вещества очень велико. Поэтому снадобье, приготовленное из медвежьей желчи, в самом деле, помогает, да еще почти не оказывает побочных действий — в отличие от синтетических лекарств. По этой и некоторым другим — экономическим — причинам спрос на такие снадобья во Вьетнаме неизменно высок.

В одном из своих репортажей из Вьетнама, опубликованных в журнале «Spiegel», Нора Лутмер пишет: «Вьетнам остается одной из немногих стран, где в системе здраво-

охранения важную роль по-прежнему играют методы вековой давности. Во многом это из-за денег. Скажу словами, понятными любому крестьянину, а вьетнамское общество, по сути своей, пронизано идеологией крестьянского мира: итак, традиционное снадобье обойдется вам в одну курицу, западное лекарство — в одного буйвола, а лечение в больнице будет стоить вам целого стада буйволов».

Однако выбор, который делают ценители «древних традиций врачевания», иногда может быть опасен для них, предупреждают медики. Не всегда популярные снадобья могут чем-то помочь больным. К тому же их изготавливают обычно в кустарных условиях, не соблюдая никакой гигиены. В наше время даже растения, срезанные в глухих вьетнамских лесах, могут содержать опасное количество тяжелых металлов и пестицидов. Что же касается животных, то добычей браконьеров нередко становятся больные животные. Тогда, если пациент, следуя старинному рецепту, будет принимать, например, желчь медведя в чистом виде, он заразится от зверя его возбудителями заболеваний.

Нельзя сказать, чтобы во Вьетнаме не думали об охране природы. Основатель современного Вьетнама, легендарный революционер Хо Ши Мин поучал своих последователей: «Лес — это золото. Если мы будем беречь его, мы сделаем славное дело».

Однако Хо Ши Мина нет уже почти полвека, и вьетнамские леса понемногу пустеют. Одних животных убивают, чтобы приготовить из них лекарство, других — чтобы продать владельцам ресторанов, где огромным спросом пользуются «экзотические блюда». Дело революции во Вьетнаме безнадежно проиграно «новой буржуазии», которая полюбила роскошные пирры. Ради них тоже нещадно истребляют редких животных. Ведь, по народным поверьям, чем диковиннее зверь, тем полезнее съесть его мясо. Богачи стремятся не только перещеголять друг друга, но и прибавить себе здоровья, заказывая в ресторане то

рагу из виверры, то запеченную тушу варана. И кто задумается о том, запрещено это или нет?

Не отстают от бизнесменов и туристы. Во Вьетнаме они пользуются немалой свободой, поскольку пополняют казну валютой. В прокуратуре же к отлову редких животных, торговле ими относятся, как к лихачеству, молодецкой забаве, хотя закон требует другого. Но до тех пор, пока вьетнамские чиновники высокого ранга сами лакомятся запретным, закон работать не будет.

Наш комиссар Лю затерялся в делях далеких лесов... Увяз в безнадежной борьбе — не в силах пока справиться со звериной жестокостью людей. А что думает обо всем этом автор романа, Нора Лутмер? Вот что она рассказала в интервью одному из немецких журналов.

— *В своем романе вы описываете одну из теневых сторон жизни Вьетнама — нелегальную торговлю дикими животными. Что вас к этому побудило?*

— В девяностые годы во Вьетнаме было в порядке вещей предлагать в ресторанах и на рынках диких животных. В некоторых барах на всеобщее обозрение выставляли двухметровые бутылки с заспиртованными в них гималайскими медведями. Потом все это постепенно исчезло из поля зрения. Поначалу я думала, что защитники животных, а они ведь есть в любой стране, сумели чего-то добиться. Но когда я навела справки, то ужаснулась. Потому что все, наоборот, стало еще хуже, чем прежде.

— *Почему?*

— Раньше во Вьетнаме охотились на диких животных в основном, чтобы перепродать их в Китай. Сегодня их потребляют, прежде всего, у себя в стране. Ведь уровень жизни во Вьетнаме заметно повысился, а значит, возрос и спрос. Все больше людей могут себе позволить мясо диких животных, пасту из костей тигра или медвежью желчь. Все это делается втихомолку, ведь все участники подобных сделок знают, что это незаконно и что всем грозят штрафы, если их уличат.

— *Какую роль играет традиционная медицина?*

— В традиционной медицине широко используются части тела диких животных. Люди верят во все эти чудодейственные снадобья, пусть даже наука не доказала, что они приносят какую-то пользу. Впрочем, эта медицина имеет свою долгую историю. Во Вьетнаме большинство людей все еще предпочитают считаться натуральными продуктами. Считается, что это почти не дает побочных последствий.

— *Вьетнам уже лет двадцать как присоединился к Вашингтонской конвенции об охране видов! Тем не менее, несколько лет назад браконьеры убили здесь последнего носорога. Как такое возможно?*

— Люди, на которых возложена охрана диких животных, работают буквально за гроши. Они получают примерно 20—30 долларов в месяц. На такие деньги трудно прожить. В то же время браконьеры и, главное, их заказчики зарабатывают баснословные деньги. Они запросто подкупают охранников, а если те не соглашаются брать деньги, в ход идут угрозы. Браконьерство во Вьетнаме — это бизнес, в котором занято множество людей.

— *Значит, коррупция сильнее международного права?*

— Коррупция сильнее **любого** права во Вьетнаме. Там можно, не имея водительских прав, ездить на мотоцикле; на перекрестке можно мчаться на красный свет. Вам только нужно иметь при себе небольшую сумму денег, чтобы откупиться от полицейских.

— *Какую роль играют туристы (об этом смотрите также «Заметки обозревателя» в «З—С», 5/15. — Прим. ред.)?*

— На медвежьих фермах любят отправляться корейские туристы. Там прямо у них на глазах откачивают желчь у живых гималайских медведей — очень мучительная процедура. Она запрещена, но подобным бизнесом занимается так много людей, что никто ничего не может поделать. Немало проблем создают также европейские и американские ту-

ристы, которые заказывают в ресторанах блюда из змей. Конечно, они не всегда нарушают закон, потому что есть виды змей, которых разрешено разводить в питомниках, чтобы потом приготавливать из них блюда в ресторанах. Однако чаще всего их угощают змеями, которых отлавливают в дикой природе. Так туристы способствуют тому, что численность змей во Вьетнаме сокращается. К тому же подобные трапезы подчас сопровождаются жестокими церемониями: змее вспарывают тело, извлекают сердце, и почетный гость, ради которого все это затевалось, пьет водку, в которой плавает только что извлеченное сердце змеи.

— *В вашем романе животным остается лишь сочувствовать. Так что, во Вьетнаме мучить животных — это в порядке вещей?*

— Я думаю, что там просто люди особо не стараются ничего скрывать. У нас, например, тоже полно жестокости. Мы только не видим этого, мы покупаем мясо в супермаркете, прекрасно упакованное мясо, и вовсе не думаем о том, как убивали этих животных — а ведь у нас налажено их массовое истребление, настоящее машинное производство.

— *Есть в вашем детективе и молодые люди, которые защищают животных. Сознание людей все-таки меняется?*

— Меняется, прежде всего, в городах, где молодые люди имеют возможность хорошо зарабатывать, а потому они уже не только думают о том, как свести концы с концами, но и начинают задумываться о чем-то другом. Многие из них, действительно, увлеклись защитой животных. Есть, например, и «горячая линия», по которой можно позвонить, если вы видите в ресторане диких животных. Хозяина ресторана, может, и не будут за это штрафовать, но животных у него отберут и поместят в специальный питомник, а оттуда, если получится, выпустят в лес. Так что, ситуация меняется к лучшему. Надеюсь, что еще не поздно что-то поправить, хотя леса во Вьетнаме уже заметно опустели.

В поисках первого петуха

У этой истории запутанное прошлое, поэтому ее лучше начинать с конца. Несколько лет назад группа австралийских антропологов (Вики Томсон и коллеги) опубликовала статью, в которой опровергались результаты исследования, проведенного в 2007 году группой новозеландских ученых (Алиса Стори и коллеги). При этом опровергнутое открытие новозеландских ученых было, в свою очередь, опровержением некой теории, выдвинутой за 40 лет до того известным норвежским исследователем. А эта теория, в свой черед, была опровержением другой теории, выдвинутой около 80 лет назад известным полинезийским этнографом. Воистину запутанная история. А главное — при чем здесь петух?

Теперь начнем с начала. Авось, дойдем и до петуха. Не знаю, многие ли читали замечательную книгу Те Ранги Хироа «Мореплаватели Солнечного восхода». Уж очень давняя книга. Там рассказывается о полинезийских сдвоенных лодках-катамаранах и об их дерзких, дальних, на тысячи километров, вылазках в бескрайние просторы Тихого океана. Но книгу Тура Хейердала «Кон-Тики», я думаю, читали многие. И о нем самом тоже, наверно, многие помнят. Те Ранги Хироа известен куда меньше. В свое время (первая треть XX века) под этим звучным именем скрывался уроженец Новой Зеландии, сын коренной маорийки Хироа и заезжего англичанина по прозвищу «Щеголь» («Виск» по-английски). Сначала Бак-Хироа был врачом, а потом посвятил себя целиком этнографии, стал директором

музея Бишоп на Гавайских островах, много ездил по Полинезии, собирал местные предания, изучал полинезийскую культуру и написал несколько книг (одной из первых среди которых — 1938 год! — были упомянутые выше «Мореплаватели»). Хироа был страстным глашатаем так называемой «азиатской» теории заселения Полинезии, в то время как Хейердал в своем «Кон-Тики» отстаивал прямо противоположную — «американскую» — теорию того же заселения. Иными словами, позиции двух этих исследователей отличались ответом на вопрос, откуда пришли первые жители тихоокеанских островов.

Еще в XIX веке первые западные исследователи полинезийской культуры показали ее единство. Предания жителей различных островов, разделенных сотнями и тысячами километров океана, упоминают одних и тех же родовых предков и даже одни и те же названия лодок, на которых эти предки прибыли на острова. Сходство языков также подкрепляет напрашивающийся вывод: все тихоокеанские острова были заселены из одного исходного пункта. Но какого? «Азиатская» теория утверждает, что этим пунктом была Индонезия, которую племена *Homo sapiens* заселили уже десятки тысяч лет назад. В своих «Мореплавателях» Те Ранги Хироа утверждал, что, освоив навыки мореходства, индонезийские «викинги» двинулись навстречу солнечному восходу, то есть на юго-восток, и через Микронезию достигли островов Таити. Один из островов этого архипелага и стал тем центром, откуда путем радиальных вылазок поли-

незийские мореплаватели заселили потом все тихоокеанские острова вплоть до Гавайских, а также Новую Зеландию.

Эта теория была опровергнута плаванием Хейердала. Как уже сказано, Хейердал считал, что тихоокеанские острова были заселены из Америки, точнее — из Перу, где уже тысячи лет назад возникла высокоразвитая цивилизация. Плавание на «Кон-Тики», собственно, и имело целью доказать, что такое заселение (с помощью бальзовых плотов, характерных для моряков древнего Перу) было технически возможно. Эту возможность Хейердал блестяще доказал. Но его гипотеза состояла не просто в утверждении, что Полинезия заселялась с востока, из Южной Америки. Она была много шире. Хейердал развивал идею сквозного, глобального продвижения неких «арийских» (рыжебородых и белокурых) «культуртрегеров» — сначала из Индии в Европу, затем из Европы в Америку, потом из Америки через Тихий океан в Полинезию и «далее везде».

Этот расистский привкус хейердаловских конструкций надолго отбил у серьезных ученых желание заниматься поиском связей между Америкой и Полинезией. Впрочем, среди историков, археологов и лингвистов, изучавших процесс заселения самой Америки, как Южной, так и Северной, глобальная гипотеза Хейердала тоже не нашла поддержки, поскольку противоречила всей совокупности собранных ими научных фактов. Тем не менее, отголоски гипотезы Хейердала можно порой услышать и сейчас — например, в разговорах о так называемых «солютрелянцах», как называют неких древних пришельцев из Испании, которые якобы уже 13–14 тысяч лет назад заселили всю Америку, от Кловиса (в центре США) до Монтеверде (на юге Чили).

И все-таки справедливость требует сказать, что Хейердал сыграл и определенную положительную роль. В полемике с ним сторонники «азиатской» теории заселе-

ния Тихого океана неожиданно осознали, что у них тоже не очень-то много доказательств, и бросились их искать. И нашли. Сначала в раскопках на разных тихоокеанских островах была обнаружена керамика одного и того же типа (он получил название «лапитянского»), анализ возраста которой позволил заключить, что предки современных полинезийцев пришли со стороны Новой Гвинеи, как и утверждал Хироа, но не через Микронезию, а через Меланезию, и что им потребовалось всего несколько сот лет, чтобы, передвигаясь от острова к острову, достичь Самоа и Фиджи.

Раскопки последующих лет еще более детализировали эту картину. Оказалось, что почти все главные продовольственные культуры островов Тихого океана: таро, бананы, тростниковый сахар и тому подобное — и такие важные виды домашних животных, как свиньи и собаки, — пришли с азиатской стороны Тихого океана, причем пришли с людьми, явно имевшими целью колонизацию этих островов (если бы каких-нибудь мореплавателей занесло сюда случайно, в их лодках вряд ли оказался бы весь этот «обязательный колонизационный набор»). Более того — новые находки дали возможность установить и грубую датировку этой колонизации: Маркизские острова, а также острова Кука и Сообщества были заселены примерно к 200–300 годам новой эры, Гавайи и остров Пасхи — к 400–500 годам и Новая Зеландия — около 1000 года.

В то же время ни одного свидетельства «американского» заселения Полинезии эти поиски не дали. Впрочем, в перечне находок было одно исключение — сладкий картофель, или батат. Этот плод, если верить данным археолога Патрика Кирша, был распространен на островах Кука уже в 1000-м году. Сегодня он встречается в Полинезии повсеместно. Но как было доказано исследованиями новозеландского молекулярного биолога Эндрю Кларка, батат был акклиматизиро-

ван один-единственный раз в истории, и это произошло примерно 8000 лет назад в предгорьях перуанских Анд. Какой-нибудь кокосовый орех мог бы, конечно, и сам приплыть в Полинезию, покачиваясь на океанской волне, — но не сладкий картофель! Его кто-то должен был туда завезти. Более того — генетические исследования последних лет показали, что бататы Полинезии ближе всего к бататам Перу.

Этот факт снова поставил исследователей перед забытым, казалось бы, вопросом о возможных связях Южной Америки и Полинезии, только ответ на него, каким он вырисовывался из новых исследований, был прямо противоположен хейердаловскому. История батата вернула научную мысль к «азиатской» гипотезе Хироа: не древние перуанцы на своих плотах заселили Полинезию, а напротив — мореплаватели солнечного восхода установили морские связи с Перу, «открыв», таким образом, Южную Америку за 300 с лишним лет до Колумба и его продолжателей. В пользу этого говорили определенные антропологические факты (сходство черепов древних полинезийцев и чилийцев, определенные языковые совпадения, общность некоторых ритуалов и так далее). Но вот свиньи и собаки в Южной Америке оказались не «полинезийскими» — генетический анализ показал, что собаки и другие домашние животные появились в Южной Америке уже после Колумба. И вот тут-то на помощь историкам пришел петух.

В 2007 году весь археологический ученый мир облетела сенсационная новость, что группа Алисы Стори сумела датировать три куриные косточки, найденные в раскопках в районе Эль Аренале в Чили, и эта датировка показала, что соответствующие куры (или петухи) были съедены между 1300 и 1450 годами. Размах датировки, конечно, большой, но в любом случае куриное пищество местных жителей закончилось до высадки Колумба. И если раньше счи-

талось само собой разумеющимся, что куриц тоже завезли в Южную Америку европейцы, то теперь перед учеными встал вопрос: как они появились здесь до Колумба и без Колумба? Своих коренных, южно-американских кур в Южной Америке, как это твердо доказано всеми раскопками, никогда не было, так что единственная возможность состояла в признании, что они были завезены полинезийцами, поскольку куры и петухи, наряду со свиньями и собаками, издавна были одними из трех главных домашних животных во всей Полинезии. И действительно — генетический анализ, проведенный Стори, показал, что ДНК этих древних чилийских кур является точной копией ДНК, извлеченной из куриных костей соответствующей древности, найденных на тихоокеанских островах Тонга и Самоа (находящихся, кстати сказать, почти в 9000 километров от Чили).

На основании своих находок Стори выдвинула новый сценарий связей между Южной Америкой и Полинезией. По этому сценарию, полинезийские мореплаватели уже в 1200–1300 годах, после колонизации Рапа-Нуи (остров Пасхи), получили благоприятную возможность, двинувшись отсюда на восток, достичь побережья Чили. Возможно, они даже основали здесь полинезийскую колонию, жители которой впоследствии смешались с коренными туземцами этих мест, — это объяснило бы упомянутое выше сходство черепов. Отсюда мореплаватели могли плыть затем, пользуясь прибрежным течением, на север, достичь тех мест (в районе нынешнего эквадорского порта Гуаякиль), где это течение поворачивает на запад, и вместе с ним вернуться домой. При этом в районе Гуаякиля они имели возможность контактировать с жителями прибрежных предгорий Перу, где издавна возделывался сладкий картофель. Если такие плавающие были частыми, это могло привести к довольно широкому культурным контактам, что, в свою очередь,

могло бы объяснить сходство некоторых предметов и ритуалов.

Так куриные косточки сыграли важную научную роль прямого доказательства того, что первыми (в нашу эпоху) в Южную Америку пришли полинезийцы со своими курами и петухами. В связи с этим напрашивается небезынтересный вопрос: а откуда к самим полинезийцам пришли первый петух или первая курица?

Это отдельная и тоже любопытная история. Вопрос о происхождении домашних кур давно занимал естествоиспытателей, и первый ответ на этот вопрос дал Эразм Дарвин (дед великого Чарльза), который предположил, что все современные куры произошли от красного джунглевого фазана — небольшой, пугливой и робкой птицы, что по сей день водится в лесах, покрывающих предгорья Гималаев. Образ жизни и скромная диета этих птиц сделали их одомашнивание довольно простым, и куры, однажды появившись в человеческих поселениях, оказались самым легким в разведении и уходе, самым продуктивным в смысле мяса и яиц и самым «портативным» в смысле перевозки видом домашнего животного. Не случайно они быстро распространились по такому огромному ареалу, что сегодня оказывается затруднительным выявление места их первого приручения. Все же большинство специалистов считает, что это произошло в Индии около 2000 лет до новой эры. Интересно, однако, что в 1998 году китайские исследователи обнаружили, что нашли куриные кости древностью в 6000 лет до новой эры. И понадобилось более 10 лет, чтобы тщательная проверка немецкого зоолога Петерса показала ошибочность китайской сенсации. Оказалось, что в силу своей легкости древние куриные кости легко смещаются из одного слоя отложений в другой, а это приводит к ошибке в определении возраста. Китайские косточки, как показал Петерс, на самом деле были на 6000 лет моложе, то есть при-

надлежали к тем временам, когда куры уже были распространены во всей Азии и Европе.

Таким образом, путь первых полинезийских кур прослеживается относительно легко: Индия — Малайзия — Индонезия — Новая Гвинея — Полинезия. И, судя по данным Стори, эту цепочку можно продолжить: Полинезия — Южная Америка. Если бы не новое «но».

Новое «но» произнесли в этой полной противоречий истории упомянутые в начале заметки австралийские ученые. Вики Томсон и ее коллеги из университета Аделаиды проанализировали ДНК из 22 древних куриных костей и 122 современных куриных перьев, собранных на островах Тихого океана и в Юго-Восточной Азии, а также очистили древние куриные кости из Южной Америки, ранее использованные в исследовании Алисы Стори. И вот их заключение: Стори ошиблась. Ее образцы были загрязнены сторонними включениями. Более тщательный анализ (проведенный к тому же на большем материале) показывает, что ДНК древних южноамериканских кур не имеет никакого сходства с ДНК древних полинезийских кур. Это разные виды. А значит, полинезийцы не открывали Южную Америку до Колумба. Самое восточное место, где наличествуют следы их древних петухов и кур — это архипелаг Бисмарка, восточнее (то есть ближе к берегам Южной Америки) они не заплывали. (И кстати, для особо интересующихся, — знайте, что ДНК полинезийских кур имеет такую же ДНК, как куры с Филиппин, что слегка конкретизирует маршрут их распространения из Индонезии.)

Такой вот неожиданный поворот — пусть и не «назад к Хейердалу», но, во всяком случае, «назад от Хироа». Мы же предупреждали, что это запутанная история. Почему-то даже кажется, что и это еще не конец. Думается, что поиски первого южноамериканского петуха еще не раз взволнуют научную общественность.

Великие о великих: хвала и хула

Говорят, что между двумя противоположными мнениями находится истина. Ни в коем случае! Между ними лежит проблема.

*Йоганн Вольфганг Гёте.
«Максимы и размышления»*

**Джейн Остин
(1775—1817),
английская писательница**

Когда я беру какой-нибудь из романов Джейн Остин, я чувствую себя как хозяин салуна, попавший в райское царство. Я знаю, что он при этом почувствовал бы и как прокомментировал увиденное. Райские куши не пришлось бы ему по вкусу, и он, вероятно, так и сказал бы.

*Марк Твен.
«Джейн Остин»
(1907)*

Всякий раз, когда я читаю «Гордость и предубеждение», мне хочется выкопать авторшу из могилы и колотить по ее черепу ее собственной берцовой костью.

*Марк Твен.
Письмо к Джозефу Твичеллу
(1898)*

Мы (...) получили некоторое удовольствие, созерцая ее тонко выписанные узоры, ее коллекцию изящных безделушек, сберегаемых в хлопковой вате, — удовольствие, впрочем, вынужденное. (...) Лично я не люблю ни фарфор, ни прикладное искусство.

*Владимир Набоков.
«Лекции по зарубежной литературе»*

**Блез Паскаль (1623—1662),
французский ученый и философ**

Вот Паскаль умер двести лет тому, а я живу с ним одной душой, — что

может быть таинственнее этого? Вот эта мысль, которая меня переворачивает сегодня, мне так близка, точно моя! ...Я чувствую, как я в ней сливаюсь душой с Паскалем.

*Лев Толстой
в записи его секретаря В. Булгакова
(1910)*

«Пусть нас больше не упрекают в недостатке ясности, ибо мы этим гордимся. Следует признавать истинность религии в самой ее непостижимости, в малой нашей просвещенности в ней и в нашем безразличии по отношению к ее постижению». Весьма странные признаки истинности приводит здесь г-н Паскаль! Тогда каковы же признаки лжи?

Вольтер. «Философские письма» (1733)
Не доверяй даже математическому мышлению, такому совершенному, такому возвышенному, но до того чувствительному, что машина эта может работать только в пустоте, так как мельчайшая песчинка, попав в его механизм, тотчас нарушает его ход. Невольно содрогаясь при мысли о том, куда такая песчинка может завести математический ум. Вспомните Паскаля.

*Анатоль Франс.
«Сады Эпикура»
(1894)*

Размышления о смерти в духе Паскаля свойственны людям, которым не приходится бороться за выживание, за то, чтобы прокормиться и прокормить детей. Вечность зани-

мает умы тех, у кого есть для этого время. Это своего рода развлечение.

Поль Валери.

«Дурные мысли и прочее»
(1941)

Борис Леонидович Пастернак
(1890—1960),
поэт

Что-то в лице зараз и от араба и от его коня: настороженность, вслушивание, — и вот-вот... Полнейшая готовность к бегу.

Марина Цветаева.

«Световой ливень»
(1922)

Наших слов он еще не знает. (...) В три года это привычно и называется: ребенок, в двадцать три года это непривычно и называется: поэт.

Марина Цветаева.

«Световой ливень»
(1922)

Синтаксис у него какой-то развратный.

Владимир Набоков
о поэзии Пастернака

в рецензии на поэтический сборник
Е. Шаха «Семя на камне» (1927)

Пастернак — поэт, а не прозаик. Как роман «Доктор Живаго» — ничто, он полностью соответствует консервативному стилю советской литературы. Он плуатает, подобно «Унесенным ветром», и к тому же переполнен мелодраматическими ситуациями и всевозможными ляпами. По сравнению с Пастернаком мистер Стейнбек — гений.

Владимир Набоков.

Интервью в журнале «*Ivy Magazine*»
(1959)

В «Докторе Живаго» нравственная философия Толстого одерживает победу и терпит поражение художественный метод Толстого.

Варлам Шаламов.

«О прозе» (1965)

Константин Георгиевич
Паустовский (1892—1968),
писатель

И вдруг по ступенькам [Центрального дома литераторов] поднялся Па-

устовский. Я была так потрясена его присутствием, что, будучи не в состоянии вымолвить по-русски ни слова, не нашла иного способа высказать ему свое восхищение, кроме как опуститься перед ним на колени. (...) Он — лучший из тех русских писателей, кого я знаю.

Марлен Дитрих.

«Размышления»
(1979)

Паустовский писатель небольшой, как он ни надувался.

Варлам Шаламов.

Из записной книжки
(1963)

Петр I
(1672—1725),
российский царь, затем император

Петр I — одновременно Робеспьер и Наполеон (воплощение революции).

Александр Пушкин.

«О дворянстве»
(1831)

Петр своим мощным «да будет» разогнал тьмы хаоса, отделил свет от тьмы и воззвал страну великую к бытию великому, назначению всемирному.

Виссарион Белинский.

«Россия до Петра Великого»
(1841)

Я даже затрудняюсь назвать его великим человеком — не потому, чтобы он не был достаточно велик, а потому, что он был недостаточно человек.

Владимир Соловьев.

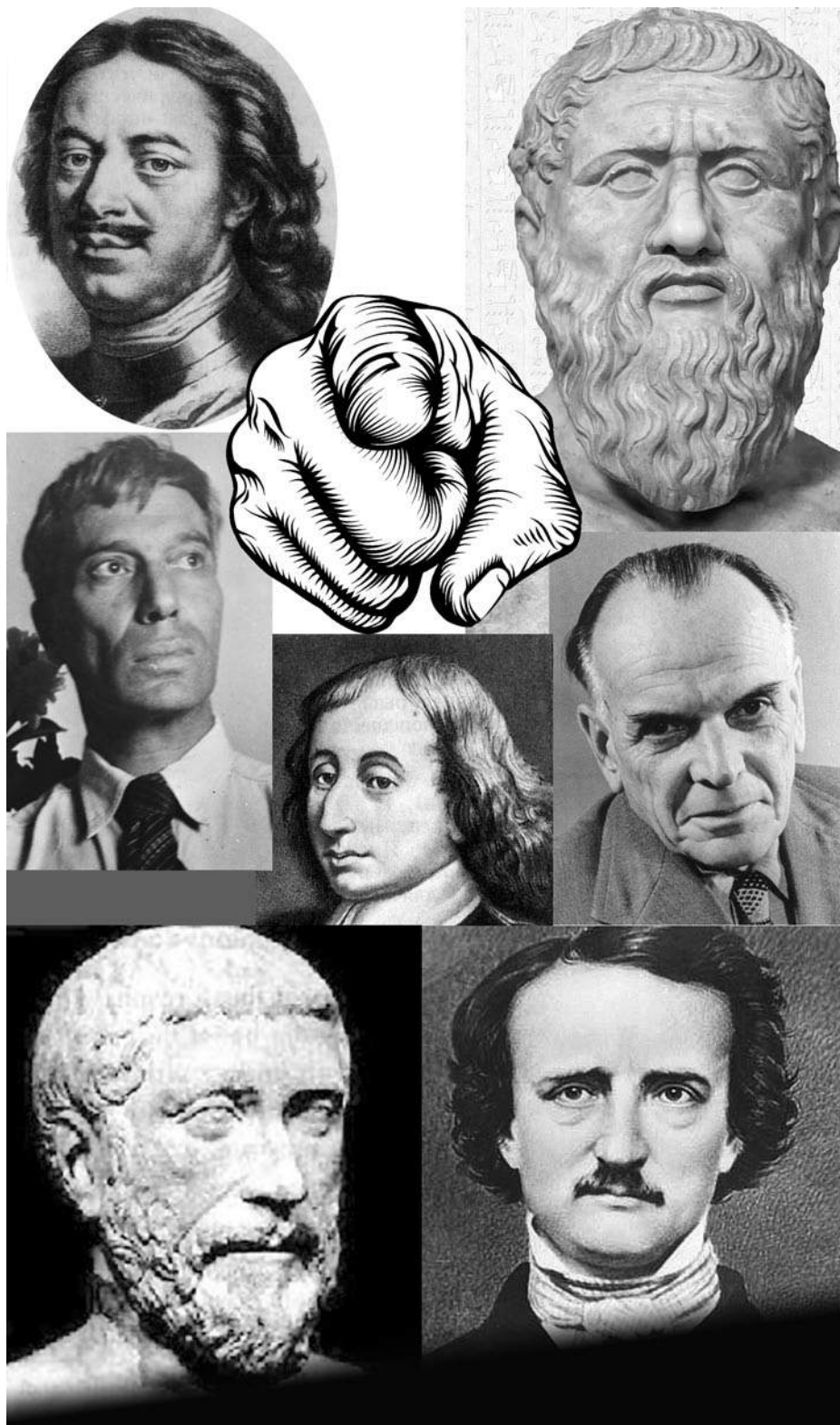
«Несколько слов в защиту
Петра Великого»
(1889)

Чтобы защитить отечество от врагов, Петр опустошил его больше всякого врага.

Василий Ключевский.

«Афоризмы и мысли об истории»
(1889—1899)

Беснующийся, пьяный, сгнивший от сифилиса зверь четверть столетия губит людей, казнит, жжет, закапывает живьем в землю, заточает жену, распутничает, мужеложествует. (...) И не только не понимают его злодейств, но до сих пор не переста-

ют восхваления доблестей этого чудовища.

Лев Толстой.

*Из черновиков к рассказу
«Николай Палкин»*

Русская история до Петра Великого сплошная панихида, а после Петра Великого — одно уголовное дело.

*Федор Тютчев в передаче
князя С. М. Волконского*

Пифагор

**(VI в. до н.э.),
древнегреческий философ и ученый,
основатель пифагорейской школы**

Я не одобряю того, что известно о пифагорейцах, которые, когда что-то утверждают при обсуждении и при этом у них спросишь: «Почему так?» — обычно отвечают: «Сам сказал!» «Сам» — это значит — Пифагор.

Цицерон.

«О природе богов»

С Пифагора начинается вся концепция вечного мира, доступного интеллекту и недоступного чувствам. Если бы не он, то христиане не учили бы о Христе как о Слове; если бы не он, теологи не искали бы логических доказательств бытия Бога и бессмертия.

Бертран Рассел.

*«История западной философии»
(1945)*

**Макс Планк
(1858—1947),
немецкий физик**

Некоторые занимаются наукой с гордым чувством своего интеллектуального превосходства; для них наука является тем подходящим спортом, который должен им дать полноту жизни и удовлетворение честолюбия. Можно найти в храме [науки] и других: плоды своих мыслей они принесут здесь в жертву только в утилитарных целях. Если бы посланный Богом ангел пришел в храм и изгнал из него тех, кто принадлежит к этим двум категориям, то храм катастрофически опустел бы. Все-таки кое-кто (...) в нем бы остался. К числу этих людей

принадлежит и наш Планк, и поэтому мы его любим.

Альберт Эйнштейн.

*Речь на праздновании
60-летия Планка (1918)*

Берлинский профессор Планк, знаменитый основатель квантовой теории, однажды заметил мне, что в молодости он хотел изучать экономику, но нашел, что она слишком трудна!

Джон Кейнс.

«Альфред Маршалл» (1924)

Платон

**(427—347 до н.э.),
древнегреческий философ**

Европейская философская традиция (...) представляет собой ряд примечаний к Платону.

Альфред Уайтхед.

*«Процесс и реальность»
(1929)*

Платон и Аристотель неизменно представляются нам надутыми буквоедами. А в действительности они были благовоспитанными людьми, любили, подобно многим другим, пошутить с друзьями. (...) За политические писания они брались, как берутся наводить порядок в сумасшедшем доме, и напускали при этом на себя важность только потому, что знали: сумасшедшие, к которым они обращаются, мнят себя королями и императорами.

Блез Паскаль.

«Мысли»

Социализм (...) всегда появляется поблизости всякой чрезмерно развитой власти, как старый типичный социалист Платон — при дворе сицилийского тирана.

Фридрих Ницше.

*«Человеческое, слишком человеческое»
(1878)*

В платоновском государстве Сократу никогда не была бы предоставлена возможность защищать себя публично. Он просто был бы доставлен в секретный Ночной совет с целью «лечения» его больной души и в конце концов ее сурового наказания.

Карл Поппер.

*«Открытое общество и его враги»
(1945)*

Если мы хотим сравнить результаты современной физики частиц с идеями любого из старых философов, то философия Платона представляется наиболее адекватной: частицы современной физики являются представителями групп симметрии, и в этом отношении они напоминают симметричные фигуры платоновской философии.

*Вернер Гейзенберг.
«Природа элементарных частиц»
(1975)*

**Плутарх (ок. 46 — ок. 127),
древнегреческий историк**

Великих мужей рожают не матери, а Плутархи.

*Станислав Ежи Лец.
«Непричесанные мысли»
(1-е изд.: 1957)*

**Эдгар Алан По (1809—1849),
американский писатель**

Тот факт, что По жил в первой половине XIX века, не менее изуми-

телен, чем тот, что испанский художник Гойя жил в конце XVIII века. Произведения По созданы как будто в наше время.

*Александр Блок.
Рецензия на «Собрание сочинений»
Э. По (1906)*

Эдгар По трезв, а Гофман пьян. Гофман разноцветен, калейдоскопичен, Эдгар — в двух-трех красках, в одной рамке. Оба великолепно, неповторимы, божественны.

*Юрий Олеша.
«Книга прощания»*

Прозу [Эдгара По] я читать не могу, так же как прозу Джейн Остин. Впрочем, разница есть. Его прозу я мог бы читать, если бы мне за это платили, а ее прозу — нет.

*Марк Твен.
Письмо к Уильяму Дину Хоуэллсу
(1909)*

Эдгар По — блестящий мастер. Его рассказы блестящи, великолепно построены — и мертвы.

Эрнест Хемингуэй. «Зеленые холмы Африки» (1935)

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ «ЗНАНИЕ – СИЛА»

Дорогие наши читатели! Оформляйте подписку на «ЗНАНИЕ – СИЛА» непосредственно в редакции, доставка «Почтой России», стоимость на 6 мес. – 1320 руб., на 12 мес. – 2640 руб. (включая НДС). Подписку можно оформить с любого месяца с получением номеров с начала года. Также в редакции можно приобрести архивные номера.

Банковские реквизиты:

Получатель: АНО «Редакция журнала «Знание-сила» ИНН: 7705224605
р/с: 40703810738250123050 в банке: ПАО «Сбербанк»
БИК: 044525225 к/с: 30101810400000000225
Укажите в графе «назначение платежа», какой вариант подписки вы выбрали.

Во всех отделениях Почты России можно подписаться на журнал по каталогам подписных агентств:

РОСПЕЧАТЬ – 70332, 71391 (годовая), 73010 (юр. лица);
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ – 99125, 99421 (годовая), 99420 (юр. лица);
«ПРЕССА РОССИИ» – 44361, 45362 (юр. лица);
КАТАЛОГ «ПОЧТЫ РОССИИ» – П1808, П3873 (юр. лица).

Дополнительную информацию можно получить:

- на сайте журнала: www.znanie-sila.su;
- по телефону: 8 499 235-89-35
- или электронной почте: zn-sila@ropnet.ru

Аэропорты и диабет

Если над вашим домом постоянно летают самолеты, у вас на 86% повышается риск развития диабета 2-го типа. Следовательно, тысячи людей, проживающих рядом с Домодедово, Жуковским, Шереметьево и Внуково, могут столкнуться с этим метаболическим расстройством.

В ходе исследования швейцарские специалисты наблюдали примерно за 2500 человек и установили, что из-за высокого уровня шума резко увеличивается концентрация сахара в крови. Возможно, эти негативные изменения связаны с нарушением сна, вызванного постоянно летающими самолетами. А недостаточное количество сна провоцирует стресс, влияющий на все системы организма.

Еще одно исследование показало, что длительное пребывание рядом с оживленными транспортными магистралями негативно влияет на мозг. Оказалось, люди, жившие рядом с магистралями, страдали от деменции и симптомов необратимой нейродегенерации. Виной тому также шумовое загрязнение. Закономерность такова: люди, живущие в радиусе 50 метров от оживленной дороги, примерно на 7% чаще сталкиваются с деменцией. Люди, живущие в радиусе 50–100 метров, — на 4%, а если радиус 100–200 метров, то риск повышается лишь на 2%.

Кое-что о заработке

Опросив 1600 человек, индийские ученые пришли к такому выводу: если люди занимают на работе ключевые позиции, то в интимной сфере они пассивны.

Согласно исследованию, треть людей, зарабатывавших более 50 000 фунтов стерлингов (почти 3 миллиона рублей) в год, занимаются сексом лишь раз в неделю. Зато 54% людей, зарабатывающих 15 000–34 000 фунтов (890 000–2 000 000 рублей) занимаются сексом несколько раз в неделю. Причина проста: обычно много зарабатывающий человек посвящает работе больше времени или даже просто больше думает о карьере. В итоге на интимную жизнь не остается ни времени, ни сил.

Зарабатывающие много, как правило, иногда сильно рискуют. Это выливается в измены и рискованное сексуальное поведение. Примерно 45% таких людей минимум один раз пробовали секс втроем.

А в группе зарабатывавших менее 15 000 фунтов в год таковых было всего 19%. 83% из первой группы имели опыт занятия сексом на улице. Этим же могли похвастаться 66% человек из группы зарабатывавших меньше остальных.

Лень заразна

Исследование, проведенное во Франции, показало, что люди неосознанно перенимают у других такие качества, как рассудительность, нетерпеливость и лень. То есть, те формируются под влиянием окружающих.

В эксперименте приняли участие 56 человек. Участники принимали решения до и после того, как это делали другие добровольцы. Однако они не знали, что решения других участников контролировали ученые. При этом добровольцам казалось, что другие разделяли их убеждения. Данный феномен называется «эффектом ложного консенсуса». Также ученые наблюдали так называемый «эффект социального влияния», когда убеждения участников становились похожи на убеждения окружающих. Это было отчасти обусловлено первым эффектом.

Те, у которых «эффект ложного консенсуса» был выражен слабо, чаще копировали действия окружающих. А добровольцы, уверенные в том, что убеждения других похожи на их собственные, редко подражали окружающим.

Применив математическое моделирование, специалисты установили: оба эффекта и связь между ними помогли людям узнать больше об убеждениях окружающих.

«Все в прошлом»,

Василий Максимов, 1889 год, Государственная Третьяковская галерея.

Мифологию русской усадьбы — от которой не отделить теперь воспоминаний о ней — создавали те, для кого и становление усадебной культуры, и ее упадок были личным опытом. Среди них был и художник-передвижник Василий Максимов (1844—1911).

Над эскизами к своей знаменитой картине «Все в прошлом» Максимов начал работать ещё в 1885-м, после смерти тещи, генеральши Измайловой. Жена художника, Лидия Александровна, оказалась наследницей старой усадьбы с поэтическим названием «Любаша», которая и стала прообразом той, что изображена на картине.

У маленького бревенчатого стола — две старухи: хозяйка-барыня и ее прислуга-крестьянка. Весна, цветет сирень, проклюнулась трава, молодая природа пробуждается к жизни. В контрасте с этим — лишь три старых персонажа: две старухи и древний верный пес. Барыня предается воспоминаниям. Была хороша собой, богата, блистала в свете... В ее осанке, выражении лица, повороте головы до сих пор сквозит тень спокойного превосходства. Барыня в кресле с узорным чехлом, одета в нарядное платье с бантом, тальму, подбитую мехом. На голове — белоснежный чепец, на ногах — мягкие восточные туфли. Золотые перстни украшают ее старые праздные руки.

Ее старая служанка когда-то, очевидно, была крепостной. Замуж ее баре не выдали, и теперь она коротает свой век у хозяйки. Ее темная одежда — сатиновый платок, клетчатый фартук — все для работы, для того, чтобы даже на старости лет служить барам. Картина построена на контрасте: одежда, чашки (изящная фарфоровая господская и простая фаянсовая служанкина), их местоположение — кресло и ступень старого крыльца, даже руки — ленивые барские и служанкины, которые вечно в работе (вот и на отдыхе она вяжет чулок). Общее одно — старость.

Старость, бывшая так далеко от них, едва ли не дальше, чем они друг другу в социальном плане, сближает их, примиряет обеих с тем, что все в прошлом. Они знают, и художник знает, возможно, знает даже старый пес: уже совсем скоро их ждет еще одна стадия равенства — примиряющая, сглаживающая последние различия смерть.

Не пройдет и тридцати лет, как многие прекрасные усадьбы, богатые и попроще, созданные и крепостными архитекторами, и прославленными итальянскими мастерами, уйдут в небытие вместе с хозяевами.

«В 1917 году началась агония, — писал А. Н. Греч. — Опустели дома, белые колонны рухнули. Дорожки парков заросли травой... Львы на воротах облезли и рассыпались бесформенными кусками... В десять лет создан грандиозный некрополь. В нём — культура двух столетий. Здесь погребены памятники искусства и быта, мысли и образы, вдохновлявшие русскую поэзию, литературу и музыку, общественную мысль. И нет над некрополем надгробного камня».

Об этом читайте в статье Елены Генерозовой «Дорожки парка заросли травой» на с. 43.

Журнал **ЗНАНИЕ-СИЛА** в электронном виде

Купить электронную версию журнала:

Аймобилко www.imobilco.ru Ай мобилко

ЛитРес www.litres.ru ЛитРес: одни клик до книг

Руконт rucont.ru ПРЕССА по подписке

Подписка на электронную версию:

Пресса.ру pressa.ru ПРЕССА.RU

ISSN 0130-1640

9 770130 164002 >

Об этом читайте в следующем номере.